

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

4

2024

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	КОНДРАЛЬ А. А. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волански Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жанбосинова А. С.	Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.
Линднер Р.	Констанцский университет, Констанц, Германия.
Минасян Э. Г.	Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Нью-Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Белусов Л. С.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Вабищевич А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Лозовуюк П.	Западно-Чешский университет, Пльзень, Чехия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзальюк И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Новгородский Т. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Пилипенко М. Ф.	Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ураков Д. Ж.	Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	КОНДРАЛЬ А. А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі новага і навішага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by

Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Валанскі Ф.	Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жанбасінава А. С.	Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Астана, Казахстан.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывкар, Расія.
Лінднер Р.	Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Мінасян Э. Г.	Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, Ерэван, Армения.
Упадуэй А.	Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Нью-Дэлі, Індыя.
Фішэр Д.	Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш.	Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М.	Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Белавусаў Л. С.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лазавюк П.	Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, Пльзень, Чэхія.
Лакотка А. І.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В.	Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А.	Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р.	Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М.	Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Наваградскі Т. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Нячухрын А. М.	Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф.	Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Уракаў Д. Ж.	Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека, Ташкент, Узбекістан.
Ходзін С. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KAKHANOUSKI A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	KONDRAL A. A. , PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kondral@bsu.by

Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh.	School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D.	University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Minasyan E. G.	Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
Šmigel' M.	Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A.	Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F.	Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhanbossinova A. S.	Research Centre of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Belousov L. S.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Duk D. V.	Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masharov, Viciebsk, Belarus.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrionovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Lozoviuk P.	University of West Bohemia, Plzeň, Czechia.
Marzaluk I. A.	House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M.	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R.	Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N.	Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Novogrodsky T. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Pilipenko M. F.	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Centre for the Belarusian Culture, Language and Literature Research, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Tumans H.	University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Urakov D. Z.	National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan.

ОТ РЕДАКЦИИ

АД РЕДАКЦЫІ

EDITORIAL

Историческому факультету Белорусского государственного университета исполнилось 90 лет. Все эти годы подразделение оставалось и остается флагманом исторического образования и исторической науки Беларуси. С 1921 по 1934 г. специалистов по истории в БГУ готовили на факультете общественных наук, а также на педагогическом факультете. Политические и экономические преобразования в стране в конце 1920-х – начале 1930-х гг. обострили потребность в подготовке специалистов в области истории. Перед общественными науками стояла задача воспитывать граждан в духе патриотизма, а патриотическое воспитание всегда неразрывно связано с осознанием опыта прошлого.

В 1934 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Это событие положило начало кардинальным изменениям в историческом образовании. Восстановление школьного исторического образования требовало реформирования вузовской системы обучения педагогических и научных кадров. С 1 сентября 1934 г. возобновилась подготовка квалифицированных специалистов на исторических факультетах Московского и Ленинградского университетов. Исторический факультет БГУ был торжественно открыт 23 октября 1934 г.

Все последующие годы исторический факультет БГУ динамично развивался, оставаясь одним из самых престижных учебных и научных центров Беларуси. Значимую роль в формировании белорусской исторической школы и создании национальной концепции истории сыграли научные периодические издания университета. В 1920-х гг. исторические исследования публиковались в журнале «Труды БГУ», в 1950–70-х гг. – в издании «Вопросы истории БССР». В 1969 г. начал выходить научно-теоретический журнал «Вестник БГУ. Серия 3, История. Экономика.

Право». Его правопреемником в 2017 г. стало издание «Журнал Белорусского государственного университета. История». Оно продолжает традиции таких научных ежегодников исторического факультета, как «Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны» (2002–2014), «Российские и славянские исследования (2004–2014), «Працы гістарычнага факультэта БДУ» (2006–2015). Целью журнала является публикация оригинальных материалов, которые основаны на вводе в научный оборот новых источников, написаны с учетом концепций новейшей отечественной и зарубежной историографии и посвящены фундаментальным теоретическим и прикладным проблемам белорусской и всемирной истории, источниковедения, истории науки, археологии и специальных исторических дисциплин – архивоведения и музееведения. Текущий выпуск журнала посвящен 90-летию юбилею исторического факультета.

Тематический раздел открывает статья главного редактора журнала декана исторического факультета БГУ А. Г. Кохановского «Научно-инновационный потенциал исторического факультета Белорусского государственного университета: традиции и современность». Автор представляет ретроспективный анализ становления отечественной исторической школы, подчеркивая значительный вклад ученых БГУ в этот процесс. Статья заведующего кафедрой истории России исторического факультета БГУ О. А. Яновского «Расійская гісторыя ў Беларускай дзяржаўнай універсітэце: трансфармацыя інстытуцыянальнасці, практык выкладання і даследаванняў (1921–2024)» посвящена анализу этапов институционализации российской исторической науки, а также исследованию направлений, форм и методов организации учебной деятельности по ее преподаванию в БГУ от начала его работы до настоящего времени.

В разделе «История Беларуси» размещена статья «Деятельность депутатов Гродненской губернии в Первой Государственной думе Российской империи», подготовленная первым проректором Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова Д. С. Лавриновичем. В материале рассматриваются политические, социальные и национальные факторы, оказавшие влияние на ход избирательной кампании в Первую Государственную думу Российской империи на территории Гродненской губернии. В статье доцента кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета БГУ Т. В. Лисовской «Работа с детьми и молодежью в белорусских позднепротестантских общинах (1917–1991)» представлен анализ принципов, форм и методов работы с молодежью в евангельско-баптистских, пятидесятнических общинах, а также в общинах адвентистов седьмого дня на территории Беларуси в 1917–1991 гг. В статье ученого секретаря Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан А. С. Бушуева исследуются социальные характеристики уроженцев БССР в составе боевых потерь, понесенных Красной армией в ходе освобождения северо-восточных районов Польши от нацистской оккупации в 1944–1945 гг.

Раздел «Всемирная история» содержит результаты научных исследований ведущих ученых Беларуси

и России по вопросам древней и новой истории. Материал профессора кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета БГУ А. М. Лукашевича описывает мобилизационные планы Отдельного корпуса пограничной стражи Российской империи и особенности реализации их в начале Первой мировой войны. В статье главного научного сотрудника отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН С. Г. Карпюка рассмотрено значение осады афинского Акрополя в 508–507 гг. до н. э. после восстания афинян против спартанского владычества. В статье профессора департамента истории Московского государственного педагогического университета Д. В. Васильева «Мургабское государево имение: особенности экономического развития и процесса колонизации в конце 1880-х гг.» рассматривается организационный период в истории имения, основанного в Закаспийской области Российской империи в 1887 г.

Раздел «Этнология» представлен статьей доцента кафедры антропологии философского факультета Западно-Чешского университета П. Лозовюка «Протоэтнографические публикации на восточнославянскую тематику в пражском журнале “Ост унд вест”». В материале анализируется деятельность основанного в 1837 г. в Праге издания, в частности публикация протоэтнографических текстов.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

Историческому факультету БГУ – 90 лет
Гістарычнаму факультэту БДУ – 90 гадоў
The faculty of history of BSU is 90 years old

УДК 93/94:378.4(476-25)096 + 93/94(072)

НАУЧНО-ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. Г. КОХАНОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Представлен ретроспективный анализ становления университетской исторической науки на примере Белорусского государственного университета. Показан значительный вклад ученых БГУ в сложный процесс институционализации белорусской исторической науки. Подчеркнуто, что становление истории в республике и определение приоритетов в организации научных исследований во многом были обусловлены потребностями развития государства. Отмечено, что наиболее значимые коллективные научные издания по истории Беларуси созданы благодаря сотрудничеству специалистов исторического факультета БГУ и Института истории НАН Беларуси. Указано на то, что в последние десятилетия организация исследований и подготовка специалистов на историческом факультете БГУ вышли на новый междисциплинарный уровень.

Ключевые слова: исторический факультет БГУ; историческая наука; научные школы; междисциплинарный подход к исследованиям и подготовке специалистов.

Образец цитирования:

Кохановский АГ. Научно-инновационный потенциал исторического факультета Белорусского государственного университета: традиции и современность. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2024;4:7–13.
EDN: ZGCHYH

For citation:

Kakhanouski AG. Scientific and innovative potential of the faculty of history of the Belarusian State University: traditions and modernity. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2024;4:7–13. Russian.
EDN: ZGCHYH

Автор:

Александр Геннадьевич Кохановский – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета.

Author:

Aliaksandr G. Kakhanouski, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history.
kohanovsky@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-5993-6482>

НАВУКОВА-ІНАВАЦЫЙНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ ГІСТАРЫЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЁНІВЕРСІТЭТА: ТРАДЫЦЫІ І СУЧАСНАСЦЬ

А. Г. КАХАНОЎСКІ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Анотацыя. Прадстаўлены рэтраспектыўны аналіз станаўлення ўніверсітэцкай гістарычнай навукі на прыкладзе Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Паказаны значны ўклад вучоных БДУ ў складаны працэс інстытуцыяналізацыі беларускай гістарычнай навукі. Падкрэслена, што станаўленне гістарычнай навукі ў рэспубліцы і вызначэнне прыярытэтаў у арганізацыі навуковых даследаванняў шмат у чым былі абумоўлены запатрабаваннямі развіцця дзяржавы. Адзначана, што найбольш значныя калектыўныя навуковыя выданні па гісторыі Беларусі былі створаны дзякуючы супрацоўніцтву спецыялістаў гістарычнага факультэта БДУ і Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Указана на тое, што ў апошнія дзесяцігоддзі арганізацыя даследаванняў і падрыхтоўка спецыялістаў на гістарычным факультэце БДУ выйшлі на новы міждысцыплінарны ўзровень.

Ключавыя словы: гістарычны факультэт БДУ; гістарычная навука; навуковыя школы; міждысцыплінарны падыход да даследаванняў і падрыхтоўкі спецыялістаў.

SCIENTIFIC AND INNOVATIVE POTENTIAL OF THE FACULTY OF HISTORY OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY: TRADITIONS AND MODERNITY

A. G. KAKHANOUSKI^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. A retrospective analysis of the formation of university historical science on the example of the Belarusian State University is presented. The significant contribution of the Belarusian State University scientists to the complex process of institutionalisation of Belarusian historical science is shown. It was emphasised that the formation of history in the republic and the definition of priorities in the organisation of scientific research were largely determined by the needs of the development of the state. It was noted that the most significant collective scientific publications on the history of Belarus were created thanks to the cooperation of specialists from the faculty of history of the Belarusian State University and the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus. It is pointed out that in recent decades, the organisation of research and training of specialists at the faculty of history of the Belarusian State University has reached a new interdisciplinary level.

Keywords: the faculty of history of the Belarusian State University; historical science; scientific schools; interdisciplinary approach to research and training of specialists.

Введение

В 2024 г. исполняется 90 лет с момента создания исторического факультета как отдельного научно-педагогического подразделения Белорусского государственного университета. Безусловно, с первых дней существования учреждения истории как предмету научных исследований и учебной дисциплине уделялось большое внимание. В стенах БГУ произошла институционализация белорусской исторической науки. Кроме того, здесь был дан интеллектуальный

и кадровый импульс становлению академической науки. Так, именно преподаватели-историки БГУ стояли у истоков создания Института истории АН БССР. В условиях нехватки кадров в 1920–30-х гг. историки часто совмещали работу в БГУ и АН БССР. В 1934 г. первым деканом исторического факультета БГУ стал директор Института истории АН БССР В. К. Щербаков. Он являлся одновременно профессором БГУ и профессором Минского педагогического института.

Методология и историография исследования

Несмотря на наличие фундаментальных исследований В. Н. Михнюка [1], Д. В. Карева [2], О. А. Яновского [3], В. А. Белозоровича [4] и др., изучение ста-

новления и развития исторической науки в Беларуси сегодня остается актуальной задачей. Каждый из трудов этих авторов посвящен отдельному периоду

или научному направлению. Опыт подготовки и публикации пятитомного издания «Интеллектуальная элита Беларуси», которое аккумулировало очерки о жизненном пути и деятельности около 120 ученых БГУ, показал, насколько многогранным и перспективным направлением является изучение процесса формирования белорусской науки, в том числе исторической.

Изучение этапов становления и институционализации исторической науки в Беларуси, формирования исторического нарратива, актуализации государственной исторической политики и популяризации знания о прошлом среди населения будет неполным

без обращения к анализу научных школ и отдельных центров, представляющих собой инфраструктуру исторической науки. Важным направлением является проведение просопографических исследований, которые посредством изучения личности ученого, его научной карьеры, взглядов и тематики трудов позволяют показать многогранную палитру становления исторической науки в Беларуси. В ряде работ, приуроченных, как правило, к юбилейным датам, предпринимаются попытки показать вклад того или иного научно-исследовательского учреждения в развитие науки, однако детальный анализ его роли в становлении истории не проводится.

Основная часть

Первая лекция, прочитанная в БГУ, была лекцией по истории. Она состоялась 30 октября 1921 г. Историки являлись основой первоначального преподавательского состава факультета общественных наук, «в составе которого были отделения с историческим компонентом: этнологическое и общественно-педагогическое» [5, с. 8]. С первых дней существования университета велась работа по развитию белорусоведения и его самостоятельных направлений: архивоведения, источниковедения, археологии, этнографии, искусствоведения, краеведения.

В 1920-х гг. структуру организации учебного процесса во многом определяли научная квалификация и сфера интересов привлеченных специалистов. Преподавание исторических дисциплин было достаточно мозаичным, однако в совокупности оно охватывало важнейшие разделы истории.

Становление университетской исторической науки происходило благодаря усилиям местных энтузиастов-белорусоведов, а также благодаря помощи российских специалистов, прежде всего из Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Для работы в БГУ из Москвы прибыли В. И. Пичета, Д. А. Жаринов, А. А. Савич, из Смоленска – Н. М. Никольский, В. Н. Перцев и др.

Динамика становления исторической науки, определение приоритетов в организации научных исследований и выборе их тематики во многом были обусловлены потребностями развития государства, необходимостью решения как внутривополитических, так и внешнеполитических задач. Внимательный анализ тематики исследований историков, их подходов к использованию методологии, процесса формирования новых научных направлений отражает тенденции и запросы, которые характерны для становления современной белорусской государственности.

Серьезным испытанием для исторического факультета стал период Великой Отечественной войны. Многим студентам и преподавателям довелось участвовать в сражениях. В 1943 г. факультет возобновил свою работу на ст. Сходня в Подмоскowie. Огромную помощь в организации учебного процесса оказал исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова.

В советский период исторический факультет функционировал прежде всего как центр изучения гражданской истории СССР и БССР, всеобщей истории, а также специальных и вспомогательных исторических дисциплин. Историко-партийная наука, как правило, была обособлена в институциональном плане. В рамках высших учебных заведений она была сосредоточена на отдельных общеперуниверситетских кафедрах. На общереспубликанском уровне особый статус историко-партийной науки нашел отражение в параллельной деятельности Института истории АН БССР и Института истории партии при ЦК КПБ. Каждое из учреждений формировало свое предметное поле исследований и использовало свой арсенал подходов к изучению прошлого. Сотрудники кафедр истории КПСС не только занимались преподавательской деятельностью, но и проводили активную разъяснительную идеологическую работу среди рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений. Соответственно, они, по сравнению со своими коллегами-историками, преподававшими на других кафедрах, имели сокращенную (примерно на 200 академических часов) годовую учебную нагрузку.

Формирование научных школ на историческом факультете БГУ изначально было обусловлено спецификой организации учебного процесса и подготовки квалифицированных кадров. При этом тематика научных исследований во многом зависела от приоритетов общественно-политического дискурса страны. Историки БГУ большое внимание уделяли социально-экономическому развитию Беларуси, особенностям революционного и национально-освободительного движений на ее территории, вопросам античного христианства, германистики и международных отношений. Такой подход задал направление научных исследований на многие десятилетия. Однако приглашение на работу новых преподавателей, структурные изменения внутри самого университета приводили к расширению тематики исследований и смене приоритетов в организации научной работы. С самого начала деятельности университета в его стенах велось преподавание учебных

дисциплин по истории России, европейского Средневековья и Нового времени. Проводились исследования археологического наследия Беларуси, этнографии и истории искусств.

Несмотря на кадровый голод в конце 1920-х – начале 1930-х гг., университетские профессора внесли значительный вклад в институционализацию академической исторической науки, предприняли серьезные усилия по созданию в 1929 г. Института исторических наук в структуре академии наук. Нередко специалистам-историкам приходилось совмещать преподавание в университете и научную работу в АН БССР. В последующие годы, особенно в послевоенное время, взаимодействие академических и университетских историков принесло немало пользы БГУ и АН БССР. Следует подчеркнуть, что результатом совместного труда научных коллективов являются фундаментальные издания по истории БССР, вышедшие в конце 1940-х – 1970-х гг. В их числе трехтомный труд «История БССР», подготовленный в конце 1940-х гг. под грифом «Для служебного пользования», два двухтомных издания «История БССР», вышедших в 1950–60-х гг. [6–9], а также пятитомная работа «Гісторыя Беларускай ССР» (1971–1975) [10–14]. Примечательно, что совместные успешные исследования, взаимная поддержка в наиболее сложные периоды деятельности не ослабили растянувшееся на десятилетия соперничество за первенство между Институтом истории НАН Беларуси и историческим факультетом БГУ.

В советский период исторический факультет БГУ был не самым многочисленным подразделением университета по профессорско-преподавательскому составу. В середине 1980-х гг. на историческом факультете функционировали шесть кафедр со штатом около 55 преподавателей. Каждый из них имел свою сферу научных интересов. Отсутствие научных публикаций по итогам года у кого-либо из преподавателей было редкостью и находило отражение в отчете о научно-исследовательской работе факультета или становилось поводом для рассмотрения на заседаниях ученого совета и кафедр.

В белорусской историографии времен СССР не была сформирована концепция отечественной истории в современном ее понимании. Тем более не были созданы аутентичные (соответствующие национально-государственной парадигме истории) учебные программы и пособия по истории Беларуси. Методологические подходы к отражению национальной истории формировались под контролем партийно-советского руководства и были во многом едины для всех советских

республик. Тем не менее в 1960–80-х гг. произошло оживление интереса к истории Беларуси, значительно расширилась тематика исследований, в научный оборот был введен огромный массив данных неопубликованных источников. В значительной степени тщательное изучение истории Беларуси было возможно не только благодаря профессиональным историкам, но и благодаря филологам, этнографам, искусствоведам, философам и другим специалистам. Учеными в смежных областях созданы многочисленные работы, посвященные формированию общественной мысли и развитию духовной сферы на территории Беларуси, деятельности представителей белорусской культуры и т. д. Историки сосредоточили внимание преимущественно на исследовании историко-партийных и социально-экономических процессов, истории рабочего и крестьянского движения, а также новейшей истории Беларуси.

В самом начале 1990-х гг. одновременно с провозглашением государственного суверенитета Республики Беларусь в учебный процесс на всех уровнях была введена дисциплина «История Беларуси». Данное событие произошло в условиях, когда практически отсутствовали учебные программы и документация, не были разработаны учебные пособия для средней и высшей школы, не хватало научно-педагогических кадров. Используя в то время в средней школе учебник «Гісторыя БССР» под редакцией заведующего кафедрой истории БССР профессора Л. С. Абецедарского проблему не решал, как и монографические исследования и многотомные академические труды по истории Беларуси¹. Более того, отсутствовала национально-государственная концепция преподавания отечественной истории.

За последние десятилетия преподавателями исторического факультета БГУ проведена «...огромная работа по созданию учебных пособий по истории для средних школ. Создано несколько поколений учебной литературы для высших учебных заведений. На сегодняшний день нет практически ни одного учебного пособия по истории с грифом Министерства образования Республики Беларусь, в подготовке которого бы не участвовали преподаватели исторического факультета» [15, с. 95]. Данный факт подтверждают подготовка и издание учебных пособий «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці» для высших учебных заведений², «История белорусской государственности» для средних специальных учебных заведений³ и «История Беларуси в контексте всемирной истории» для общеобразовательных средних школ⁴.

¹История БССР : учеб. пособие для учащихся сред. шк. / Л. С. Абецедарский, М. П. Баранова, Н. Г. Павлова ; под ред. Л. С. Абецедарского. Минск : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения БССР, 1960. 200 с.

²Гісторыя беларускай дзяржаўнасці : вучэб. дапам. для студэнтаў устаноў выш. адукацыі / І. А. Марзалюк [і інш.] ; пад агул. рэд. І. А. Марзалюка ; навук. рэд. Г. Г. Краско. Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2022. 447 с.

³История белорусской государственности : учеб. пособие / И. А. Марзалюк [и др.] ; под общ. ред. И. А. Марзалюка. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2024. 223 с.

⁴История Беларуси в контексте всемирной истории : учеб. пособие для 10-го класса : в 2 ч. / А. Г. Кохановский [и др.] ; под ред. А. Г. Кохановского. Минск : Изд. центр БГУ, 2024. Ч. 1. 223 с.

Сегодня исторический факультет БГУ является крупнейшим в стране научно-образовательным центром, специализирующимся на всех областях истории. Институт истории НАН Беларуси ориентирован преимущественно на изучение истории и археологии. В структуре исторического факультета БГУ насчитывается девять кафедр, «...которые по своему профилю охватывают практически весь спектр исторического знания, в том числе такие уникальные для нашей страны отрасли, как история стран арабского Востока, Латинской Америки и др. На факультете сформированы научные школы по истории белорусской государственности, социальной истории Беларуси, истории России, германистике, истории стран Ближнего Востока и Северной Африки, историографии и источниковедению и др.» [15, с. 92].

Современная университетская историческая наука ориентирована прежде всего на обеспечение образовательного процесса и подготовку высококвалифицированных специалистов. При этом она вносит весьма заметный вклад в решение фундаментальных научных задач. Спектр исследований университетских историков предельно широк и охватывает все направления истории и ее специальных дисциплин. Зримым подтверждением эффективной научной деятельности историков БГУ являются их публикационная активность, защиты диссертаций, участие в научных мероприятиях и проектах по заказам органов управления и государственных учреждений. С каждым годом растут показатели практического применения результатов научной работы в проведении мероприятий гражданско-патриотической направленности, организации и методическом обеспечении проектной деятельности студенческой молодежи [16].

За годы независимости Республики Беларусь на факультете открыта подготовка по специальностям «историко-архивоведение», «музейное дело

и охрана историко-культурного наследия», «управление документами» и «регионоведение». Открытие специальности «международные отношения» на историческом факультете БГУ в 1992 г. сыграло системообразующую роль в создании факультета международных отношений в 1995 г. Формирование и расширение существующих образовательных профилей потребовали подготовки новых учебно-методических изданий. Происходил процесс становления новых научных школ. Некоторые из них имеют значительный практико-ориентированный потенциал (например, школа архивоведения или школа документоведения).

Ежегодно исторический факультет БГУ выступает организатором более 20 научных мероприятий (международных научных конференций, круглых столов, семинаров и т. д.), преподаватели готовят не менее 500 докладов. В последние десятилетия подразделение выступает в качестве одной из головных организаций в реализации заданий государственных программ научных исследований. Сегодня сотрудники факультета проводят огромную работу по выполнению заданий государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (2021–2025).

Одним из наиболее актуальных направлений истории остается разработка исторической терминологии, а также ее репрезентация в общедоступной форме для учебных и научно-популярных изданий по истории Беларуси. Данный вопрос неоднократно становился предметом обсуждения на научных форумах белорусских и российских историков. Функционирование с 2019 г. первой белорусско-российской (с выдачей двух дипломов – БГУ и МГУ имени М. В. Ломоносова) магистерской программы «История белорусской диаспоры» во многом способствует актуализации международных научно-образовательных проектов.

Заключение

Сегодня в нашей стране остро ощущается дефицит специалистов по истории и культуре стран и народов Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. В данном направлении работают единичные эксперты (на историческом факультете БГУ и в некоторых других учебных заведениях страны). Существует потребность в проведении исследований в данных областях. Перспективным решением видится разработка образовательных программ совместно с российскими (прежде всего с МГУ имени М. В. Ломоносова) и ки-

тайскими университетами. Опыт коллектива исторического факультета БГУ в данном случае может быть очень востребован. По-прежнему актуальной остается разработка ряда малоисследованных направлений истории Беларуси. Важна также широкая научно-просветительская работа среди различных групп населения. И в этой сфере опыт исторического факультета БГУ являлся значимым. Серьезный потенциал имеет также расширение междисциплинарных исследований и образовательных программ.

Библиографические ссылки

1. Михнюк ВН. *Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.)*. Минск: Наука и техника; 1985. 286 с.
2. Карев ДВ. *Белорусская историография и формирование исторического сознания белорусов в 1914–1945 годах (основные тенденции развития в геополитическом контексте эпохи)*. Гродно: Юрсапринт; 2016. 111 с.

3. Кахановіскі АГ, Яноўскі АА. Станаўленне і развіццё гістарычнай навукі ў Беларускім дзяржаўным універсітэце (1920–50-я гг.). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2021;3:7–18.
4. Белозорович ВА. *Формирование и развитие концепции истории Беларуси в отечественной историографии (вторая половина XIX – начало XXI века)*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2020. 335 с.
5. Прохоров АА, Яновский ОА, Назаренко АМ, составители. *Исторический факультет БГУ. 80 лет*. Минск: БГУ; 2014. 155 с.
6. Перцев ВН, Шабуня КИ, Абецедарский ЛС, редакторы. *История Белорусской ССР. Том 1*. Минск: АН БССР; 1954. 504 с.
7. Краўчанка ІС, Каменская НВ, рэдактары. *Гісторыя Беларускай ССР. Том 2*. Мінск: АН БССР; 1958. 661 с.
8. Абецедарский ЛС, Перцев ВН, Шабуня КИ, редакторы. *История Белорусской ССР. Том 1*. Минск: АН БССР; 1961. 655 с.
9. Горбунов ТС, Каменская НВ, Кравченко ИС, редакторы. *История Белорусской ССР. Том 2*. Минск: АН БССР; 1961. 699 с.
10. Шабуня КИ, рэдактар. *Гісторыя Беларускай ССР. Том 1, Першабытна-абшчынны лад на тэрыторыі Беларусі. Эпоха феадалізму*. Мінск: Навука і тэхніка; 1972. 631 с.
11. Шабуня КИ, рэдактар. *Гісторыя Беларускай ССР. Том 2, Беларусь у перыяд капіталізму (1861–1917 гг.)*. Мінск: Навука і тэхніка; 1972. 687 с.
12. Марчанка ІА, рэдактар. *Гісторыя Беларускай ССР. Том 3, Перамога Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі і пабудова сацыялізму ў БССР (1917–1937 гг.)*. Мінск: Навука і тэхніка; 1973. 694 с.
13. Краўчанка ІС, рэдактар. *Гісторыя Беларускай ССР. Том 4, Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.)*. Мінск: Навука і тэхніка; 1975. 640 с.
14. Філімонаў АА, рэдактар. *Гісторыя Беларускай ССР. Том 5, Беларуская ССР у перыяд стварэння развітога сацыялістычнага грамадства і будаўніцтва камунізму (1945–1974 гг.)*. Мінск: Навука і тэхніка; 1975. 776 с.
15. Кохановский АГ. Исторический факультет БГУ как научный и образовательный центр: традиции, новации, перспективы. В: Король АД, Сафонов ВГ, Чуприс ОИ, Янушевич ИИ, Кохановский АГ, Медведев ДГ и др. *Роль университетского образования и науки в современном обществе. Материалы Международной научной конференции; 26–27 февраля 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2019. с. 92–96.
16. Кохановский АГ. Реализация молодежных проектов как фактор гражданско-патриотического воспитания, формирования уважения к исторической памяти среди студентов (на примере исторического факультета БГУ). В: Сергеевко ИП, Гусаков ВГ, редакторы. *Государственная политика в сфере истории: проблемы и перспективы сохранения исторической правды и памяти. Материалы республиканской научно-практической конференции; 14 сентября 2023 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Беларуская навука; 2024. с. 212–217.

References

1. Mikhnyuk VN. *Stanovlenie i razvitie istoricheskoi nauki Sovetskoi Belorussii (1919–1941 gg.)* [Formation and development of historical science in Soviet Belarus (1919–1941)]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1985. 286 p. Russian.
2. Karev DV. *Belorusskaya istoriografiya i formirovanie istoricheskogo soznaniya belorusov v 1914–1945 godakh (osnovnye tendentsii razvitiya v geopoliticheskom kontekste epokhi)* [Belarusian historiography and the formation of historical consciousness of Belarusians in 1914–1945 (the main development trends in the geopolitical context of the era)]. Grodna: Yursaprint; 2016. 111 p. Russian.
3. Kakhanouski AG, Yanouski AA. Formation and development of historical science in the Belarusian State University (1920–50s). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;3:7–18. Belarusian.
4. Belozorovich VA. *Formirovanie i razvitie kontseptsii istorii Belarusi v otechestvennoi istoriografii (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI veka)* [Formation and development of the concept of the history of Belarus in domestic historiography (second half of the 19th – early 21st century)]. Grodna: Yanka Kupala State University of Grodna; 2020. 335 p. Russian.
5. Prokhorov AA, Yanovskii OA, Nazarenko AM, compilers. *Istoricheskii fakul'tet BGU. 80 let* [Faculty of history of the Belarusian State University. 80 years]. Minsk: Belarusian State University; 2014. 155 p. Russian.
6. Pertsev VN, Shabunja KI, Abetsedarskii LS, editors. *Istoriya Belorusskoi SSR. Tom 1* [History of the Belarusian SSR. Volume 1]. Minsk: AN BSSR; 1954. 504 p. Russian.
7. Krawchanka IS, Kamenskaja NV, editors. *Gistoryja Belaruskaj SSR. Tom 2* [History of the Belarusian SSR. Volume 2]. Minsk: AN BSSR; 1958. 661 p. Belarusian.
8. Abetsedarskii LS, Pertsev VN, Shabunja KI, editors. *Istoriya Belorusskoi SSR. Tom 1* [History of the Belarusian SSR. Volume 1]. Minsk: AN BSSR; 1961. 655 p. Russian.
9. Gorbunov TS, Kamenskaya NV, Kravchenko IS, editors. *Istoriya Belorusskoi SSR. Tom 2* [History of the Belarusian SSR. Volume 2]. Minsk: AN BSSR; 1961. 699 p. Russian.
10. Shabunja KI, editor. *Gistoryja Belaruskaj SSR. Tom 1, Pershabytna-abshchynny lad na tjerytoryi Belarusi. Jepoha feodalizmu* [History of the Belarusian SSR. Volume 1, Primitive communal system on the territory of Belarus. The era of feudalism]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1972. 631 p. Belarusian.
11. Shabunja KI, editor. *Gistoryja Belaruskaj SSR. Tom 2, Belarus' u peryjad kapitalizmu (1861–1917 gg.)* [History of the Belarusian SSR. Volume 2, Belarus in the period of capitalism (1861–1917)]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1972. 687 p. Belarusian.
12. Marchanka IJa, editor. *Gistoryja Belaruskaj SSR. Tom 3, Peramoga Vjalikaj Kastrychnickaj sacyjalistychnaj rjevaljucyi i pabudova sacyjalizmu w BSSR (1917–1937 gg.)* [The history of the Belarusian SSR. Volume 3, The victory of the Great October Socialist Revolution and the building of socialism in the BSSR (1917–1937)]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1973. 694 p. Belarusian.
13. Krawchanka IS, editor. *Gistoryja Belaruskaj SSR. Tom 4, Belarus' napjarjedadni i w gady Vjalikaj Ajchynnaj vajny Saveckaga Sajuza (1938–1945 gg.)* [History of the Belarusian SSR. Volume 4, Belarus in the past and the last years of the Great Patriotic War of the Soviet Union (1938–1945)]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1975. 640 p. Belarusian.
14. Filimonaw AA, editor. *Gistoryja Belaruskaj SSR. Tom 5, Belaruskaja SSR u peryjad stvarjennja razvitoga sacyjalistychnaga gramadstva i budawnictwa kamunizmu (1945–1974 gg.)* [History of the Belarusian SSR. Volume 5, The Belarusian SSR during the period of the creation of the development of socialist citizenship and the founding of communism (1945–1974)]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1975. 776 p. Belarusian.

15. Kakhanouski AG. [The faculty of history of BSU as a scientific and educational center: traditions, innovations, prospects]. In: Korol' AD, Safonov VG, Chupris OI, Yanushevich II, Kokhanovskii AG, Medvedev DG, et al. *Rol' universitetskogo obrazovaniya i nauki v sovremennom obshchestve. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 26–27 fevralya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [The role of university education and science in modern society. Proceedings of the International scientific conference; 2019 February 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 92–96. Russian.

16. Kakhanouski AG. [Implementation of youth projects as a factor in civic-patriotic education, formation of respect for historical memory among students (on the example of the history faculty of the Belarusian State University)]. In: Sergeenko IP, Gusakov VG, editors. *Gosudarstvennaya politika v sfere istorii: problemy i perspektivy sokhraneniya istoricheskoi pravdy i pamyati. Materialy respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 14 sentyabrya 2023 g.; Minsk, Belarus'* [State policy in the field of history: problems and prospects of preserving historical truth and memory. Proceedings of the republican scientific-practical conference; 2023 September 14; Minsk, Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2024. p. 212–217. Russian.

Получена 02.10.2024 / принята 07.10.2024.
Received 02.10.2024 / accepted 07.10.2024.

УДК 93/94:378.4(476-25)096 + 93/94(072)

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТИ, ПРАКТИК ПРЕПОДАВАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЙ (1921–2024)

О. А. ЯНОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. На основе широкого круга источников рассмотрены этапы институционализации российской истории как науки, направления, формы и методы организации ее преподавания в Белорусском государственном университете с момента начала работы учебного заведения до 90-летия со дня основания в его структуре отдельного исторического факультета (2024). Сделаны выводы не только о несомненном влиянии политической составляющей каждого этапа на этот процесс, стремлении преподавателей и студентов всех поколений повысить эффективность своей работы и учебы, но и об объективных требованиях времени, вопросах цивилизационного предназначения университета и внутренней логики его многовекторного развития.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; руссиеведение; кафедра истории России; высшая школа Беларуси.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг. (подпрограмма 1 «История»; тема 1.03.21 «Институционализация образования и науки Беларуси в условиях общественно-политических процессов 1920–1930-х гг.»).

РАСІЙСКАЯ ГІСТОРЫЯ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ: ТРАНСФАРМАЦЫЯ ІНСТЫТУЦЫЯНАЛЬНАСЦІ, ПРАКТЫК ВЫКЛАДАННЯ І ДАСЛЕДАВАННЯЎ (1921–2024)

А. А. ЯНОЎСКІ^{1*}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. На падставе шырокага кола крыніц аналізуюцца этапы інстытуцыяналізацыі расійскай гісторыі як навукі, напрамкі, формы і метады арганізацыі яе выкладання ў Беларускай дзяржаўнай універсітэце з моманту пачатку працы навучальнай установы да 90-й гадавіны з дня заснавання ў яго структуры гістарычнага факультэта (2024). Зроблены высновы не толькі аб несумненным уплыве на гэты працэс палітычнай сітуацыі на кожным этапе, імкненні выкладчыкаў і студэнтаў усіх пакаленняў павысіць эфектыўнасць сваёй працы і вучобы, але і аб аб'ектыўных запатрабаваннях часу, пытаннях цывілізацыйнага прызначэння ўніверсітэта і ўнутранай логікі яго шматвектарнага развіцця.

Ключавыя словы: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; расіязнаўства; кафедра гісторыі Расіі; вышэйшая школа Беларусі.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках выканання дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг. (падпраграма 1 «Гісторыя»; тэма 1.03.21 «Інстытуцыяналізацыя адукацыі і навукі Беларусі ва ўмовах грамадска-палітычных працэсаў 1920–1930-х гг.»).

Образец цитирования:

Яноўскі АА. Расійская гісторыя ў Беларускай дзяржаўнай універсітэце: трансфармацыя інстытуцыянальнасці, практык выкладання і даследаванняў (1921–2024). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2024; 4:14–23.
EDN: XVIRFK

For citation:

Yanouski AA. Russian history in the Belarusian State University: transformation of institutionality, teaching practices and research (1921–2024). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2024;4:14–23. Belarusian.
EDN: XVIRFK

Автор:

Олег Антонович Яновский – кандидат исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории России исторического факультета.

Author:

Aleh A. Yanouski, PhD (history), full professor; head of the department of Russian history, faculty of history.
helgoleg@mail.ru

RUSSIAN HISTORY IN THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY: TRANSFORMATION OF INSTITUTIONALITY, TEACHING PRACTICES AND RESEARCH (1921–2024)

A. A. YANOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. Based on a wide range of sources, the stages of institutionalisation of Russian history as a science, directions, forms and methods of its teaching at the Belarusian State University from the beginning of activity of the institution to the 90th anniversary of the foundation of the faculty of history in its structure (2024), are considered. Conclusions are made not only about the undoubted influence of the political component of each stage on these processes, the desire of teachers and students of all generations to improve the efficiency of their work and study, but also about the objective requirements of the time, questions of the civilisational purpose of the university and the internal logic of its multi-vector development.

Keywords: Belarusian State University; Russian studies; department of Russian history; higher education of Belarus.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the state scientific research programme «Society and humanitarian security of the Belarusian state» for 2021–2025 (subprogramme 1 «History»; topic 1.03.21 «Institutionalisation of education and science in Belarus in the context of socio-political processes of the 1920–1930s»).

Уводзіны

Абагульненне станаўлення і развіцця гістарычнай навукі ў Беларускім дзяржаўным універсітэце, а таксама працэсу арганізацыі вучэбнай дзейнасці па яе выкладанні сведчыць аб тым, што з самага пачатку працы ўніверсітэта ў ім сфарміраваліся найважнейшыя напрамкі гістарычных даследаванняў. Адмысловае месца сярод іх заняло беларусазнаўства – сфера прафесійнай дзейнасці як гісторыкаў, так і археолагаў, этнографаў, мастацтвазнаўцаў, крыніцазнаўцаў, гістарыяграфістаў, архівістаў. У той жа час ва ўніверсітэце глыбока вывучаліся агульнаславянская гісторыя і расійская гісторыя.

Даследчая праблема «Расіязнаўства ў Беларусі» ў краіне ў цэлым і ў БДУ ў прыватнасці да гэтага часу не была прадметам навуковых інтарэсаў айчынных і замежных гісторыкаў. Яна мае вялікі патэнцыял для асэнсавання вучонымі. Гісторыкі БДУ ўнеслі важкі ўклад у распрацоўку некаторых важных напрамкаў вывучэння і выкладання расійскай гісторыі ў школах і ўстановах вышэйшай адукацыі Беларусі. У апошнія гады расіязнаўчая тэматыка абмяркоўваецца з удзе-

лам расійскіх калег. Адначасова расійскія гісторыкі супрацоўнічаюць з беларускімі калегамі для сумеснага спасціжэння мноства пытанняў цесна звязанай гісторыі дзвюх краін¹.

Станаўленне ў БДУ расійскай гісторыі як навукі і практыкі яе выкладання ішлі ў русле агульнага развіцця гістарычнай навукі ў Беларусі. Гэты шлях быў складаным і неадназначным, на ім можна вылучыць наступныя найбольш важныя этапы²:

- 1) станаўленне гістарычнай навукі ва ўніверсітэце (1920-я гг.);
- 2) развіццё і разбурэнне (рубеж 1920–30-х гг.);
- 3) рэалізацыя гістарычным факультэтам БДУ новых парадыгм (1934–1941 гг.);
- 4) развіццё гістарычнай навукі ў БДУ ў гады Вялікай Айчыннай вайны (ВАВ);
- 5) вырашэнне актуальных пытанняў пры абмеркаванні і напісанні кнігі «Гісторыя Беларускай ССР» (1944–1950-я гг.);
- 6) замацаванне савецкіх парадыгм у гісторыі (канец 1950-х гг. – 1970-я гг.);

¹ См., напрыклад: Беларусь, Расія, Украіна: дыялог народаў і культур / склад.: Д. У. Караў, В. В. Масценка. Гродна : Юрсапрынт, 2013. 424 с. ; Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем : сб. науч. работ / под ред. Е. В. Кодина. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2016. Вып. 1. 168 с. ; Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем : материалы Междунар. науч. конф. «Россия и Беларусь на историческом перепутье. 1917–1922 гг.», Смоленск, 19–21 окт. 2017 г. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2017. Вып. 2. 352 с. ; Осмысление альтернативных концепций российско-белорусской истории / отв. ред.: И. И. Тучков, О. В. Солопова, О. В. Иванников. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2018. 156 с. ; Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом (памяти профессора В. Е. Козлякова). Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2023. 382 с. ; Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем : материалы исслед. проекта «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок» / под ред. Е. В. Кодина. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2021. Вып. 7. 130 с. ; Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем : материалы по исслед. проблематике науч.-образоват. центра СмолГУ / под ред. Е. В. Кодина. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2023. Вып. 9. 209 с. ; История белорусских земель и белорусского государства. Краткий очерк. Материалы к лекционному курсу : учеб. пособие для вузов / под ред. В. В. Даниловича, О. В. Солоповой. СПб. : Алетей, 2023. 102 с.

² Тут прыходзіцца рабіць агаворку: калі адносна храналагічных меж маюцца ўсе падставы быць дакладным (хоць і з улікам пэўнай умоўнасці пры даціроўцы), то вызначэнне іх тэрміналагічна-сэнсавых назваў звязана з аўтарскім разуменнем галоўных акалічнасцей, якія вызначалі самыя важныя моманты ў абставінах і мэтах развіцця расійскай гісторыі ў беларускіх навуковых і адукацыйных інстытутах з натуральным яе ўключэннем у праблематыку беларускай гісторыі.

7) пераход ад застою і перабудовы да суверэнітэту (1980-я гг. – 2000 г.);

8) развіццё гістарычнай навукі ў БДУ ў XXI ст.

Дадзеная градацыя ўлічвае, па-першае, найбольш істотныя характарыстыкі трансфармацыі, па-другое, распрацоўкі беларускіх гісторыкаў³.

Асноўная частка

Сёння, калі вышэйшая школа Беларусі падвяргаецца перманентным мадэрнізацыйным зменам, ёсць неабходнасць разгледзець сітуацыю, якая назіралася на падобным этапе развіцця беларускай дзяржаўнасці і нацыянальнай самасвядомасці, а таксама іх культурна-адукацыйнага забеспячэння. Гэтым этапам без перабольшвання можна лічыць 1920–30-я гг. Тады Беларусь перажывала своеасаблівы рэнесанс. Тады беларускі народ усвядомліваў сваю выключнасць. Тады нанова фарміравалася культурнае і адукацыйнае асяроддзе, у якім першае месца займала вышэйшая адукацыя, узноўленая (ці, дакладней, распачатая з нулявой адзнакі) дзякуючы дзейнасці БДУ. Тады востра стаяла пытанне аб тым, якія здабыткі мінулага ўзяць з сабой для пабудовы «новага свету» і выхавання новага савецкага чалавека, а ад чаго патрэбна раз і назаўсёды пазбавіцца.

У першыя гады існавання БДУ распрацоўка вучэбных планаў і праграм розных дысцыплін, вызначэнне напрамкаў навукова-метадычных распрацовак былі прэрагатывай факультэцкіх прадметных камісій, у якія ўваходзілі найбольш аўтарытэтных прафесары і выкладчыкі. На факультэце грамадскіх навук (ФГН) сярод пяці прадметных камісій з кастрычніка 1921 г. дзейнічала і камісія па прадметах гістарычных у складзе прафесараў-гісторыкаў У. М. Дзякава (старшыня), Дз. П. Канчалоўскага, У. І. Пічэты, У. М. Перцава, У. М. Ігнатоўскага, Ф. Ф. Турука, Д. А. Жарынава, М. М. Нікольскага, А. А. Савіча і прафесара-філосафа С. Я. Вальфсона. Дзякуючы намаганням камісіі быў сабраны адмысловы камплект навуковай і вучэбнай літаратуры для аддзела беларусазнаўства ўніверсітэцкай бібліятэкі: былі закуплены кніжныя зборы аўтараў, якія непасрэдна мелі адносіны да беларускай зямлі і збіралі крыніцы па яе гісторыі, культуры, пісьменнасці (В. Л. Дыла, П. М. Жуковіч, Я. Ф. Карскі, М. А. Янчук, І. П. Карнілаў, А. П. Сапуноў). Кнігі з бібліятэкі А. П. Сапунова, асабліва работы па гісторыі Віцебшчыны, у прыватнасці Полацка, і перш за ўсё «первоклассная библиографическая редкость – 1-е издание Статута Литовского» ўзбагацілі бібліятэку БДУ⁴. Была набыта нават частка

бібліятэкі Янкі Купалы, якая «значительно пополнила Белорусский отдел рядом изданий по вопросам белорусоведения» [1, с. 43].

Разам з тым неабходна адзначыць, што пры скіраванні намаганняў на развіццё беларускага кампанента ў падрыхтоўцы першых універсітэцкіх гуманітарных выкладанняў расійскай гісторыі на ФГН было адведзена значна больш часу. Так, А. А. Савіч на грамадска-педагагічным аддзяленні за два семестры прачытаў курс гісторыі Маскоўскай дзяржавы XVI–XVII стст., а на практычных занятках разабраў са студэнтамі гістарычныя крыніцы часоў смуты і абавязаў іх напісаць тры самастойныя работы. Рэктар У. І. Пічэта на эканамічным і прававым аддзяленнях акрамя курса «Гісторыя гаспадаркі Беларусі» прачытаў курс «Гісторыя народнай гаспадаркі за першую палову XIX ст. у Расіі», а на этнолага-лінгвістычным аддзяленні – курс «Гісторыя рускай культуры». Прафесар Д. А. Жарынаў для будучых эканамістаў і правазнаўцаў чытаў цыкл лекцый «Навейшая гісторыя Расіі ад XIX ст. да Кастрычніцкай рэвалюцыі», а будучым педагогам – цыкл лекцый «Гісторыя Расіі XIX ст. (да рэформы 1861 г.)». У першы час выдавочнай была няздольнасць гэтых расіязнаўцаў выкладаць па-беларуску (магчыма, за выключэннем А. А. Савіча). Аднак расійская прафесура да мноства раней засвоеных моў актыўна дадавала пазнанне мовы беларусаў, каб выкладаць на ёй у тым ліку і расійскую гісторыю.

Пазбегнуць выкладання гіпертрафіраванай па колькасці вучэбных гадзін расійскай гісторыі было нельга ў сувязі з наяўнасцю знаўцаў якраз агульнарасійскай праблематыкі. Тут патрэбна адзначыць ролю У. І. Пічэты, які асабіста запрасіў у БДУ Д. А. Жарынава, А. А. Савіча і сам спачатку таксама быў ангажыраваны як расіязнаўца. Распрацоўка і выкладанне беларусазнаўчых курсаў, выдавочна, былі больш запатрабаваны студэнцтвам і грамадскасцю толькі ў тым выпадку, калі гэта рабілася мясцовымі сіламі.

З-за кадравага «голаду», па сутнасці, чыталіся курсы, што ў сілу сваёй кваліфікацыі маглі забяспечыць выкладчыкі, якія аднымі з першых прыехалі

³См., напрыклад: Корзенко Г. В. Научная интеллигенция Белоруссии в 1944–1990 гг. (подготовка, рост, структура). Минск : Аскад, 1995. 76 с. ; Михнюк В. Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.). Минск : Наука и техника, 1985. 286 с. ; Моторова Л. А. Развитие исторического образования в системе высшей школы Беларуси. 1944–1961 гг. Минск : БГУ, 2002. 114 с. ; Подготовка педагогических и научных кадров историков и развитие исторической науки в Беларуси: материалы респ. науч.-практ. конф., Гродно, 30 сент. 2004 г. Гродно : ГрГУ, 2005. 404 с. ; Касцюк М. П. Шлях да ісціны: гістарычная навука Беларусі ў канцы XX – пачатку XXI ст. Мінск : Экоперспектива, 2015. 252 с. ; Шаўчук І. І. Гуманітарныя навукі ў сацыяльнай гісторыі Беларусі (20–30-я гады XX ст.). Брэст : Выд-ва БрДУ, 2007. 279 с. ; Острога В. А. Развитие научных и образовательных центров по новой и новейшей истории в Белорусской ССР. 1919–1991 гг. Минск : РИВШ, 2016. 428 с. ; Библиографический справочник научных трудов сотрудников исторического факультета БГУ (1921–1994) / сост.: И. В. Оржеховский, А. П. Игнатенко и др. Минск : Тип. «Победа», 1994. 204 с.

⁴Хроника // Тр. Белорус. гос. ун-та. 1922. № 1. С. 210, 212.

на сталую працу ў Мінск. Менавіта магчымасці выкладчыкаў у значнай ступені абумоўлівалі змест вучэбных планаў, а не наадварот. Так, у 1924/25 навучальным годзе на ФГН дзейнічалі аж 27 кафедраў⁵ (з іх 6 спецыялізаваліся на гісторыка-сацыялагічных дысцыплінах), што адпавядала навукова-педагагічнай кваліфікацыі прафесуры. Штатныя расклады кафедраў прадугледжвалі да 6 лектараў па так званых тэхнічных прадметах – выкладчыкаў і кіраўнікоў практычных заняткаў (заняткі, «не носящие характера самостоятельной научной дисциплины»)⁶. Для метадычнага забеспячэння такіх заняткаў загадчык вучэбнай часткай рабфака БДУ М. П. Шкляеў нават ездзіў у Ленінград, каб адначасова азнаёміцца з вопытам выкарыстання «лабараторнага метаду выкладання»⁷.

Студэнты ФГН, як у хуткім часе і педэагагічнага факультэта, з першых дзён навучання наведвалі лекцыі і разглядалі на практычных занятках навуковыя тэксты, дакументы, статыстычныя дадзеныя і іншыя крыніцы. Але заняткі нярэдка зрываліся з-за недахопу адпаведных дапаможнікаў, збораў дакументаў, таму практыкаваліся семінары і так званыя прасемінарыяныя заняткі, дзе па заданні лектараў студэнты рэферывалі манаграфіі, прававыя артыкулы, гістарычныя тэксты, каб потым абараніць засвоены матэрыял перад выкладчыкам. Абавязкова трэба было здаць два прасемінары (па агульных і гістарычных навуках).

Вучэбныя планы штогод даволі значна мяняліся. Гэтыя змены адлюстроўвалі не толькі кадравую праблему ва ўніверсітэце, перманентныя прыезды і ад'езды выкладчыкаў, але і імкненне прадметных камісій улічваць як навукова-метадычныя навацыі ў дзейнасці савецкай вышэйшай школы, так і палітычныя запатрабаванні зверху да падрыхтоўкі не проста інтэлігентаў-прафесіяналаў, а пралетарскіх «спяцоў». Вось чаму да выкладання ўсё больш сталі

далучаць прадстаўнікоў зацікаўленых арганізацый, а таксама асоб з партыйных і ўрадавых інстанцый⁸. Так, будучым эканамістам у БДУ чытаў лекцыі беларускі партыйны лідар В. Р. Кнорын, а курс беларускай гісторыі вёў намеснік наркама асветы У. М. Ігнатоўскі (хаця, зразумела, адначасова Усевалад Макаравіч быў і прафесарам, і дэканам факультэта, для стварэння і функцыянавання якога прыкладаў каласальныя адміністрацыйныя і інтэлектуальныя намаганні). Такая практыка яшчэ ў студзені 1921 г. была разгледжана і адобрана аргбюро ЦК РКП(б), як, дарэчы, і ўстаноўка на тэрміновае напісанне і выданне камуністычных падручнікаў [2, с. 462, 464]. Адначасова вызначалася неабходнасць мець запасныя вучэбныя планы на выпадак, калі па распараджэнні Глаўпрафадукцыі або партыйных органаў патрэбна было б тэрмінова ўводзіць новыя курсы ці прадметы (курс «Германазнаўства» і ваенныя прадметы былі ўведзены ў 1923/24 навучальным годзе)⁹.

Увогуле праблема пошуку новых форм, прынцыпаў, зместу вучэбнага працэсу савецкай вышэйшай школы была надзвычай актуальнай як для тых, хто ўзначальваў установы вышэйшай адукацыі, выкладаў у іх, з энтузіязмам прымаў логіку рэвалюцыйных змен, так і для тых, хто вымушаны быў у сілу жыццёвай неабходнасці толькі прыстасоўвацца да гэтых змен. Зразумела, што гэтыя пошукі так ці інакш былі абумоўлены ўзроўнем, на які выйшла вышэйшая школа дарэвалюцыйнай Расіі. Але зварот да вопыту мінулага не азначаў захаванне старога ладу, нават калі ў эфектыўнасці ранейшай практыкі не было ніякага сумнення. У 1925 г. у часопісе «Чырвоны сцяг» разгарнулася дыскусія наконт таго, якім чынам можна пазбавіцца ад «старых» метадаў выкладання¹⁰. Аўтар артыкула канстатаваў, што так званы Дальтон-план¹¹, які стаў набываць папулярнасць, не дае неабходнага выніку, бо ва ўніверсітэце слабая матэрыяльная база і вучацца вельмі розныя студэнты. Каб пераадолець

⁵Згадаем, што на той час кафедра не была падобнай на сучасныя структурныя вучэбна-арганізацыйныя і навуковыя адзінкі кафедраў, бо з'яўлялася толькі ўвасабленнем наяўнасці прафесара ці дацэнта, якія маглі чытаць пэўныя курсы. І спецыялізацыя такога лектара вызначала профіль-назву кафедры. Сучасныя кафедральныя турботы тады былі сканцэнтраваны на дзейнасці названых прадметных камісій, якія складаліся амаль што з усіх наяўных прафесараў і дацэнтаў. Напрыканцы 1920-х гг. гэтыя камісіі былі ліквідаваны, іх функцыі пачалі выконваць кафедраў. За больш чым 100 гадоў дзейнасці расіязнаўчай кафедры БДУ неаднаразова ажыццяўлялася яе перайменаванне, што было абумоўлена зменлівымі палітычнымі абставінамі. Вывучэнне не заўсёды адназначных у фармулёўках дакументаў, якія змяшчаюць эвалюцыю назваў самых розных навучальна-навуковых інстытуцый БДУ з 1936/37 навучальнага года, дазваляе прасачыць пераемнасць у вывучэнні і выкладанні расіязнаўчых дысцыплін на ўзроўні адпаведных структур (кафедраў): кафедра гісторыі народаў СССР і гісторыі БССР (1936–1937 гг.), кафедра гісторыі народаў СССР (1937–1953 гг.), кафедра гісторыі СССР (1953 г. – верасень 1974 г.), кафедра гісторыі СССР дасавецкага перыяду (верасень 1974 г. – жнівень 1991 г.), кафедра гісторыі СССР эпохі сацыялізму (верасень 1974 г. – жнівень 1991 г.), кафедра найноўшай гісторыі славянскіх краін (жнівень 1991 г. – чэрвень 1998 г.). На аснове апошняй кафедры ў чэрвені 1998 г. была створана кафедра гісторыі паўднёвых і заходніх славян. Кафедра расійскай гісторыі (жнівень 1991 г. – студзень 1992 г.), якая была сфарміравана на базе кафедры гісторыі СССР дасавецкага перыяду, трансфармавалася спачатку ў кафедру расійскай і славянскай гісторыі (студзень 1992 г. – чэрвень 1998 г.), а затым у сучасную кафедру гісторыі Расіі (з 8 чэрвеня 1998 г.).

⁶Нац. арх. Рэсп. Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Воп. 1. Спр. 55. Арк. 70, 75.

⁷Там жа. Спр. 80. Арк. 75.

⁸Там жа. Арк. 341, 342.

⁹Там жа. Ф. 101. Воп. 1. Спр. 2810. Арк. 10 адв.

¹⁰Аснач В. Аб выкладанні на медфаках // Чырвоны сцяг. 1925. № 7. С. 62.

¹¹Дальтон-план – педэагагічны падыход, які заснаваны на прынцыпах індывідуальнага навучання. У адрозненне ад традыцыйных метадаў ён не прадугледжваў наяўнасць класічнай класна-ўрочнай сістэмы заняткаў, а роля выкладчыка зводзілася да функцыі кансультанта.

такую сітуацыю, неабходна адшукаць пераходную ступень, перш чым прымяняць методыку, акрэсленую згаданым планам. Па гэтай прычыне намаганні педагогічнай навукі пастаянна былі скіраваны на пошук інавацыйных метадаў выкладання. Напрыклад, першыя наркам асветы РСФСР А. В. Луначарскі ў шматлікіх працах выказваўся за тое, каб савецкі педагог авалодаў метадамі нагляднага навучання, і нават прадказваў, што ў хуткім часе ў гэты працэс побач з кнігай і іншымі сродкамі актывізацыі дзейнасці навучэнцаў увойдзе кіно [3, с. 129].

Пастаянныя пошукі эфектыўных метадаў і форм навучання мелі на мэце «за меншы лік часу добра і дасканала вывучыць тую ці іншую дысцыпліну»¹², для чаго патрэбна было перш за ўсё з самага пачатку лагічна звязаць вывучаемыя дысцыпліны і пазбегнуць зместавага дубліравання пры іх выкладанні. Каб дасягнуць пастаўленай мэты, неабходна было мець адпаведны расклад заняткаў, заснаваны на стабільных вучэбных планах хаця б асноўных курсаў. Між тым семестры і сесіі доўга былі дакладна не акрэсленымі па часе, многія заняткі вяліся «з калёс», бо некаторыя расійскія прафесары прыязджалі ў Мінск нерэгулярна. Пад іх графік і нават настрой праўленне (так называўся тагачасны рэктарат. – А. Я.) універсітэта і дэканаты факультэтаў вымушаны былі прыстасоўвацца.

У канцы 1920-х – пачатку 1930-х гг. кіруючым колам стала зразумела, што ідэалагізацыя ўніверсітэта – важнейшы напрамак, па якім павінны весціся арганізацыя вучэбнага працэсу і мадэрнізацыя выкладання. У беларускай прэсе друкаваліся адпаведныя «пераканаўчыя» артыкулы, у якіх абгрунтоўвалася гэта неабходнасць, выкрывалася «варожая шкоднасць» усіх ранейшых распрацовак у падрыхтоўцы савецкай інтэлігенцыі. Віталася чарговае «вычышчэнне» з універсітэцкіх аўдыторый 40 выкладчыкаў, фактычнае разбурэнне БДУ праз яго «рэарганізацыю» (маўляў, 8 тыс. студэнтаў, сабраныя ў адным месцы, якім на рубяжы 1920–30-х гг. стаў кампактны і адначасова шыкоўны новы ўніверсітэцкі гарадок, – гэта некіруемы і непрадказальны натоўп моладзі). Пастановай СНК БССР ад 7 ліпеня 1931 г. № 135-4 «Пра арганізацыю Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта» БДУ быў нізведзены да ўзроўню амаль што спецшколы па падрыхтоўцы кадраў для сярэдніх вучэбных устаноў (тэхнікумаў, рабфакаў, фабрычна-завадскіх вучылішчаў), малодшых навуковых работнікаў, малодшых выкладчыкаў устаноў вышэйшай адукацыі (асістэнт, «групавод»), а таксама «высококкваліфіцыраваных навуковых работнікаў ВУЗ і ВТУЗ і навучна-ісследовательскіх інстытутаў»¹³ (тут і далей цытаты прыводзяцца з захаваннем моўных асаблівасцей арыгінала. – А. Я.) па фізіка-матэматычных і прыродазнаўчых дысцыплінах. С. Я. Вальфсон адзначаў, што рабочы клас паставіў задачу прывесці сістэму адукацыі ў адпаведнасць з інтарэсамі дыктатуры пралетарыята. Тэрмін падрыхтоўкі студэнтаў першай ступені навучання складаў 3 гады, другой ступені навучання – на 1–1,5 года больш.

3 1 кастрычніка 1932 г. быў уведзены «цвёрды» расклад заняткаў, які прадугледжваў 50 вучэбных тыдняў у год і шасцідзённы рабочы тыдзень. Адначасова лепшыя кадры ўніверсітэта былі кінуты на «перестройку методов преподавания в направлении обеспечения индивидуальной и самостоятельной работы студентов», пашырэнне «коллективных форм работы студентов»¹⁴ і разгортванне сацыялістычнага спаборніцтва паміж студэнтамі. Гучна было заяўлена, што БДУ бярэ абавязак «унічыжыць» пераходы студэнтаў з універсітэта ў іншыя ўстановы вышэйшай адукацыі. З 1932/33 навучальнага года ва ўніверсітэце пачаў замацоўвацца ўніфіцыраваны навучальны год, згодна з якім у залежнасці ад курса навучання дакладна ўстанаўліваліся яго тэрмін, час канікул, даты сесій, абарон дыпломных прац. Галоўнай адметнасцю такога падыходу сталі падзел навучальнага года на два семестры і замацаванне дзвюх сесій. Згаданыя змены адбываліся ў сілу прыняцця пастановы ЦВК СССР ад 16 верасня 1932 г. «Аб вучэбных праграмах і рэжыме ў вышэйшай школе і тэхнікумах».

У выкладчыкаў і студэнтаў заставаўся толькі адзін выхадны дзень. Былі акрэслены трохгадзінная штодзённая норма самастойнай работы для студэнтаў і дакладны час для вырашэння навуковых і метадычных пытанняў для выкладчыкаў¹⁵.

Аднак адназначныя ўстаноўкі зверху было не так проста рэалізаваць унізе, ва ўніверсітэце. Працягласць 1932/1933 навучальнага года ўжо была скарачана на 15 %, студэнтаў пастаянна адцягвалі не толькі ад аўдыторных заняткаў, але і ад іх самападрыхтоўкі, бо ўзмацнялася барацьба з класавымі ворагамі, разгортваліся калектывізацыя вёскі і ваенізацыя вучэбнага працэсу. Разлік на выкарыстанне студэнцкага патэнцыялу быў аб'ектыўным. Нарэшце, зрывы заняткаў у БДУ адбываліся і па банальнай прычыне недахопу паліва для ацяплення шыкоўных будынкаў новага ўніверсітэцкага гарадка, які на самой справе такім і не стаў, таму што быў падзелены паміж мінскімі ўстановамі вышэйшай адукацыі пасля «разукрупнення» БДУ. У выніку «цвёрды» расклад пераглядаўся амаль штомесяц¹⁶. У сувязі з гэтымі акалічнасцямі ранейшыя праблемы і пошукі аптымальных метадычных прыёмаў, форм і напрамкаў выкладання заставаліся такімі ж актуальнымі ў другой палове 1930-х гг., як і ў часы станаўлення беларускай вышэйшай адукацыі.

¹²Аснач В. Аб выкладанні на медфаках... С. 64.

¹³Вальфсон С. Я. Фабрика пролетарских кадров специалистов // Рабочий. 1931. 8 июля.

¹⁴НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 465. Арк. 4–6, 12.

¹⁵Там жа. Спр. 535. Арк. 2.

¹⁶Там жа. Спр. 588. Арк. 35.

Гістарычная навука і адукацыя пераўтварыліся ў поле барацьбы на «гістарычным фронце» ў грамадска-палітычных абставінах рубяжа 1920–30-х гг. Між тым краіне патрэбны былі свае летапісцы і знаўцы мінулага, таму натуральным было партыйна-ўрадавае рашэнне аб стварэнні асобных гістарычных факультэтаў спачатку ў некаторых універсітэтах СССР, а потым і ва ўсіх установах вышэйшай адукацыі. У кастрычніку 1934 г. такі факультэт распачаў сваю дзейнасць у БДУ. Адно з вядучых месцаў у вучэбным працэсе на гэтым факультэце адводзілася выкладанню храналагічна і тэматычна структураванай гісторыі СССР. Тут патрэбна згадаць, што такі курс змяніў расійскую гісторыю ўжо напрыканцы 1920-х гг., а пасля стварэння на базе ўніверсітэцкага педагагічнага факультэта асобнага інстытута ў ім стала дзейнічаць самастойная кафедра гісторыі СССР.

На гістарычным факультэце БДУ адпаведны курс у разбіўцы на тэматычна-храналагічныя перыяды сталі чытаць выкладчыкі асобнай профільнай кафедры. Аднак яна была створана не адразу, а толькі праз два гады – у 1936 г. Яе назва, як ужо адзначана, некалькі разоў удакладнялася. Агульныя і спецыяльныя курсы па гісторыі СССР уяўлялі сабой аповед аб розных перыядах менавіта гісторыі Расіі. Гэтыя дысцыпліны чыталі прадстаўнікі новага пакалення беларускіх расіязнаўцаў, якія прыйшлі на змену тым, хто ў 1920-я гг. пачынаў спазнанне расійскай гісторыі ў натуральным яе спалучэнні з гісторыяй Беларусі. Зразумела, што мясцовыя ўмовы аб'ектыўна патрабавалі такога спалучэння. Толькі цяпер беларуская гісторыя не магла разглядацца асобна ад зместу гісторыі СССР. І наадварот, гісторыя ўсёй савецкай краіны павінна была прадстаўляць спалучэнне разнастайнай гісторыі саюзных рэспублік¹⁷. Гэта акалічнасць і стала адной з прычын сумяшчэння ў межах адной кафедры дзвюх вучэбных дысцыплін – гісторыі СССР і гісторыі БССР. Вось толькі колькасць лекцыйных гадзін па беларускай гісторыі ў перадаенныя гады няўхільна скарачалася. Так, па сведчанні публікацыі ў газеце «Рабочий» за 9 верасня 1934 г., у першы год працы факультэта на вывучэнне феадальнага перыяду рускай гісторыі ў рамках курса «Гісторыя СССР» (гэты блок чытаў прафесар М. А. Потах) адводзілася 220 гадзін, а на той жа перыяд беларускай гісторыі (гэты блок чытаў дэкан гістарычнага факультэта акадэмік В. К. Шчарбакоў) адводзілася ўсяго 120 гадзін. Для падрыхтоўкі новага пакалення расіязнаўцаў ужо ў 1934 г. была адкрыта аспірантура.

Гісторыкі БДУ, якія ўз'ядналіся ў 1934 г. у сценах асобнага факультэта, сталі аднымі з самых актыўных адпатаў рэалізацыі новай канцэпцыі разумення ўжо не гісторыі Расіі, а гісторыі СССР, але пры гэтым перавага ў структуры курса і яго інфармацыйным насычэнні аддавалася якраз расійскай гісторыі. Гіс-

торыю СССР, а таксама гісторыю Беларусі на факультэце чыталі і даследавалі галоўным чынам прадстаўнікі новага пакалення расіязнаўцаў і беларусазнаўцаў і вучоныя, якім пашанцавала выстаць у першую хвалю рэпрэсій. Сярод такіх вучоных былі першы дэкан факультэта В. К. Шчарбакоў і яго першы намеснік Я. І. Карнейчык, іх калегі з розным творчым лёсам і рознымі абставінамі спасціжэння новага гістарычнага напрамку Д. А. Дудкоў, К. І. Кернажыцкі, І. Ф. Лочмель, К. М. Палікарповіч, М. А. Потах, І. Т. Пшанічны, А. П. П'яноў, К. І. Шабуня, Я. П. Шлосберг і інш. У пасляваенны перыяд да іх далучыліся прадстаўнікі трэцяга пакалення гісторыкаў, узгадаванага на самім гістарычным факультэце БДУ (Л. С. Абецэдарскі, М. П. Баранава, М. Д. Мельцар, А. І. Сідарэнка, М. Б. Фрыдман і інш.). Важна, што напярэдадні Вав і ў першыя пасляваенныя гады ўніверсітэцкае расіязнаўства зноў развівалі У. І. Пічэта і А. А. Савіч.

У 1930-я гг. гісторыя СССР разумелася шырока, але рэальна ўяўляла ў большай ступені гісторыю дарэвалюцыйнай і Савецкай Расіі, якая згуртавала вакол сябе брацкія народы. Курс «Гісторыя народаў СССР» плаўна трансфармаваўся ў курс «Гісторыі СССР» – «найважнейшай гістарычнай дысцыпліны», выкладанне якой ажыццяўлялася ў розным аб'ёме на ўсіх факультэтах БДУ. Колькасць працы на кафедры была вялікай. Напрыклад, у перадаенныя гады толькі на спецыялізацыі «гісторыя СССР» на 4-м курсе на вывучэнне згаданай дысцыпліны адводзілася 1210 гадзін, размеркаваных па 16 спецкурсах, што чыталіся як у абавязковым парадку, так і па выбары студэнтаў. Акрамя таго, студэнты павінны былі праслухаць 8 факультатывных курсаў агульным аб'ёмам 100 гадзін. На 5-м курсе акцэнт пры падрыхтоўцы па гэтай спецыялізацыі рабіўся на вывучэнні дапаможных гістарычных дысцыплін. Таксама студэнты-выпускнікі павінны былі прайсці курс па гісторыі адной з рэспублік СССР і наведваць некалькі факультатываў. Вялікай была вучэбная нагрузка аспірантаў кафедры: на напісанне і навуковую апрацаваную дысертацыі адводзілася, паводле навучальных планаў, 2500 гадзін, а на паглыбленае вывучэнне гісторыі Расіі і СССР – 2200 гадзін. У 1938 г. на кафедры гісторыі народаў СССР было 9 аспірантаў, а у 1941 г. – 6 аспірантаў.

Выкладанне курсаў гісторыі СССР і гісторыі БССР набывала асобае значэнне і ў сувязі з абсалютызаваннем у савецкім грамадстве, а тым больш у навукова-адукацыйным асяроддзі, засваення вучэбнага прадмета «Кароткі курс гісторыі ВКП(б)», які стаў лёгкадаступным, таму што з верасня 1938 г. яго матэрыялы стала друкаваць газета «Праўда». Беларускія гісторыкі вылучаліся на першыя пазіцыі для «...глыбокага вывучэння гісторыі гераічнага

¹⁷ Задача арганічнага спалучэння агульных і канкрэтных звестак у новым універсітэцкім курсе на працягу ўсіх 1930-х гг. вырашалася нават праз пошукі тэрміналагічнай дакладнасці ў яго назвах: «Гісторыя народаў СССР», «Гісторыя СССР».

шляху партыі бальшавікоў па сталінскаму падручніку». Вынікі такога навучання і вывучэння ўражвалі: у зімовую сесію 1937/38 навучальнага года на «выдатна» экзамен па гісторыі ВКП(б) здалі аж каля 90 % студэнтаў, тады як па гісторыі БССР – толькі 56 % студэнтаў¹⁸. Вось толькі праблема з падручнікамі па большасці вучэбных дысцыплін ва ўніверсітэце ніякім чынам не вырашалася. Аб ёй у чарговы раз нагадаў ва ўніверсітэцкай шматтыражцы вучоны сакратар БДУ, назваўшы галоўнай прычынай такога становішча тое, што вучэбная частка і кафедры БДУ да гэтага часу зусім не займаліся складання падручнікаў, а іх адсутнасць з'яўляецца тормазам у рабоце як студэнтаў, так і саміх выкладчыкаў. Зразумела, што прычына такога становішча бачылася ў тым ліку на як бы вышэйшым, «вучоным» узроўні, таму што ў Наркамасветы БССР і ў БДУ «арудавалі ворагі народа», а «агідныя нацыянал-фашысты выганялі мову вялікага рускага народа з беларускіх школ... зрывалі ідэйна-палітычнае выхаванне студэнцтва»¹⁹.

Вераломнае напаўненне фашысцкай Германіі на СССР стала катастрофай для беларусаў. Разбурэнням падвергліся літаральна ўсе сферы жыцця, уключаючы адукацыю і навуку, якія за 20 папярэдніх гадоў толькі сфарміраваліся і набралі тэмп развіцця. У гады ВАВ нямала беларускіх гісторыкаў вялі барацьбу з ворагам непасрэдна на фронце. Тыя ж, хто па розных прычынах працягнуў прафесійную дзейнасць у тыле, займаліся пошукамі адзіна правільных фактаў, абставін і парадых, якія дазволілі б завяршыць доўгі працэс напісання гісторыі БССР у цесным звязку з расійскай гісторыяй і гісторыяй СССР. Дарэчы, першы рэальны вынік быў дасягнуты непасрэдна перад фашысцкай навалай. У артыкуле «История Белоруссии в советской историографии», надрукаваным у 1942 г. у юбілейным зборніку «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», У. І. Пічэта прывёў цікавую інфармацыю аб тым, што праца Інстытута гісторыі АН БССР над марксісцка-ленінскай гісторыяй Беларусі ў 1941 г. была ўвасоблена ў першай частцы выдання «Нарысы па гісторыі Беларусі». Уладзімір Іванавіч са шкадаваннем канстатаваў, што падчас бамбардзіроўкі Мінска нямецкай авіяцыяй амаль увесь тыраж кнігі загінуў, захавалася толькі некалькі асобнікаў. У. І. Пічэта сцвярджаў, што супрацоўнікі інстытута (А. П. П'яркоў, І. Ф. Лочмель, У. І. Пічэта) распрацавалі першую частку падручніка па гісторыі Беларусі для вышэйшых навучальных устаноў, дзе ахопліваецца перыяд ад першабытнасці да аграрна-сялянскай рэформы 1861 г., і вядуць падрыхтоўку да друку другой (з 1861 г. па 1914 г.) і трэцяй («от начала мировой войны до наших дней») частак [4, с. 181].

У жніўні 1945 г. у Маскве адбылася 4-я ўсесаюзная нарада кіраўнікоў кафедраў грамадскіх навук. Упершыню прадстаўнікі кафедраў гісторыі СССР не толькі ўдзельнічалі ў агульных пасяджэннях, але і арганізавалі работу самастойнай секцыі, гэта значыць, былі прыроўнены да калег з партыйна-грамадскіх кафедраў. На секцыі быў абмеркаваны шэраг пытанняў аб удасканаленні навуковага вывучэння гісторыі СССР і яе выкладання студэнтам універсітэтаў і педагагічных інстытутаў. Даклады большасці сталічных гісторыкаў тэматычна ахоплівалі розныя праблемы і храналагічныя адрэзкі. Але амаль усе выступоўцы імкнуліся адлюстравать выключны ўплыў рускага народа на шматлікія сферы жыцця і гістарычнага развіцця іншых народаў Русі, Расіі ці СССР. Толькі ў дакладах У. І. Пічэты, А. І. Казачэнкі і К. М. Касачэўскага²⁰ былі разгледжаны асобныя абставіны ў гісторыі беларускага і ўкраінскага народаў. Аднак і гэтыя гісторыкі ўсё ж акцэнтавалі ўвагу калег на выключнай ролі «русского народа в исторических судьбах славянских народов» [5, с. 205].

Зыходзячы з таго, што развіццё расіязнаўства ў БДУ адбывалася ў русле агульнага развіцця беларускай гістарычнай навукі, нельга не адзначыць уздзеянне, якое аказвала на гэты працэс падрыхтоўка сінтэтычнага курса «Гісторыя БССР». Праца над ім была распачата яшчэ ў даваенныя гады і ажыццяўлялася падчас ВАВ, што ўзмацніла ідэалагічную падаплёку тэкстаў. Па заканчэнні вайны намаганні беларускіх гісторыкаў у гэтым напрамку яшчэ больш актуалізаваліся, а разам з тым абвастраліся навуковыя і палітычныя калізій. Пасля шматразовых змен аўтарскага калектыву, пераацэнкі ці ўдакладнення раней замацаваных парадых разумення развіцця беларускай гісторыі ў 1954 г. нарэшце быў выдадзены першы том выдання пад назвай «Гісторыя Беларускай ССР» (на вокладцы назва «Гісторыя БССР»). Пераважную большасць аўтараў можна лічыць універсітэцкімі гісторыкамі, хаця некаторыя мелі двайны статус (адначасова былі выкладчыкамі БДУ і навуковымі супрацоўнікамі Інстытута гісторыі АН БССР), напрыклад А. П. П'яркоў, К. М. Палікарповіч, М. М. Нікольскі, У. М. Перцаў, М. Я. Грынблат, Я. І. Карнейчык, К. І. Шабуня, Д. А. Дудкоў (яго прозвішча ў дадзеным выданні надрукавана ў чорнай рамцы), А. І. Воранава, М. П. Баранава, М. Д. Мельцэр, Л. С. Абецэдарскі, М. Б. Фрыдман, В. У. Шаціла. Нараўне з акадэмікам У. М. Перцавым рэдактарамі выдання сталі яшчэ не такія аўтарытэтныя ў асяроддзі беларускіх статусных гісторыкаў Л. С. Абецэдарскі і К. І. Шабуня.

Пасля шматгадовай «шліфоўкі» выйшаў масавым тыражом у 1958 г. і другі том кнігі. Другое выданне двухтомніка пасля ўнясення карэктываў убачыла свет

¹⁸Прыведзеныя статыстычныя даныя былі апублікаваны ў № 1 і 17 газеты «За ленінскія кадры» за 1938 г.

¹⁹За ленінскія кадры. 1938. № 15.

²⁰Тут, мабыць, у часопісе закралася памылка, бо на той час вядомым у СССР спецыялістам па ўкраінскай тэматыцы была Е. М. Касачэўская.

у 1961 г. Падрабязнасці гэтай працы заслугоўваюць асобнага апавядання аб тым, як зацягнутае асэнсаванне беларускай гісторыі раз'ядноўвала розныя пакаленні яе творцаў. Палітычная сітуацыя, што імкліва змянялася, па сутнасці, прымусіла аўтараў адмовіцца ад свайго тварэння, таму нават праз гады аўтары-выкладчыкі практычна забаранялі студэнтам-гісторыкам выкарыстоўваць двухтомнік у якасці вучэбнага дапаможніка. А гісторыя беларусаў так і не змагла вырвацца з савецкіх рамак.

У 1970–80-я гг. выкладанне і даследаванне расійскай і часткова ўкраінскай гісторыі ажыццяўлялі дзве новыя кафедры, створаныя ў 1974 г.: кафедра гісторыі СССР дасавецкага перыяду (загадчык – прафесар І. В. Аржахоўскі) і кафедра гісторыі СССР эпохі сацыялізму (загадчык – дацэнт І. А. Літвіноўскі). У найбольшай ступені ўласна расійская гісторыя вывучалася на кафедрах гісторыі СССР дасавецкага перыяду.

Перыяд 1980-х – пачатку 1990-х гг. быў характэрным у гісторыі кафедраў у двух аспектах. Па-першае, перабудова і галоснасць адкрылі новыя магчымасці. Актыўна дыскутаваліся складаныя пытанні, змяніўся характар выкладання дысцыплін, стала іншым змястоўнае напаўненне навучальных курсаў. Па-другое, услед за структурнымі пераўтварэннямі быў перагледжаны склад выкладчыкаў кафедраў, што не нашкодзіла традыцыям і пераемнасці. У 1990-я гг. кафедры знаходзіліся ў стане пошуку сваёй нішы ў беларускай гістарычнай навуцы, якая абнаўляла свае асновы. У той час беларуская гісторыя, якая стала па-сапраўднаму айчынай, выйшла на першыя пазіцыі, а расійская гісторыя і славянская гісторыя павінны былі яе забяспечваць шырокім фактычным і сэнсавым кантэкстам. Пасля некаторых дыскусій у апошнім дзесяцігоддзі ХХ ст. на базе названых дзвюх кафедраў гісторыі СССР былі створаны кафедры расійскай і славянскай гісторыі, падзеленыя храналагічнымі рамкамі прадмета даследавання і выкладання. Новае пакаленне гісторыкаў, якія працягвалі справу сваіх настаўнікаў і калег, больш смела ўзялося за вывучэнне праблем расійскай і савецкай гісторыі без абавязковых раней ідэалагічна-партыйных акцэнтаў. Новыя кафедры ўзначалілі вопытны прафесар І. В. Аржахоўскі і малады дацэнт выпускнік факультэта А. П. Салькоў.

Але ўжо праз кароткі час стала відавочна, што расійскі, украінскі і славянскі гістарычныя складнікі вельмі розныя. Сумяшчэнне расійскай і славянскай гісторыі ў дзейнасці кафедраў не было прадуктыўным ні ў педагагічна-адукацыйных, ні ў навукова-даследчых адносінах. Пасля некаторых эксперыментаў па перафармаціраванні структуры кафедраў у чэрвені 1998 г. былі створаны кафедра гісторыі Расіі і кафедра гісторыі паўднёвых і заходніх славян. Іх выкладчыцкі склад сфарміравалі на аснове ўліку творчых інтарэсаў і магчымасцей супрацоўнікаў кафедраў, што існавалі раней. Такое рашэнне зняло супярэчнасці

ў выкладанні і навуковай спецыялізацыі, якія раней меліся ў кангламераце агульнай славянскай гісторыі. Узначаліў кафедру гісторыі Расіі дэкан гістарычнага факультэта дацэнт А. А. Яноўскі.

Больш чым 26-гадовая праца кафедры гісторыі Расіі дае падставы лічыць, што за гэты час не толькі адноўлены найважнейшыя навукова-педагагічныя парадыгмы, якія вызначыла першае пакаленне ўніверсітэцкіх расіязнаўцаў і ўкраіназнаўцаў, але і вылучаны шэраг новых парадыгм. На кафедрах склаўся калектыў, у якім індывідуальныя навуковыя імкненні гарманічна спалучаюцца з асноўным прызначэннем кафедраў – быць цэнтрам па вывучэнні гісторыі блізкіх Беларусі краін і народаў, а таксама цэнтрам падрыхтоўкі новых пакаленняў высакласных спецыялістаў. Кафедра вядзе падрыхтоўку студэнтаў у прафесійным і агульнаадукацыйным полі гісторыі Расіі і Украіны са старажытных часоў да цяперашняга часу. Задача агульнага курса «Гісторыя Расіі і Украіны» і шэрага канкрэтных навуковых арыентаваных спецкурсаў – прадставіць беларускім студэнтам адметнасць гісторыі двух народаў-суседзяў, якія прайшлі дастаткова розныя, але вельмі цесна звязаныя шляхі развіцця сваіх дзяржаў. Зразумела, у назве дадзенага курса прысутнічае пэўная ўмоўнасць, магчымая дэвальвацыя ўнікальнасці гістарычнага шляху, пройдзенага расіянамі і ўкраінцамі. Аднак такое сумяшчэнне спрыяла гарманічнаму засваенню студэнтамі і ўнікальнасці, і агульнасці гісторыі нашых суседзяў. А за кошт спецыяльных курсаў, у якіх выкладчыкі кафедраў прадстаўляюць студэнтам пэўныя сюжэты з гісторыі і Расіі, і Украіны, стала магчымым паглыбляць веды і даваць шанс студэнтам спецыялізавацца ў тым ці іншым напрамку як расійскай, так і ўкраінскай гісторыі.

Адной з важнейшых задач рэалізацыі даследаванняў па розных пытаннях гісторыі Расіі з'яўляецца выкарыстанне навуковых распрацовак у навучальным працэсе. Разнастайны спектр навуковых інтарэсаў дазваляе супрацоўнікам кафедраў падтрымліваць высокі ўзровень спецыялізацыі студэнтаў гістарычнага факультэта, чытаць агульныя і спецыяльныя курсы, якія асвятляюць асаблівасці палітычнай, сацыяльна-эканамічнай гісторыі Расіі і Украіны, гісторыі культуры народаў гэтых краін. Несумненна, істотным адрозненнем працы кафедраў гісторыі Расіі ад яе кафедраў-папярэдніц стала мэтанакіраваная падрыхтоўка менавіта расіязнаўцаў. Такім чынам, праблематыка курсавых і дыпломных студэнцкіх работ і, галоўнае, кандыдацкіх і доктарскіх дысертацый вызначаецца навуковай актуальнасцю выключна расійскай гісторыі. Падрыхтоўка і паспяховая абарона 4 доктарскіх і больш за 30 кандыдацкіх дысертацый, тэматыка якіх раскрывае праблематыку розных перыядаў расійскай гісторыі (дысертацыі менавіта па ўкраінскай гісторыі пакуль што не абараняліся, хця яна ў некаторай ступені даследавалася ў кантэксце расійскай гісторыі), – несумненны станоўчы вынік

працы кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта БДУ.

У цэлым можна лічыць, што найважнейшым дасягненнем кафедры за апошнія гады стала выданне вучэбных дапаможнікаў, аўтарамі якіх з'яўляюцца амаль усе яе выкладчыкі. У гэтых дапаможніках цалкам адлюстравана гісторыя Расіі – Расіі і Украіны ад старажытных часоў да нашых дзён²¹. Навуковыя складнікі даследаванняў, што праводзяцца супрацоўнікамі кафедры, можна ацаніць па вялікай колькасці

іх публікацый у самых розных навуковых выданнях Беларусі, Расіі, Украіны і многіх замежных краін. Традыцыйна па прычыне выдавочнай неабходнасці ўсе прадстаўнікі кафедры, у тым ліку магістранты і нават студэнты-дыпломнікі, у пошуках навуковай базы для сваіх работ, нягледзячы на аб'ектыўныя фінансавыя цяжкасці, працуюць у архівах і бібліятэках Масквы, Санкт-Пецярбурга, Смаленска, Варшавы, Вільнюса, Кіева, Львова і іншых гарадоў.

Заклучэнне

Кожны этап развіцця ўніверсітэцкай гістарычнай навукі ў той ці іншай ступені адпавядае дзейнасці канкрэтных вучоных. Творчасць некаторых з іх ахоплівае некалькі этапаў. Адметна, што адразу пасля пачатку працы БДУ ў яго сценах разгарнуліся даследаванні практычна па ўсіх важнейшых тэмах гістарычнай навукі, нягледзячы на тое што ў Беларусі да таго часу нельга было заўважыць нават сістэмнага развіцця ўласна нацыянальнай гісторыі, не гаворачы ўжо аб звароце да агульных праблем, а таксама некаторых спецыяльных і прыватных напрамкаў гістарычнага пазнання.

Станаўленне беларускай гістарычнай навукі пачалося толькі ў XX ст. Перш за ўсё яно звязана з працоўкай шматлікіх напрамкаў у сценах БДУ навукоўцамі, якія ў 1921 г. сталі будаваць першы ўніверсітэт Беларусі. Спіс імёнаў гісторыкаў – прадстаўнікоў розных напрамкаў выкладання ўражае: У. І. Пічэта, У. М. Перцаў, М. М. Нікольскі, У. М. Ігнатоўскі, А. А. Савіч, Дз. А. Жарынаў, М. В. Доўнар-Запольскі, Дз. І. Даўгяла, В. Д. Друшчыц, С. Г. Лазінскі, Ф. Ф. Турок, М. М. Шчакаціхін, А. М. Ясінскі, М. А. Янчук і інш. Іх аб'ядноўвае ў тым ліку тое, што падчас працы ў Мінску (у БДУ і АН БССР) гэтыя выдатныя гісторыкі з дастаткова рознымі спецыялізацыямі прадуктыўна займаліся выкладаннем і даследаваннямі ў галіне

расіязнаўства, а таксама праявілі сябе як беларусазнаўцы. Гісторыкі былі не толькі сярод найбольш актыўных арганізатараў стварэння БДУ і праваднікоў ідэі і практыкі ўніверсітэта ў 1920-я гг. і складаныя 1930-я гг. Яны змаглі захаваць годны ўзровень універсітэта, працягнуць наступную і педагогічную дзейнасць, ствараючы з 1934 г. гістарычны факультэт па «лекалах» падобных класічных інстытутаў як былых расійскіх імператарскіх універсітэтаў, так і еўрапейскіх універсітэтаў XX ст.

Такім чынам, можна канстатаваць, што ў Беларусі склалася трывалая навуковая школа расіязнаўцаў, асновы якой закладваліся з моманту стварэння БДУ, але ў поўнай меры былі замацаваны ў гады суверэннага развіцця Рэспублікі Беларусь. Навукоўцы кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта БДУ сёння павышаюць дасягнуты ўзровень і будуць творчыя планы на даследаванні ў запатрабаваных сучаснымі грамадска-палітычнымі рэаліямі напрамках. Яны стварылі паўнавартасныя падручнікі і дапаможнікі, неабходныя для забеспячэння выкладання ва ўніверсітэтах краіны курса «гісторыя Расіі і Украіны», гэтыя выданні пастаянна абнаўляюцца і удасканальваюцца. Акрамя таго, супрацоўнікі кафедры рыхтуюць новыя пакаленні беларускіх расіязнаўцаў.

Бібліяграфічны спасылкі

1. Каценбоген СЗ. *Белорусский государственный университет в 1922/23 учебном году (итоги и перспективы)*. Минск: 1-я гостипография «Белтрестпечати»; 1923. 52 с.
2. Зеленов МВ. *Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы*. Нижний Новгород: Нижполиграф; 2000. 538 с.
3. Моцизнок ВЭ. А. В. Луначарский и общеобразовательная школа 20-х годов. В: Воронежский государственный университет. *Страницы истории и историографии Отечества. Выпуск 2*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета; 1999. с. 115–130.

²¹История России. XX век : учеб. пособие / под ред. В. И. Меньковского, О. А. Яновского. Минск : РИВШ, 2005. 704 с. ; История России и Украины (XIX – начало XX в.) : в 2 ч. / под ред. В. В. Сергеевской, В. И. Меньковского, О. А. Яновского. Минск : БГУ, 2008. Ч. 1. 367 с. ; 2010. Ч. 2. 535 с. ; История России и Украины (с древнейших времен до конца XVIII в.) / под науч. ред. О. А. Яновского. Минск : БГУ, 2012. 503 с. ; История России и Украины (XX – начало XXI в.) : учеб. пособие / под ред. В. И. Меньковского, О. А. Яновского, В. В. Сергеевской. Минск : БГУ, 2020. 287 с. ; Позняк С. В. История Украины (IX – первая половина XVIII в.) : курс лекций. Минск : БГУ, 2002. 163 с. ; Лугаўцова С. Л., Кахновіч В. А., Цемушаў С. М. Гісторыя Украіны ад старажытных часоў да пачатку XX ст. (з электронным дадаткам) : дапаможнік / пад навук. рэд. А. А. Яноўскага. Минск : БДУ, 2019. 240 с. ; Всеобщая история России с древнейших времен до конца XVIII века / под ред. О. А. Яновского. М. : Эксмо, 2008. 592 с. ; История России: новое и новейшее время / под науч. ред. О. А. Яновского. М. : Эксмо, 2010. 784 с. ; Современная российская историография : в 2 ч. / под ред. В. И. Меньковского. Минск : РИВШ, 2009. Ч. 1. 338 с. ; Ч. 2. 274 с. ; Кортёж российской власти. IX–XXI века : биограф. справ. : в 3 ч. / под ред. О. А. Яновского. Минск : РИВШ, 2013. Ч. 1. 400 с. ; 2014. Ч. 2. 290 с. ; 2014. Ч. 3. 332 с. ; Университетоведение : учеб.-метод. пособие (с приложением CD) / под общ. ред. О. А. Яновского. Минск : БГУ, 2011. 343 с.

4. Пичета ВИ. История Белоруссии в советской историографии. В: Волгин ВП, Тарле ЕВ, Панкратова АМ, редакторы. *Двадцать пять лет исторической науки в СССР*. Москва: Издательство АН СССР; 1942. с. 179–188.
5. Плотникова Е. Всесоюзное совещание руководителей кафедр общественных наук. *Вопросы истории*. 1945;5–6: 204–206.

References

1. Katzenbogen SZ. *Belorusskii gosudarstvennyi universitet v 1922–23 uchebnom godu (itogi i perspektivy)* [Belarusian State University in the 1922–23 academic year (results and prospects)]. Minsk: 1-ya gostipografiya «Beltrestpechati»; 1923. 52 p. Russian.
2. Zelenov MV. *Apparat TsK RKP(b) – VKP(b), tsenzura i istoricheskaya nauka v 1920-e gody* [The apparatus of the Central Committee of the RCP(b) – VKP(b), censorship and historical science in the 1920s]. Nizhny Novgorod: Nizhpoligraf; 2000. 538 p. Russian.
3. Motsienok VE. [A. V. Lunacharskii and comprehensive school of the 1920s]. In: Voronezh State University. *Stranitsy istorii i istoriografii Otechestva. Vypusk 2* [Pages of history and historiography of the Fatherland. Issue 2]. Voronezh: Publishing house of the Voronezh State University; 1999. p. 115–130. Russian.
4. Picheta VI. [History of Belarus in Soviet historiography]. In: Volgin VP, Tarle EV, Pankratova AM, editors. *Dvadsat' pyat' let istoricheskoi nauki v SSSR* [Twenty-five years of historical science in the USSR]. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR; 1942. p. 179–188. Russian.
5. Plotnikova E. [All-Union conference of heads of departments of social sciences]. *Voprosy istorii*. 1945;5–6:204–206. Russian.

Получена 15.09.2024 / принята 02.10.2024.
Received 15.09.2024 / accepted 02.10.2024.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 329.12(=161.1)(476)«1906»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕПУТАТОВ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Д. С. ЛАВРИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Аннотация. Исследуется ход выборов депутатов в Первую Государственную думу Российской империи на территории Гродненской губернии. Подчеркивается, что на ход избирательной кампании оказали влияние как политические и социальные, так и национальные факторы. Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси и польские краевцы, стремившиеся сохранить экономическое и политическое влияние поляков в крае, боролись за голоса выборщиков-католиков. Еврейское население городов и местечек поддерживало Союз для достижения самоуправления еврейского народа в России, а также сионистские организации. На территории губернии активно действовали сторонники партии «Союз 17 октября» и Конституционно-демократической партии. Отмечается, что на губернском избирательном собрании, которое состоялось в конце марта 1906 г., выборщикам-крестьянам удалось заключить соглашение о союзе с горожанами. Блок крестьян и горожан одержал победу на выборах. Депутаты-крестьяне, для которых важнейшим был вопрос о землеустройстве, в Первой Государственной думе Российской империи примкнули к трудовикам. В ходе обсуждения аграрного вопроса они выступили за увеличение крестьянского землепользования за счет земель помещиков. Депутат М. Я. Острогорский, авторитетный ученый в сфере политических и юридических наук, внес значимый вклад в разработку Наказа деятельности Государственной думы. Депутаты от Гродненской губернии поддержали законопроект о гражданском равенстве, который предусматривал отмену всех национальных и конфессиональных ограничений. В центре внимания депутатов оказались события белостокского погрома, обсуждение которых в конечном итоге повлияло на решение о роспуске Первой Государственной думы Российской империи 8 июля 1906 г.

Образец цитирования:

Лавринович ДС. Деятельность депутатов Гродненской губернии в Первой Государственной думе Российской империи. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;4:24–34.
EDN: TWLPOF

For citation:

Lavrinovich DS. Activities of deputies from Grodno Province in the First State Duma of the Russian Empire. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;4:24–34. Russian.
EDN: TWLPOF

Автор:

Дмитрий Сергеевич Лавринович – доктор исторических наук, профессор; первый проректор.

Author:

Dmitry S. Lavrinovich, doctor of science (history), full professor; first vice-rector.
lavrin-dmitrij@yandex.ru

Ключевые слова: Первая Государственная дума Российской империи; Гродненская губерния; депутаты; политические партии; национальные группы; трудовики; аграрный вопрос.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Президента Республики Беларусь в сфере науки на 2024 г.

ДЗЕЙНАСЦЬ ДЭПУТАТАЎ ГРОДЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІ Ў ПЕРШАЙ ДЗЯРЖАЎНАЙ ДУМЕ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ

Д. С. ЛАЎРЫНОВІЧ^{1*}

^{1*} Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова,
вул. Касманаўтаў, 1, 212022, г. Магілёў, Беларусь

Анотацыя. Даследуецца ход выбараў дэпутатаў у Першую Дзяржаўную думу Расійскай імперыі на тэрыторыі Гродзенскай губерні. Паказваецца, што на ход выбарчай кампаніі аказалі ўплыў як палітычныя і сацыяльныя, так і нацыянальныя фактары. Канстытуцыйна-каталіцкая партыя Літвы і Беларусі і польскія краёўцы, якія імкнуліся захаваць эканамічны і палітычны ўплыў палякаў у краі, змагаліся за галасы выбаршчыкаў-каталікоў. Яўрэйскае насельніцтва гарадоў і мястэчак падтрымлівала Саюз для дасягнення паўнапраўя яўрэйскага народа ў Расіі, а таксама сіянісцкія арганізацыі. На тэрыторыі губерні актыўна дзейнічалі прыхільнікі партыі «Саюз 17 кастрычніка» і Канстытуцыйна-дэмакратычнай партыі. Адзначаецца, што на губернскім выбарчым сходзе, які адбыўся ў канцы сакавіка 1906 г., выбаршчыкам-сялянам удалося заключыць пагадненне аб саюзе з гараджанамі. Блок сялян і гараджан атрымаў перамогу на выбарах. Дэпутаты-сяляне, для якіх найважнейшым было пытанне аб землеўпарадкаванні, у Першай Дзяржаўнай думе Расійскай імперыі далучыліся да трудавікоў. Падчас абмеркавання аграрнага пытання яны выступілі за павелічэнне сялянскага землекарыстання за кошт зямель памешчыкаў. Дэпутат М. Я. Астрагорскі, аўтарытэтны вучоны ў сферы палітычных і юрыдычных навук, унёс значны ўклад у распрацоўку Наказу дзейнасці Дзяржаўнай думы. Дэпутаты ад Гродзенскай губерні падтрымалі законапраект аб грамадзянскай роўнасці, які прадугледжваў адмену ўсіх нацыянальных і канфесійных абмежаванняў. У цэнтры ўвагі дэпутатаў апынуліся падзеі беластоцкага пагрому, абмеркаванне якіх у канчатковым выніку паўплывала на рашэнне аб роспуску Першай Дзяржаўнай думы Расійскай імперыі 8 ліпеня 1906 г.

Ключавыя словы: Першая Дзяржаўная дума Расійскай імперыі; Гродзенская губерня; депутаты; палітычныя партыі; нацыянальныя групы; трудавікі; аграрнае пытанне.

Падзяка. Даследаванне выканана за кошт гранта Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь у сферы навукі на 2024 г.

ACTIVITIES OF DEPUTIES FROM GRODNO PROVINCE IN THE FIRST STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE

D. S. LAVRINOVICH^a

^aMogilev State A. Kuleshov University, 1 Kasmanawtaw Street, Magiljow 212022, Belarus

Abstract. The article examines the course of the elections of deputies to the First State Duma of the Russian Empire in the Grodno Province. It is emphasised that the course of the election campaign was influenced by both political and social, as well as national factors. The Constitutional Catholic Party of Lithuania and Belarus and the Polish kraevcy, who sought to maintain the economic and political influence of the Poles in the region, fought for the votes of Catholic electors. The Jewish population of towns and villages supported the Union for the Attainment of Full Rights for the Jewish People in Russia and Zionist organisations. The supporters of the Union of 17 October and the Constitutional Democratic Party were active in the province. At the provincial electoral assembly, which was held at the end of March 1906, the peasant electors managed to conclude an agreement on an alliance with the townspeople. The block of peasants and townspeople won the election. Peasant deputies, for whom the agrarian issue was the most important, joined the Labourists in the First State Duma of the Russian Empire. When discussing the agrarian issue, they favoured increasing peasant land use at the expense of landlords' lands. The deputy M. Ya. Ostrogorskii, an authoritative scholar in the field of political and legal sciences, made a significant contribution to the development of the Order of the State Duma of the Russian Empire. Deputies from Grodno Province supported the bill on civil equality, which provided for the abolition of all national and confessional restrictions. The events of the Bialystok massacre, the consideration of which eventually influenced the decision to dissolve the First State Duma of the Russian Empire on 1906 July 8, came into focus.

Keywords: First State Duma of the Russian Empire; Grodno Province; deputies; political parties; national groups; Labourists; agrarian issue.

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of the grant from the President of the Republic of Belarus in the field of science for 2024.

Введение

Создание Государственной думы Российской империи (далее – Государственная дума) стало важнейшим этапом в процессе реформирования системы управления державой в начале XX в. Данное событие способствовало активизации общественно-политической жизни в империи, в том числе на ее окраинах. Гродненская губерния была «регионом с многонациональным и поликонфессиональным составом населения, поэтому избирательные кампании на ее территории имели особенности по сравнению с центральными губерниями» [1, с. 233]. В своих воспоминаниях М. М. Осоргин, являвшийся гродненским губернатором в 1903–1905 гг., характеризовал национальный состав населения вверенной ему губернии следующим образом: «Гродненская губерния может быть разделена на две части: в одной, северной части сельское население – почти сплошь католики, а по официальным документам – бывшие униаты, помещики же почти все православные; в южной же части наоборот: сельское население, белорусское – православное, а помещики – католики. Объясняется это тем, что в тех местностях, где сельское население православное, помещики-поляки не рискнули принять активного участия в польском мятеже, и по усмирении такового имения у них не были отобраны; в северных же уездах наоборот: помещики руководили восстанием, снаряжали банды и ими командовали, почему, за малым исключением, у всех были конфискованы имения, а затем проданы или пожалованы русским деятелям края»¹. Неудивительно, что в Гродненской губернии выдвижение кандидатов в выборщики происходило с учетом как политических и социальных, так и национальных факторов.

Среди основных трудов в историографии по затронутой проблеме можно выделить исследования Я. Запрудника, М. А. Мартюховой и Н. М. Забавского. В работах указанных авторов рассматриваются различные аспекты проведения выборов в Государственную думу и деятельности депутатов, в том числе представителей Гродненской губернии. Первая попытка провести системное исследование деятельности депутатов от белорусских губерний в нижней законодательной палате предпринята в работах Я. Запрудника. Общественно-политическая ситуация на территории Беларуси в августе 1905 – июле 1906 г. в условиях учреждения и работы Первой Государственной думы раскрыта в монографии М. А. Мартюховой [2]. Н. М. Забавский² показывает деятельность политических партий и групп в ходе избирательных кампаний, дает характеристику политическим позициям депутатов, показывает их отношение к вопросам, которые обсуждались в народном представительстве [3; 4]. В работах российских авторов, прежде всего в исследовании Р. А. Циунчука, анализируются особенности проведения выборов в Государственную думу на национальных окраинах и деятельность в ней представителей местных элит [5; 6]. Для изучения истории российского парламентаризма важным событием стало издание энциклопедии по истории работы Государственной думы. В указанном издании размещены биографические статьи о депутатах от Гродненской губернии³. Деятельность депутатов-поляков рассмотрена польскими учеными С. Брозой и К. Степаном⁴. Исследование Р. Юрковского посвящено выборам в Государственную думу представителей польского дворянства на территории западных губерний Российской империи [7].

Методология исследования

Методологической основой исследования выступают следующие исторические принципы: объективность, историзм, системность и ценность в истории. При подготовке статьи применялись историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный методы, а также метод социально-классового анализа. При помощи историко-генетического метода «стратегия и тактика различных политических и национальных групп были изучены в процессе их постоянного развития» [8, с. 32]. Для исследования особенностей избирательных тактик использовался историко-сравнительный метод. Историко-типологический метод позволил

«подвести рассматриваемые политические объединения под тот или иной тип» [8, с. 32]. Так, можно выделить общероссийские правые, умеренно-либеральные и леволиберальные партии, а также национальные (польские, еврейские и другие) и региональные организации. Историко-системный метод дал возможность определить уровень их воздействия на общественно-политическую жизнь Гродненской губернии в 1905–1906 гг. Метод социально-классового анализа позволил выявить степень влияния социального состава различных политических партий и общественных организаций на их общественно-политическую позицию.

¹Осоргин М. М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861–1920. М. : Рос. фонд культуры, 2008. С. 603.

²Забавскі М. М. Грамадска-палітычная барацьба ў Беларусі ў ходзе выбараў і дзейнасці расійскай Дзяржаўнай думы I–IV скліканняў (1906–1917 гг.) : дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02. Мінск : Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка, 2000. 260 с.

³Государственная дума Российской империи, 1906–1917 : энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М. : Росспэн, 2008. 735 с.

⁴Brzoza C., Stepan K. Poświę Polscy w parlamencie Rosyjskim 1906–1917 : słown. biogr. Warszawa : Wydaw. sejm., 2001. 220 s.

Результаты и их обсуждение

Общероссийские правые и либеральные партии ориентировались прежде всего на православное население губернии (белорусских крестьян, священнослужителей, русских помещиков, чиновников и др.). Однако из-за отдаленности от имперского центра отделы партий «на территории Гродненской губернии образовались в тот момент, когда избирательная кампания уже набирала обороты» [1]. Так, в процессе создания находились организационные структуры крупнейшей в стране монархической партии – Союза русского народа. В связи с этим консолидацией правых сил в г. Гродно занималось Софийское православное братство [9, с. 185–189].

Местные октябристы стояли на ногах увереннее. Гродненский отдел партии «Союз 17 октября» был образован в январе 1906 г. В него записались 163 человека, в основном чиновники и служащие⁵. По некоторым данным, группы октябристов были образованы также в городах Слониме и Бельске⁶. Отдел Партии правового порядка, в который вошли чиновники высшего звена и купцы православного исповедания, оформился в г. Гродно на рубеже 1905–1906 гг. В. К. Стукалич, служивший в то время начальником отделения казенной палаты, характеризовал социальный состав Гродненского отдела Партии правового порядка следующим образом: «Русские купцы – их три на весь город – вошли в Партию правового порядка. Торговцы-католики, которых наберется десятка два, держатся особняком, по-видимому, входят в состав Конституционно-католической партии. Все превосходительные чиновники – в Партии правового порядка»⁷. В отделе указанной партии состоял 271 человек⁸. В г. Брест-Литовске также существовал отдел Партии правового порядка⁹. В феврале 1906 г. отделы партии «Союз 17 октября» и Партии правового порядка объединились в одну структуру на основе октябристской платформы¹⁰.

В г. Гродно 3 марта 1906 г. октябристы совместно с Партией правового порядка организовали предвыборное собрание, сделав ставку на привлечение ремесленников. Собралось около 300 ремесленников (только 100 из них были православными)¹¹. Общие избирательные бюллетени Партии правового поряд-

ка, партии «Союз 17 октября» и ремесленников были выпущены 6 марта. В них фигурировало по два представителя от каждой стороны¹². Составить реальной конкуренции еврейским и польским кандидатам они не могли. Так, среди 133 выборщиков из городов было только 18 членов партии «Союз 17 октября». Из 102 выборщиков, выдвинутых на съездах землевладельцев, лишь 15 человек являлись октябристами, а 3 человека причисляли себя к Партии правового порядка¹³. В итоге отделы партии «Союз 17 октября» и Партии правового порядка, даже объединившись, не смогли провести в депутаты ни одного своего кандидата.

Еще медленнее в Гродненской губернии происходило создание отделов Конституционно-демократической партии. Местные кадеты действовали в основном нелегально, так как опасались преследований со стороны властей. В то же время они хотели привлечь в свои ряды как можно больше сторонников, преимущественно из крестьян. Начальник Гродненского губернского жандармского управления в донесении департаменту полиции от 18 февраля 1906 г. указывал на факт распространения кадетской литературы в сельской местности, а именно брошюры «Крестьянам о Конституционно-демократической партии» и соответствующей партийной программы¹⁴. Симпатизировали конституционным демократам и некоторые помещики¹⁵. Несмотря на то что до выборов в Первую Государственную думу отделы Конституционно-демократической партии в Гродненской губернии так и не были созданы, многие кандидаты, стремясь привлечь голоса горожан и крестьян, заявляли о том, что поддерживают программу кадетов.

За голоса выборщиков-католиков боролись главным образом польские краевцы и Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси. Штабом польских помещиков, по сути, стал предвыборный комитет землевладельцев Гродненской губернии. Вице-губернатор А. А. Ознобишин объяснял данное обстоятельство значительным численным преобладанием польских аграриев над русскими: «Население обширной Гродненской губернии на приблизительно

⁵Гос. арх. Витеб. обл. (ГАВО). Ф. 967. Оп. 2. Д. 1. Л. 19–20 об. (Уголовное дело № 2715-п по обвинению Стукалича Владимира Каземировича в контрреволюционной деятельности за октябрь – декабрь 1918 г.)

⁶Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. 115. Оп. 1. Д. 53. Л. 418 (Переписка ЦК «Союза 17 октября» с местными организациями по вопросам выборов в IV Государственную думу); Список участников совещания «Союза 17 октября» в Санкт-Петербурге 7 ноября 1913 года (по предварительным данным). СПб.: Тип. тов-ва А. С. Суворина «Новое время», 1913. С. 2, 5.

⁷ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 63. Л. 2 об. (Переписка ЦК «Союза 17 октября» с Гродненским отделом (1906 г.).)

⁸ГАВО. Л. 42–43 об., 47. (Уголовное дело № 2715-п по обвинению Стукалича Владимира Каземировича в контрреволюционной деятельности за октябрь – декабрь 1918 г.)

⁹Рос. гос. ист. арх. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157. Л. 92. (Сообщения губернаторов на запрос МВД о политических партиях, их организации, численности и идеологии.)

¹⁰ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 63. Л. 2 об. (Переписка ЦК «Союза 17 октября» с Гродненским отделом (1906 г.).)

¹¹Отд. рукоп. Рос. нац. б-ки. Ф. 1072. Т. 3. Л. 13. (Материалы по истории выборов в Первую Государственную думу, собранные по поручению председателя Совета министров графа С. Ю. Витте графом В. А. Дмитриевым-Мамоновым.)

¹²Там же. Л. 14.

¹³Там же. Л. 13.

¹⁴ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 999. Ч. 43. Л. 186, 188а. (Конституционно-демократическая партия.)

¹⁵Там же. Оп. 236. Д. 828. Ч. 2. Л. 265. (Наряд по секретной переписке по Гродненской губернии.)

две трети состояло из русских православных крестьян, но крупное землевладение было сосредоточено в руках польских землевладельцев, так что на 100 польских землевладельцев приходилось приблизительно 30 русских»¹⁶. Краевцы рассчитывали на помощь Гродненского общества сельского хозяйства, большинство активных членов которого были поляками¹⁷. Цель краевцев заключалась в том, чтобы «провести в Государственную думу как можно больше своих представителей, которые не допустили бы перераспределения земли от польских помещиков в пользу белорусского крестьянства» [1, с. 233–244].

Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси, которую возглавлял Э. фон Ропп, виленский римско-католический епископ, добивалась избрания в Первую Государственную думу представителей католического духовенства. Ставленником партии был ксендз А. Н. Сонгайло, который занимался активной общественной деятельностью и пользовался симпатиями местного крестьянства, в том числе православного¹⁸.

Среди еврейского населения городов и местечек наибольшая популярность была у Союза для достижения полноправия еврейского народа в России, поддерживаемого и сионистскими организациями. Отделы союза были образованы в городах Гродно, Белостоке, Слониме и других населенных пунктах губернии¹⁹. Из общероссийских партий союз ориентировался на кадетов.

Выборы в Первую Государственную думу проходили в марте 1906 г. Они были многоступенчатыми. Кроме того, выборы проводились в четырех неравноправных куриях: землевладельческой, городской, крестьянской и рабочей. Окончательное избрание депутатов происходило на губернском собрании. В землевладельческой курии, состоявшей из 34 выборщиков, перевес голосов оказался у польских аграриев, краевцев и сторонников Конституционно-католической партии Литвы и Беларуси. Так, поляки получили преобладание в Гродненском, Белостокском, Бельском, Слонимском и Кобринском уездах. Только в Брест-Литовском и Пружанском уездах кандидаты поляков не прошли. В Брест-Литовском уезде победу одержал православный землевладелец М. М. Ерогин, которому симпатизировали местные крестьяне. В Пружанском уезде крестьяне решили не выбирать в Государственную думу помещиков и представителей духовенства [7, с. 90].

Из рабочей курии на губернское избирательное собрание прошли два кандидата Конституционно-католической партии Литвы и Беларуси [4, с. 52].

Что касается городской курии, то победу одержали евреи. По Гродненской губернии евреи получили 75 % голосов, поляки – 14 % голосов, русские – 11 % голосов. Среди 26 городских выборщиков было 25 евреев, которые, как правило, выступали в поддержку Союза для достижения полноправия еврейского народа в России, а также Конституционно-демократической партии [4, с. 51]. Кандидатами в депутаты они выдвинули М. Я. Острогорского и В. Р. Якубсона²⁰.

Большое внимание местные власти уделяли выборам в крестьянской курии, стремясь отсеять крайне левых кандидатов. Так, в Каменской волости крестьяне избрали уполномоченным А. Калесника, который был арестован за революционную агитацию и во время очередного этапа выборов находился под стражей [4, с. 47]. Донесение чиновника канцелярии Совета министров Российской империи В. А. Дмитриева-Мамонова председателю правительства С. Ю. Витте свидетельствует о том, что в Гродненской губернии полиция присутствовала на волостных сходах, благодаря чему избранными оказались зажиточные крестьяне [4, с. 46]. В то же время сами крестьяне стремились забаллотировать правых кандидатов, которые не желали решать вопрос об увеличении крестьянского землепользования²¹. На уездных собраниях были выбраны 43 крестьянина (30 белорусов, 10 малорусов и 3 поляка) [4, с. 47]. При этом 30 крестьян являлись православными, 13 крестьян – католиками²². Большинство из них были сторонниками расширения крестьянских земельных владений, в том числе за счет земель помещиков. Многие из крестьян, как и горожане, симпатизировали партии кадетов. Выборщик А. М. Санцевич, впоследствии ставший депутатом Второй Государственной думы, писал: «В Белостоке мы познакомились с программой [Партии] народной свободы и всю ее одобрили, только три места не понравилось. Из программы крестьяне усмотрели, что люди, составившие такую программу, за панами и начальством тянуть не станут, и земских начальников, пожалуй, тогда не будет»²³.

Польские помещики стремились провести в Государственную думу как можно больше своих представителей. Они рассчитывали привлечь на свою сторону крестьян-католиков и рабочих-католиков. Для обеспечения большинства голосов на губернском

¹⁶Ознобишин А. А. Воспоминания члена IV Государственной думы. Париж : Е. Сияльская, 1927. С. 152.

¹⁷Там же. С. 163.

¹⁸Brzoza C., Stepan K. Poświęcie Polscy... S. 195.

¹⁹Съезд делегатов Союза для достижения полноправия еврейского народа в России // Восход. 1905. 1 дек. С. 22.

²⁰Санцевич А. М. Как состоялись выборы в Государственную думу (рассказ выборщика от крестьян Волковыского уезда) // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи: воспоминания современников, материалы и документы / сост.: И. Б. Борисов [и др.]. М. : РЦОИТ, 2008. С. 311.

²¹Там же. С. 301, 312.

²²Там же. С. 314.

²³Там же. С. 318.

избирательном собрании польским помещикам необходимо было заручиться поддержкой либо остальных крестьян, либо выборщиков из городской курии, евреев. Поляки склонялись к союзу с горожанами, они желали, чтобы в Государственную думу прошли представители белорусского крестьянства, которые могли поднять вопрос о земле. Польские помещики согласились выделить городским выборщикам два депутатских места из семи. Предложение горожан предоставить крестьянам хотя бы одно место помещики отвергли. Чрезмерные амбиции польских землевладельцев в конечном итоге отвернули от них городских выборщиков, и союз не состоялся²⁴.

На губернском избирательном собрании, которое состоялось в конце марта 1906 г., выборщикам-крестьянам удалось заключить соглашение о создании блока с горожанами. Из 107 голосов выборщиков крестьянско-городской блок располагал 72 голосами, включая голоса крестьян-католиков. За поддержку последним было обещано одно депутатское место. А. М. Санцевич так описывал сложившуюся ситуацию: «Составившимся блоком при союзе горожан и крестьян-православных и католиков мы имели 72 голоса, которыми и соперничали с панами. Если бы рабочие примкнули к нам, то в случае выигрыша имелось в виду дать место и им, хотя их было лишь двое. Мы остановились на крестьянах-католиках. Предоставляя место католикам-крестьянам, мы надеялись, что они выполнят союз наш в точности, кроме того, мы были благодарны католикам за то, что в разрыве горожан с панами и они помогали немало нам»²⁵. В итоге ни один польский помещик не был избран. Крестьянские голоса удалось получить только ксендзу А. Н. Сонгайло. Данный выбор крестьян А. М. Санцевич объяснял следующим образом: «Мне крестьяне заявили, что один из ксендзов очень хороший для крестьян, и панов всегда с амвона совестит, и до того с панами в контрах, что и калиткой той не пойдет, через которую пан ходит»²⁶. Таким образом, в результате баллотировки победа досталась блоку крестьян и горожан, который смог провести шесть своих кандидатов из семи – трех крестьян (среди них один католик), одного православного помещика и двух евреев.

Первыми депутатами, которые были избраны местным населением в Первую Государственную думу в марте 1906 г., стали Михаил Михайлович Ерогин, Мартин Мартинович Жуковский, Семен Петрович Кондрашук, Антон Васильевич Куропацкий, Моисей Яковлевич Острогорский, Владимир Романович Якубсон, Антон Николаевич Сонгайло. Депутаты имели

разные политические взгляды, социальный статус, уровень образования, имущественное положение, жизненный опыт.

Единственным представителем поместного дворянства в Первой Государственной думе от Гродненской губернии являлся М. М. Ерогин (1862 – ?). Он был землевладельцем Брест-Литовского уезда, владел имением Радеж (3251 дес. земли)²⁷. М. М. Ерогин получил образование в Константиновском военном училище и Николаевской академии Генерального штаба, служил в армии, состоял в Офицерской стрелковой школе, был воспитателем Пажеского корпуса. В отставку он вышел в чине полковника, после чего вернулся на родину. В Гродненской губернии М. М. Ерогин был земским начальником в своем уезде, затем – белостокским уездным предводителем дворянства. Будучи земским начальником, он пользовался авторитетом и уважением у крестьян своего участка. М. М. Осоргин вспоминал: «...земский начальник Ерогин был один из тех, который сразу схватил дело, понял смысл и значение должности земского начальника. Он жил в своем имении в такой глуши, что добраться до него по гатям через непроходимые болота было очень трудно. Тут же я обривизовал кроме его камеры и соседнюю волость. По рассказам полицейских чинов, никто никогда не помнил, чтобы губернатор посещал эту местность, почему я тем более был удивлен, встретившись с народом, не забитым, не запуганным и относящимся к Ерогину, своему давнишнему помещику, по-русски: не подобострастно, а почтительно-любовно»²⁸. А. М. Санцевич также давал ему высокую оценку: «М. М. Ерогин у южных крестьян нашей губернии был особого рода кумиром. М. М. завоевал симпатии и других крестьян, на его стороне был и я»²⁹. Именно поддержка крестьян позволила М. М. Ерогину пройти в Первую Государственную думу. В губернском избирательном собрании он и В. Р. Якубсон получили равное количество голосов. Последним баллотироваться должен был А. М. Санцевич, которого для провала кандидатуры М. М. Ерогина собирались поддержать польские землевладельцы. Чтобы не допустить перебаллотировки, А. М. Санцевич снял свою кандидатуру с голосования, и М. М. Ерогин стал депутатом³⁰.

В Первую Государственную думу от Гродненской губернии были избраны три крестьянина – М. М. Жуковский, С. П. Кондрашук и А. В. Куропацкий. М. М. Жуковский (1864–1957) был из д. Пониклы Обрубниковской волости Белостокского уезда. Он придерживался католичества, имел начальное образование, служил волостным старшиной, был членом

²⁴ Санцевич А. М. Как состоялись выборы... С. 305–311.

²⁵ Там же. С. 314.

²⁶ Там же. С. 315.

²⁷ Думец Ерогин и его семья [Электронный ресурс] // Брест моей памяти (30–60-е гг. XX в.). URL: <https://brestmemory.com/erogin-georgij-mihajlovich/> (дата обращения: 10.06.2024).

²⁸ Осоргин М. М. Воспоминания... С. 658, 659.

²⁹ Санцевич А. М. Как состоялись выборы... С. 308.

³⁰ Там же. С. 318, 319.

землеустроительной комиссии, участковым попечителем о народной трезвости³¹. С. П. Кондрашук (1874–?) был из д. Стреки Житинской волости Кобринского уезда. Он придерживался православия, имел начальное образование, два года преподавал в школе грамоту, был смотрителем продовольственного сельского магазина. Гродненский губернатор характеризовал С. П. Кондрашука как «честного и умного от природы человека»³². А. В. Куропацкий (1868–1919) жил в д. Новосёлки Мостовской волости Гродненского уезда, был православным, имел начальное образование. Он занимался сельским хозяйством, исполнял обязанности волостного судьи³³.

Двое депутатов, М. Я. Острогорский и В. Р. Якубсон, были представителями еврейского населения. М. Я. Острогорский (1854–1921) родился в семье учителя в Бельском уезде Гродненской губернии. Он окончил гимназию в г. Гродно, затем поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, где получил степень кандидата права. В течение семи лет М. Я. Острогорский работал в Министерстве юстиции Российской империи, а в 1883 г. уехал за границу. В г. Париже он окончил Свободную школу политических наук. Научную известность М. Я. Острогорскому принесли работы, посвященные правовой теме. В Кливлендском университете в США ему предложили кафедру, но ученый, в связи с избранием его депутатом Государственной думы, решил вернуться в Россию. Среди белорусских крестьян он пользовался высокой популярностью. Так, крестьяне-выборщики просили представителей еврейской общины обязательно включить М. Я. Острогорского в список кандидатов в депутаты. По своим политическим взглядам он был близок к партии кадетов, но формально в нее не входил³⁴ [10]. В. Р. Якубсон (1861–1918) родился в купеческой семье в г. Вильно. После окончания Виленской гимназии он учился в Императорском Казанском и Императорском Санкт-Петербургском университетах. Получив высшее юридическое образование, В. Р. Якубсон работал доцентом в Императорском Санкт-Петербургском университете, затем служил присяжным поверенным в г. Слониме, принимал активное участие в сионистском движении³⁵.

Духовное сословие представлял А. Н. Сонгайло (1867–1939?). Он родился в литовской мещанской семье (но признавал свою принадлежность к польскому народу), окончил Виленскую римско-католи-

ческую духовную семинарию, затем служил ксендзом в г. Пружаны, был деканом Пружанского уезда Гродненской губернии, преподавал в местных начальных школах³⁶.

Депутаты принадлежали примерно к одной возрастной группе (от 35 до 45 лет). Самым молодым был крестьянин С. П. Кондрашук (32 года), самым старшим – М. Я. Острогорский (52 года).

Представители Гродненской губернии в Первой Государственной думе вошли в состав ряда комиссий. Так, В. Р. Якубсон состоял в комиссии по исследованию незаконных действий должностных лиц и комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов. Также он работал в качестве секретаря комиссии по запросам³⁷. М. Я. Острогорский, имевший репутацию авторитетного ученого в области политических и правовых наук, был привлечен к работе в комиссии по подготовке проекта Наказа деятельности Государственной думы, комиссии по личной неприкосновенности, комиссии по гражданскому равенству и др. Кроме того, он участвовал в разработке правил, которыми следовало руководствоваться при проверке проведения выборов, являлся председателем советующего думского отдела³⁸. М. М. Жуковский был членом аграрной комиссии³⁹.

Политические воззрения депутатов были различными. Когда выяснилось поражение правых партий на выборах, правительство попыталось воздействовать на крестьянских депутатов. Министр внутренних дел П. Н. Дурново и вице-директор департамента полиции П. И. Рачковский решили создать проправительственную крестьянскую фракцию, которая включила бы в себя крестьян «посрее и понеразвитее»⁴⁰. Они нашли себе союзника в лице М. М. Ерогина. Последний, как уже было отмечено, во время выборов выдавал себя за либерала. Сразу после избрания М. М. Ерогин был арестован. Свои настоящие взгляды он раскрыл только в г. Санкт-Петербурге, где, по сути, стал доверенным лицом П. Н. Дурново по делам Государственной думы и получил казенную квартиру и содержание. По поручению министра внутренних дел М. М. Ерогин перехватывал всех прибывавших в столицу депутатов-крестьян для того, чтобы склонить их на сторону правительства. П. Н. Дурново предоставил ему право ознакомления со всеми, даже с секретными законопроектами правительства, которые предназначались для внесения на рассмотрение

³¹Государственная дума Российской империи... С. 194.

³²Там же. С. 280.

³³Там же. С. 313.

³⁴Там же. С. 435.

³⁵Там же. С. 723.

³⁶Brzoza C., Stepan K. Poświę Polscy... S. 195.

³⁷Государственная дума Российской империи... С. 723.

³⁸Там же. С. 435.

³⁹Там же. С. 194.

⁴⁰Герасимов А. В. На лезвии с террористами. Париж : YMCA-press, 1985. С. 76, 77 ; Крыжановский С. Е. Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб. : Изд-во Рос. нац. б-ки, 2009. С. 89–90.

в Государственной думе. М. М. Ерогин их тщательно изучал, а затем писал заключения для Совета министров Российской империи о степени пригодности того или иного законопроекта с точки зрения крестьянских интересов. По инициативе М. М. Ерогина в г. Санкт-Петербурге были устроены дешевые квартиры для депутатов-крестьян. В оппозиционной прессе его «пансион» получил насмешливое прозвище «живопырни». Однако в конечном итоге из этой затеи ничего не вышло, так как квартиры вскоре превратились в центры революционной агитации. Государственный секретарь С. Е. Крыжановский вспоминал: «Ерогинские квартиры, собравшие все же некоторое количество членов Думы из крестьян, скоро получили известность, посыпались насмешки в печати, стихи, сам Ерогин оказался малопригодным для политического руководства, и они скоро заглохли»⁴¹. После скандала М. М. Ерогину не удалось восстановить свою репутацию. В Государственной думе он остался беспартийным депутатом.

Как уже отмечалось, на крестьян во время выборов наибольшее влияние оказывала Конституционно-демократическая партия. Даже октябристы в письме Центральному комитету «Союза 17 октября» признали: «Все избранные православные по воззрениям своим принадлежат партии кадетов, но без автономии Польши»⁴². Однако после начала работы Первой Государственной думы депутаты-крестьяне М. М. Жуковский, С. П. Кондрашук и А. В. Куропатский записались не во фракцию кадетов, несмотря на старания М. М. Ерогина, а во фракцию трудовиков, как и большинство других крестьян⁴³. В эту же фракцию вступил и В. Р. Якубсон, ставший ее секретарем⁴⁴. А. Н. Сонгайло примкнул к пропольской группе западных окраин⁴⁵. М. Я. Острогорский формально ни в какую фракцию не входил, но ориентировался на кадетов⁴⁶.

Депутаты от Гродненской губернии приняли активное участие в думских прениях. Наибольшее внимание вызвал аграрный вопрос. М. М. Жуковский выступил за увеличение крестьянского землепользования за счет земель помещиков, считая, что землеустройством должны заняться местные губернские, уездные и волостные комиссии с участием крестьян. При этом он был против национализации земли, полагая, что крестьяне должны стать ее полновластными собственниками [4, с. 60]. М. М. Жуковского поддержал С. П. Кондрашук, который в своем выступлении обрисовал тяжелые условия жизни белорусского кре-

стьянства: «Нет тяжелее и горше жизни, как жизнь непросвещенного крестьянина. Он всеми угнетен, всеми тесним, и все на нем хотят выезжать. Он не имеет ни земли, ни прав. А без земли крестьянин жить не может» [2, с. 112]. В письме своему односельчанину С. П. Кондрашук выразил сомнения в искренности намерений правительства улучшить положение крестьян, отметив, что министры и помещики в Государственной думе «только в речах тешат крестьян землею» [2, с. 119].

Существенный вклад в разработку проекта Наказа деятельности Государственной думы внес М. Я. Острогорский. Он исходил из принципа обеспечения равных прав всех думских групп, фракций и депутатов на «свободу суждений», не нарушая при этом закона о правах и полномочиях самой Государственной думы [10, с. 135–147]. М. Я. Острогорский участвовал в обсуждении вопросов о правах еврейского населения в России, подводя депутатов к мысли о необходимости отменить черту еврейской оседлости [10, с. 157, 158]. Также он способствовал развитию международных парламентских связей. В июне 1906 г. М. Я. Острогорский участвовал в формировании повестки и состава думской делегации, которая должна была отправиться на межпарламентскую конференцию в г. Лондон. Он был избран членом данной делегации [10, с. 148, 149].

Депутаты С. П. Кондрашук, А. Н. Сонгайло, В. Р. Якубсон поддержали законопроект о гражданском равенстве, который предусматривал отмену всех национальных и конфессиональных ограничений⁴⁷. В. Р. Якубсон принял активное участие в обсуждении вопроса об отмене смертной казни, высказавшись за немедленное рассмотрение соответствующего законопроекта. Позднее он вошел в состав думской комиссии, которая расследовала обстоятельства еврейского погрома в г. Белостоке в июне 1906 г. Во время рассмотрения данного вопроса в Государственной думе В. Р. Якубсон выступил как резкий критик правительства, по сути, обвинив его и вооруженные силы в преступном бездействии и даже содействии погромщикам. М. М. Жуковский утверждал, что между местным крестьянским и еврейским населением нет вражды: «Все живут мирно, все одинаково угнетены»⁴⁸. С резкой критикой политики правительства во время белостокских событий выступил и М. Я. Острогорский, который обвинил власти в бездействии и сочувственном отношении к погромщикам. В его речи прозвучало определение политики царского правительства как

⁴¹Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 90.

⁴²ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 63. Л. 4 об. (Переписка ЦК «Союза 17 октября» с Гродненским отделом (1906 г.).)

⁴³Государственная дума Российской империи... С. 194, 280, 313.

⁴⁴Там же. С. 723.

⁴⁵Brzoza C., Stepan K. Poświę Polscy... S. 195

⁴⁶Государственная дума Российской империи... С. 435.

⁴⁷Там же. С. 280, 723 ; Brzoza C., Stepan K. Poświę Polscy... S. 195.

⁴⁸Бонч-Осмоловский И. Работы Первой Государственной думы / под ред. С. И. Бондарева. СПб. : С.-Петербург. ком. труд. группы, 1906. С. 314.

политики «государственного бандитизма» [10, с. 159]. При этом он, в отличие от В. Р. Якубсона, удержался от чрезмерных обвинений в адрес вооруженных сил.

За оскорбительные высказывания в адрес армии В. Р. Якубсон был вызван на дуэль поручиком А. А. Смирнским, героем русско-японской войны 1904–1905 гг., увлекавшимся спортивной стрельбой. В. Р. Якубсону пришлось публично, через прессу, опровергнуть свои слова в адрес российских вооруженных сил. После этого А. А. Смирнский отказался от дуэли [11].

Депутат А. Н. Сонгайло принимал участие в дискуссиях по аграрному вопросу и белостокскому погрому. Он считал, что аграрный вопрос должен быть решен с учетом местных условий и внес поправку о том, что принудительное отчуждение земли может быть осуществлено только в случае надобности. А. Н. Сонгайло обратил внимание депутатов на необходимость снять законодательные ограничения, наложенные на римско-католическое население Литвы и Беларуси⁴⁹.

Конфликт Государственной думы с правительством завершился 8 июля 1906 г. роспуском народного представительства. Через два дня в г. Выборге депутаты подписали воззвание с призывом к народу не давать «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию». Из депутатов от Гродненской губернии воззвание подписал В. Р. Якубсон⁵⁰.

После возвращения из г. Санкт-Петербурга только С. П. Кондрашук объездил волости своего уезда и отчитался перед крестьянами о своей работе в Первой Государственной думе. За возвращение «без земли» он был избит односельчанами. Позднее за агитацию среди крестьян С. П. Кондрашук был арестован. Шесть месяцев он провел в тюрьме⁵¹.

В конце 1906 г. М. Я. Острогорский издал своеобразный отчет о своем депутатстве – книгу «Деятельность М. Я. Острогорского в Первой Государственной думе»⁵². В работе содержались тексты выступлений депутата на общем собрании и заседаниях комиссии Государственной думы.

Бывшие депутаты-поляки выпустили воззвание к избирателям, в котором предлагали самостоятельно решить аграрный вопрос на территории бывшего Великого княжества Литовского, позволив помещикам сохранить свои земельные владения. В то же время бывшие депутаты призывали население сохранять спокойствие и готовиться к участию в новых

выборах⁵³. Среди прочих данное воззвание подписал А. Н. Сонгайло⁵⁴.

После окончания работы Первой Государственной думы судьба депутатов сложилась по-разному. М. М. Ерогин продолжил активную общественно-политическую деятельность, возглавив Брест-Литовский отдел Всероссийского национального союза. В 1912 г. он принимал участие в первом собрании представителей Всероссийского национального союза и был избран в состав главного совета партии русских националистов [12, с. 343, 346, 347]. По некоторым данным, в 1914–1917 гг. М. М. Ерогин был командиром 374-й пешей Минской дружины государственного ополчения⁵⁵. О дальнейшей его жизни информации найти не удалось.

Во Вторую Государственную думу пытался баллотироваться М. Я. Острогорский, но потерпел неудачу. Он больше не занимался политической деятельностью и некоторое время жил в США. Исследования М. Я. Острогорского «...в области политологии и конституционного права были обобщены в книге “Демократия и политические партии”, неоднократно переиздававшейся как на русском, так и на иностранных языках. М. Я. Острогорский преподавал в Психоневрологическом институте и Петроградском университете, был избран почетным членом Гродненского педагогического общества» [1]. Умер он в 1921 г. [10].

За подписание Выборгского воззвания В. Р. Якубсон был приговорен к трехмесячному тюремному заключению и лишен избирательных прав. В 1917 г. он вернулся к активной политической деятельности и вступил в Трудовую народно-социалистическую партию. В следующем году депутат умер⁵⁶.

Депутат А. Н. Сонгайло вернулся к священнической деятельности в своей губернии, служил ксендзом в г. Соколке. В годы Первой мировой войны он работал в Комитете обывательском в г. Белостоке. В независимой Польше А. Н. Сонгайло поселился в г. Люблине, где преподавал в католической духовной семинарии и университете, служил настоятелем костела Святого Иосафата. В 1930-х гг. он был капелланом Бенедиктинской конфедерации в г. Вильно, а также школьным инспектором. О его жизни после 1939 г. сведений нет⁵⁷.

Депутаты-крестьяне вернулись к своим хозяйственным делам. Данных об их жизни почти не сохранилось. М. М. Жуковский умер в 1957 г., прожив 90 лет. А. В. Куропацкий, по некоторым сведениям, умер в 1919 г.⁵⁸

⁴⁹Государственная дума : стенограф. отчеты. СПб. : Гос. тип., 1906. С. 1734.

⁵⁰Государственная дума Российской империи... С. 723.

⁵¹Там же. С. 280 ; *Zabaŭski M. M.* Грамадска-палітычная барацьба... С. 72.

⁵²Деятельность М. Я. Острогорского в Первой Государственной думе. СПб. : Типо-литогр. Р. С. Вольпина, 1906. 72 с.

⁵³Дневник // Свобод. слово. 1906. 26 июля. С. 3.

⁵⁴Там же.

⁵⁵374-й пешая Минская дружина государственного ополчения // Офицеры русской императорской армии : сайт. URL: https://www.ria1914.info/index.php/374-я_пешая_Минская_дружина_государственного_ополчения (дата обращения: 20.02.2024).

⁵⁶Государственная дума Российской империи... С. 723.

⁵⁷*Brzoza C., Stepan K.* Poświę Polscy... S. 195–196.

⁵⁸*Ibid.* S. 248.

Заключение

Политические партии и национальные группы «...приняли активное участие в выборах Первой Государственной думы на территории Гродненской губернии. Польские землевладельцы, для которых важно было сохранить свои земельные владения и связанное с ними экономическое и политическое влияние, как правило, поддерживали краевцев или сторонников ККПЛиБ (Конституционно-католической партии Литвы и Беларуси. – Д. Л.). Православные помещики ориентировались либо на “Союз 17 октября”, либо на партию кадетов» [1, с. 233–244]. Еврейское население поддерживало Союз для достижения полноправия еврейского народа в России, особенно входивших в него сионистов. Победу на выборах одержал блок горожан и крестьян. Крестьяне в период избирательной кампании ориентировались на Конституционно-демократическую партию. Поскольку важнейшим для них

оставался вопрос о земле, в Первой Государственной думе они примкнули к трудовикам. При обсуждении аграрного вопроса крестьяне выступили за увеличение крестьянского землепользования за счет земель помещиков. Депутат М. Я. Острогорский, авторитетный ученый в сфере политических и юридических наук, внес значимый вклад в разработку Наказа деятельности Государственной думы. Важным вопросом, затронувшим депутатов от Гродненской губернии, стало расследование и обсуждение обстоятельств белостокского погрома в июне 1906 г.

Таким образом, посредством представительства в Первой Государственной думе депутаты от Гродненской губернии впервые получили возможность оказывать влияние на развитие общественно-политической обстановки на территории как Беларуси, так и Российской империи.

Библиографические ссылки

1. Лавринович ДС. Выборы и социально-политическая характеристика депутатов II Государственной думы от Гродненской губернии. В: Смирнова ЮВ, редактор. *Гусевские чтения – 2024. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием; 29–30 марта 2023 г.; Москва, Россия. Часть 1.* Москва: Зерцало-м; 2024. с. 233–244.
2. Мартюхова МА. *На переломе революции: общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с учреждением Государственной думы в России (август 1905 – июль 1906 г.).* Минск: Наука и техника; 1986. 140 с.
3. Забаўскі ММ. *Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.).* Мінск: БДПУ імя М. Танка; 1999. 212 с.
4. Забаўскі ММ. *Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906–1917 гг.).* Мінск: БДПУ імя М. Танка; 2008. 267 с.
5. Циунчук РА. Государственная дума имперской России: проявление этноконфессиональных интересов и формирование новых национальных элит. *Исторические записки.* 2001;4:192–254.
6. Циунчук РА. *Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения.* Казань: Фен; 2004. 416 с.
7. Jurkowski R. *Sukcesy i poronki: ziemianstwo polskie Ziem Zabraných w wyborach do Dumy Państwowej i Rady Państwa, 1906–1913.* Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego; 2009. 550 s.
8. Лавринович ДС. *Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905–1918 гг.).* Могилёв: МГУ имени А. А. Кулешова; 2015. 326 с.
9. Бондаренко КМ. *Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.).* Могилёв: МГУ имени А. А. Кулешова; 2010. 412 с.
10. Андреев ИВ. М. Я. Острогорский: жизнь и труды основоположника современной партологии. Москва: Издательство Московского государственного строительного университета; 2017. 286 с.
11. Иванов АА. Несостоявшаяся дуэль комбрига А. А. Смирнского. *Военно-исторический журнал.* 2018;11:73–80.
12. Санькова СМ. *Русская партия в России: образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917).* Орел: Издательство Светланы Зениной; 2006. 369 с.

References

1. Lavrinovich DS. [Elections and socio-political characteristics of deputies of the 2nd State Duma from Grodno Province]. In: Smirnova YuV, editor. *Gusevskie chteniya – 2024. Tri izmereniya politicheskoi istorii Rossii: ideologiya, politika, praktiki. Sbornik nauchnykh statei po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem; 29–30 marta 2023 g.; Moskva, Rossiya. Chast' 1* [Gusev readings – 2024. Three dimensions of the political history of Russia: ideology, politics, practices. Collection of scientific articles based on the proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation; 2023 March 29–30; Moscow, Russia. Part 1]. Moscow: Zertsalo-m; 2024. p. 233–244. Russian.
2. Martyukhova MA. *Na perelome revolyutsii: obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Belorussii v svyazi s uchrezhdeniem Gosudarstvennoy dumy v Rossii (avgust 1905 – iyul' 1906 g.)* [At the turning point of revolution: social and political movement in Belarus in connection with the establishment of the State Duma in Russia (August 1905 – July 1906)]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1986. 140 p. Russian.
3. Zabawski MM. *Rasijskaja Dzyarzhawnaya дума w gramadska-palitychnym zhycci Belarusi (1906–1917 gg.)* [Russian State Duma in political and social life of Belarus (1906–1917)]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 1999. 212 p. Belarusian.
4. Zabawski MM. *Rasiiskaya Dzyarzhawnaya дума w ljosakh Belarusi (1906–1917 gg.)* [Russian State Duma in the destiny of Belarus (1906–1917)]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 2008. 267 p. Belarusian.

5. Tsiunchuk RA. [State Duma of imperial Russia: manifestation of ethno-confessional interests and formation of new national elites]. *Istoricheskie zapiski*. 2001;4:192–254. Russian.
6. Tsiunchuk RA. *Dumskaya model' parlamentarizma v Rossiiskoi imperii: etnokonfessional'noe i regional'noe izmereniya* [The Duma model of parliamentarism in the Russian Empire: ethno-confessional and regional dimensions]. Kazan: Fen; 2004. 416 p. Russian.
7. Jurkowski R. *Sukcesy i poronki: ziemianstwo polskie Ziemi Zabrzany w wyborach do Dumy Państwowej i Rady Państwa, 1906–1913*. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego; 2009. 550 s.
8. Lavrinovich DS. *Deyatel'nost' obshcherossiiskikh liberal'nykh partii na territorii Belarusi (1905–1918 gg.)* [Activities of all-Russian liberal parties on territory of Belarus (1905–1918)]. Magil'jow: Mogilev State A. Kuleshov University; 2015. 326 p. Russian.
9. Bondarenko KM. *Pravye partii i ikh organizatsii v Belarusi (1905–1917 gg.)* [Right-wing parties and their organisations in Belarus (1905–1917)]. Magil'jow: Mogilev State A. Kuleshov University; 2010. 412 p. Russian.
10. Andreev IV. *M. Ya. Ostrogorskii: zhizn' i trudy osnovopolozhnika sovremennoi partologii* [M. Ya. Ostrogorskii: life and works of the founder of modern partology]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo stroitel'nogo universiteta; 2017. 286 p. Russian.
11. Ivanov AA. Failed duel of brigade commander A. A. Smirnsky. *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 2018;11:73–80. Russian.
12. San'kova SM. *Russkaya partiya v Rossii: obrazovanie i deyatelnost' Vserossiiskogo natsional'nogo soyuza (1908–1917)* [The Russian Party in Russia: formation and activities of the All-Russian National Union (1908–1917)]. Orel: Izdatel'stvo Svetlany Zeninoy; 2006. 369 p. Russian.

Получена 11.06.2024 / исправлена 29.07.2024 / принята 02.08.2024.
Received 11.06.2024 / revised 29.07.2024 / accepted 02.08.2024.

УДК 94(476):2

РАБОТА С ДЕТЬМИ И МОЛОДЕЖЬЮ В БЕЛОРУССКИХ ПОЗДНЕПРОТЕСТАНТСКИХ ОБЩИНАХ (1917–1991)

Т. В. ЛИСОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируются принципы, формы и методы работы с детьми и молодежью в евангельско-баптистских, пятидесятнических общинах, а также в общинах адвентистов седьмого дня на территории Беларуси в 1917–1991 гг. Активную деятельность протестантов среди подрастающего поколения можно объяснить тем, что в 1929 г. в БССР доля верующих в возрасте до 25 лет составляла 22 % от общего количества членов общин, а в Западной Беларуси доля верующих в возрасте до 30 лет – 30 % от общего количества членов общин. Специфика функционирования политико-правовых систем на территории Западной Беларуси в составе Польши в 1921–1939 гг. и на территории БССР до 1939 г. обусловила различия в подходах местных позднепротестантских общин к работе с детьми и молодежью. В БССР в 1920–30-х гг. воскресные школы и иные формы религиозного обучения были запрещены, а возможности общин в создании молодежных организаций были сильно ограничены. В то же время в Западной Беларуси в рамках позднепротестантского движения были приняты меры по институционализации религиозной работы среди молодежи: при общинах активно создавались молодежные кружки и товарищества. Системный подход к религиозному обучению детей и вовлечению молодежи в позднепротестантское движение на территории Западной Беларуси позволил сформировать костяк общин и быстро возродить религиозную работу в послевоенный период. Отмечается, что возобновление легальной деятельности религиозных общин в БССР в 1945–1946 гг. создало почву для формирования в рамках общин молодежных, женских, миссионерских и других кружков и служений. В условиях законодательного и административного ограничения любых форм работы с детьми и молодежью в БССР в 1945–1991 гг. позднепротестантские общины были вынуждены отказаться от системных методов работы в пользу нелегальных молодежных собраний в церкви и встреч на частных квартирах. Таким образом, привлечение молодежи в ряды общин продолжилось, что заложило основу для развития движения в условиях демократизации политико-правовой системы и формирования новых государственно-конфессиональных отношений в Республике Беларусь с 1991 г.

Ключевые слова: молодежное движение; евангельские церкви; поздний протестантизм; баптизм; адвентизм; религиозная политика; БССР; Западная Беларусь.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта ректора БГУ.

ПРАЦА З ДЗЕЦЬМІ І МОЛАДДЗЮ Ў БЕЛАРУСКІХ ПОЗНЕПРАТЭСТАНЦКІХ АБШЧЫНАХ (1917–1991)

Т. В. ЛІСОВСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Аналізуюцца прынцыпы, формы і метады работы з дзецьмі і моладдзю ў евангельска-баптысцкіх, пяцідзясятніцкіх абшчынах, а таксама ў абшчынах адвентыстаў сёмага дня на тэрыторыі Беларусі ў 1917–1991 гг. Актыўную дзейнасць пратэстантаў сярод маладога пакалення можна растлумачыць тым, што ў 1929 г. у БССР доля

Образец цитирования:

Лисовская ТВ. Работа с детьми и молодежью в белорусских позднепротестантских общинах (1917–1991). Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024;4:35–46.
EDN: ALMPTQ

For citation:

Lisouskaya TV. Work with children and youth in Belarusian late protestant communities (1917–1991). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2024;4:35–46. Russian.
EDN: ALMPTQ

Автор:

Татьяна Витальевна Лисовская – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Tatsiana V. Lisouskaya, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history.
lisovski_rb@tut.by
<https://orcid.org/0000-0002-5562-8466>

вернікаў ва ўзросце да 25 гадоў складала 22 % ад агульнай колькасці членаў абшчын, а ў Заходняй Беларусі доля вернікаў ва ўзросце да 30 гадоў – 30 % ад агульнай колькасці членаў абшчын. Спецыфіка функцыянавання палітыка-прававых сістэм на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы ў 1921–1939 гг. і на тэрыторыі БССР да 1939 г. абумовіла ад-розненні ў падыходах мясцовых познепратэстанцкіх абшчын да працы з дзецьмі і моладдзю. У БССР у 1920–30-я гг. нядзельныя школы і іншыя формы рэлігійнага навучання былі забаронены, а магчымасці суполак у стварэнні моладзевых арганізацый былі моцна абмежаваны. У той жа час у Заходняй Беларусі ў рамках познепратэстанцкага руху былі прыняты меры па інстытуцыяналізацыі рэлігійнай працы сярод моладзі: пры абшчынах актыўна ствараліся моладзевыя гурткі і таварыствы. Сістэмны падыход да рэлігійнага навучання дзяцей і ўключэння моладзі ў познепратэстанцкі рух на тэрыторыі Заходняй Беларусі дазволіў сфарміраваць касцяк абшчын і хутка адрадзіць рэлігійную працу ў пасляваенны перыяд. Аднаўленне легальнай дзейнасці рэлігійных абшчын у БССР у 1945–1946 гг. стварыла ўмовы для фарміравання ў рамках абшчын моладзевых, жаночых, місіянерскіх і іншых гурткоў і служэнняў. Ва ўмовах заканадаўчага і адміністрацыйнага абмежавання любых форм работы з дзецьмі і моладдзю ў БССР у 1945–1991 гг. познепратэстанцкія абшчыны былі вымушаны адмовіцца ад сістэмных форм і метадаў працы на карысць нелегальных моладзевых сходаў у царкве і сустрэч на прыватных кватэрах. Такім чынам, прыгнечэнне моладзі ў шэрагі абшчын не спынілася, што заклала аснову для развіцця руху ва ўмовах дэмакратызацыі палітыка-прававой сістэмы і фарміравання новых дзяржаўна-канфесійных адносін у Рэспубліцы Беларусь з 1991 г.

Ключавыя словы: моладзевы рух; евангельскія цэрквы; позні пратэстантызм; баптызм; адвентызм; рэлігійная палітыка; БССР; Заходняя Беларусь.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны пры падтрымцы гранта рэктара БДУ.

WORK WITH CHILDREN AND YOUTH IN BELARUSIAN LATE PROTESTANT COMMUNITIES (1917–1991)

T. V. LISOUSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The principles, forms and methods of work with children and youth used by Evangelical Baptist, Pentecostal, and Seventh-day Adventist communities in Belarus in 1917–1991 are analysed. The active work among the younger generation can be explained by the fact that in 1929 in the BSSR believers under the age of 25 made up 22 % of community members, and in Western Belarus believers under the age of 30 made up 30 % of community members. The specifics of the functioning of political and legal systems on the territory of Western Belarus as part of Poland in 1921–1939 and on the territory of the BSSR until 1939 caused differences in the approaches of local late Protestant communities to work with children and youth. In the BSSR in the 1920–30s, Sunday schools and other forms of religious education were banned, and the possibilities of communities in creating youth organisations were severely limited. At the same time, in Western Belarus, within the framework of the late Protestant movement, work was carried out to institutionalise religious work among young people: youth circles and partnerships were actively created in communities. A systematic approach to the religious education of children and the involvement of young people in the late Protestant movement in Western Belarus made it possible to form the backbone of communities and quickly revive religious work in the post-war period. It is noted that the resumption of legal activities of religious communities in the BSSR in 1945–1946 created conditions for the formation of youth, women's, missionary and other circles and ministries within the communities. In the context of legislative and administrative restrictions on all forms of work with children and youth in the BSSR in 1945–1991, late Protestant communities were forced to abandon systemic forms and methods of work in favor of illegal youth meetings in churches and meetings in private apartments. So, the involvement of young people in the ranks of communities continued, which laid the foundation for the development of the movement in the context of the democratisation of the political and legal system and the formation of new state-confessional relations in the Republic of Belarus since 1991.

Keywords: youth movement; Evangelical churches; late Protestantism; Baptism; Adventism; religious politics; BSSR; Western Belarus.

Acknowledgements. The article was prepared with the support of a grant from the rector of the Belarusian State University.

Введение

Значимая роль религии в формировании духовной культуры общества, воспитании современной молодежи и сохранении традиционных ценностей актуализирует вопрос о религиозной идентификации человека, а также о формах и методах закрепления религиозных норм в общественном сознании.

До конца 1980-х гг. исследование участия молодежи в деятельности религиозных организаций происходило в контексте научного обоснования антирелигиозной политики государства. Членство молодых людей в религиозных общинах воспринималось как реакционное и идеологически чуждое советскому

обществу явление [1; 2]. Российские и белорусские историки советского периода в своих работах указывают на значительную долю молодежи в сектантских общинах, что трактуется как факт негативного влияния религиозных акторов на сознание населения [3–5]. В современных общественно-политических условиях изучение истории позднепротестантского движения в Беларуси ведется системно и беспристрастно [6–8]. Исследователи уделяют внимание вопросам христианского молодежного движения, функционирования Христианского союза молодых людей в РСФСР и СССР [9], а также деятельности протестантских организаций в Западной Беларуси и БССР. Так, В. В. Данилович, изучая молодежное движение в БССР, указывает на сохранение религиозной обрядности в молодежной (в том числе комсомольской) среде, что обусловило особый подход государства к формам и методам религиозной деятельности молодежи [10]. Однако период организационного оформления молодежного позднепротестантского движения (1920-е гг.) и неинституционализированные формы

работы с молодежью в БССР (1930–80-е гг.) не изучены. Таким образом, в исследовании деятельности религиозных организаций на территории Беларуси существуют лакуны, связанные с отсутствием работ, посвященных анализу концепций, форм и методов работы с детьми и молодежью в позднепротестантских общинах.

Целью данной статьи является характеристика основных форм и методов работы с детьми и молодежью в позднепротестантских общинах на территории Беларуси в 1917–1991 гг. Речь идет о таких общинах, как евангельские христиане, евангельские христиане и баптисты, адвентисты седьмого дня и христиане веры евангельской (пятидесятники). Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: выявлены возрастные характеристики членов позднепротестантских общин на территории Беларуси; определены принципы, формы и методы организации работы с детьми и молодежью в христианских организациях в условиях польского и советского религиозного законодательства.

Методология исследования

Исследование построено на основных принципах научного познания исторических процессов – принципах объективности и историзма. В ходе работы использованы общенаучные методы (методы анализа, синтеза, типологизации и классификации), а также методы исторического познания (историко-генетический, историко-типологический и историко-сравнительный методы). Применение историко-генетического метода позволило рассмотреть процесс становления системы работы с детьми и молодежью в позднепротестантских общинах, определить основные политические факторы ее трансформации в 1917–1991 гг. и установить причинно-следственную связь эволюции форм и методов деятельности общин с правовыми условиями их функционирования. Историко-типологический

метод позволил классифицировать методы и формы работы религиозных организаций с детьми и молодежью. Историко-сравнительный метод дал возможность выявить особенности правового регулирования деятельности протестантских общин в БССР и II Речи Посполитой. Применение количественных методов исследования было обусловлено необходимостью анализа возрастных характеристик членов общин.

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы БССР, СССР и II Речи Посполитой, регулировавшие деятельность религиозных организаций, а также материалы административных процессов, документы делопроизводства и отчеты уполномоченных по делам религиозных культов, хранящиеся в архивах Беларуси, России и Польши.

Становление системы работы с детьми и молодежью в позднепротестантских общинах в БССР и Западной Беларуси в 1917–1941 гг.

С начала 1920-х гг. на территории БССР и II Речи Посполитой деятельность позднепротестантских движений постепенно обретала легальный статус. В этот период советское религиозное законодательство, несмотря на свой секулярный характер, предоставило определенные преференции позднепротестантским движениям прежде всего в возможности регистрации религиозных общин, легализации их деятельности и освобождения членов общин от военной службы. В Западной Беларуси продолжал действовать Указ Николая II «О порядке образования и действия

старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов»¹, принятый в 1906 г. Таким образом, были созданы условия для легализации евангельских общин, активизации их деятельности, увеличения числа приверженцев, а также для формирования вертикальной и горизонтальной структуры позднепротестантских организаций. Основной целью евангельских христиан, евангельских христиан и баптистов, адвентистов седьмого дня и христиан веры

¹История религии и свободы совести в Беларуси в документах и материалах : пособие : в 4 ч. Ч. 3. Со второй половины XVIII в. до октября 1917 г. / авт.-сост.: В. В. Старостенко, Э. В. Старостенко. Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова, 2015. С. 152–153.

евангельской в 1920–30-х гг. было создание системы, способной обеспечить активное миссионерство и духовный рост членов общин и их детей. Для реализации этой цели была сформирована система служений (музыкальных, душепастирских, миссионерских, мессианских и др.) и кружков (женских, молодежных и др.). Такой подход являлся характерным для всех позднепротестантских общин на территории Беларуси в первой половине XX в.

Демографическую основу позднепротестантских движений на белорусских землях в 1920–30-х гг. составляли верующие в возрасте до 45 лет. В БССР, по данным Д. Хайтуна, до 1929 г. 22 % членов общин представляли верующие в возрасте 16–25 лет, 33 % членов общин – верующие в возрасте 25–45 лет, 45 % членов общин – верующие в возрасте 45 лет [2, с. 36]. Так, в 1925 г. в Полоцком округе среди членов евангельских общин насчитывалось 61,2 % верующих в возрасте до 45 лет. В 1921–1929 гг. в БССР значительную долю (25 %) членов общин составляли верующие в возрасте до 25 лет².

В Западной Беларуси в 1921–1939 гг. наблюдалась схожая ситуация. В ходе исследования были изучены 150 общин евангельских христиан и баптистов и христиан веры евангельской, которые функционировали в 1930–1935 гг. в Новогрудском и Полесском воеводствах. Общая численность членов этих общин составляла 3877 человек, при этом 59 % из них были в возрасте 40 лет, 30 % – в возрасте 18–30 лет, 29 % – в возрасте 30–40 лет, 23 % – в возрасте 40–50 лет, 18 % – в возрасте 50–70 лет [7, с. 51].

Позднепротестантские общины, действовавшие в БССР и Западной Беларуси, постепенно выстраивали систему работы с подрастающим поколением: для религиозного воспитания детей организовывались воскресные школы, для молодежи предполагалось создание специальных кружков. К примеру, в д. Бородичи Кобринского повета воскресную школу общины евангельских христиан и баптистов в 1931 г. посещали 40 детей (учителями были назначены члены общины Л. Панасюк и И. Дубовый³). В воскресной школе общины евангельских христиан и баптистов в д. Лысково Волковысского повета в 1939 г. были созданы четыре класса для 65 детей разного возраста. В воскресной школе общины евангельских христиан и баптистов в г. Слониме в конце 1930-х гг. функционировали шесть классов, где обучались 90 детей [11, с. 283, 289]. В 1930 г. в воскресных школах Союза славянских баптистов на территории Западной Беларуси обучение проходили 413 детей⁴.

Система государственно-конфессиональных отношений в БССР предполагала вытеснение религии из общественного сознания в пользу атеистического

мировоззрения. Инструкция Наркомата внутренних дел БССР и Наркомата юстиции БССР от 12 июня 1928 г. категорически запрещала организацию системного религиозного обучения детей: «Граждане могут учиться религии сами и учить других частным порядком, и на этой основе родители могут учить своих детей религиозным учениям сами или через приглашенных для этого особо, причем, однако, это обучение не может иметь группового характера, это значит, что численность учеников не должна превышать трех. <...> Служители всех религиозных культов по приглашению родителей могут преподавать вероучение их детям, но при этом следует наблюдать, чтобы это обучение не велось в молитвенных домах и не имело группового характера» [12, с. 94–97]. Как результат, легальная деятельность воскресных школ в БССР в 1920–30-х гг. была запрещена, обучение детей проходило преимущественно в домашних условиях или на богослужениях, где присутствовали дети.

Значительная доля молодежи в составе позднепротестантских общин как в БССР, так и в Западной Беларуси в 1920–30-х гг. обуславливала необходимость работы с этой категорией населения. Обсуждение по данному вопросу состоялось в 1922 г. на учредительном съезде Минского окружного отдела Всероссийского союза евангельских христиан⁵. Основным элементом работы с молодежью должны были стать специальные кружки при общинах. Также предполагалось активное участие молодых людей в музыкальном и миссионерском служениях. Под руководством И. Проханова началась активная работа по объединению всей советской молодежи, состоящей в общинах евангельских христиан, в рамках одной организации. В г. Твери в мае 1921 г. прошел IV Всероссийский съезд протестантской молодежи, на котором присутствовали делегаты из европейских регионов России – Крыма и Поволжья, а также из Сибири и с Кавказа [13, с. 204]. Съезд разогнали, а несколько делегатов, включая И. Проханова, арестовали [14, с. 189]. В 1920 г. был создан Всероссийский союз кружков христианской молодежи при общинах евангельских христиан и баптистов⁶. В г. Благовещенске в 1922 г. началось издание журнала «Голос христианской молодежи», который с 1923 г. распространялся и в БССР [10, с. 197; 15, с. 125].

Деятельность Христианского союза молодых людей (Young Men's Christian Association) и значительная доля молодежи в христианских общинах вызывали беспокойство советского руководства. Молодежные религиозные объединения власти воспринимали как конкурента комсомолу [10, с. 199]. В 1922 г. Бюро ЦК РКСМ заявило о необходимости ограничить деятельность религиозных организаций. Так, предлага-

²Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2325. Л. 23 ; Там же. Д. 1699. Л. 24.

³Гос. арх. Брест. обл. (ГАБО). Ф. 67. Оп. 1. Д. 1247. Л. 174.

⁴Там же. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2314. Л. 7.

⁵НАРБ. Ф. 60р. Оп. 3. Д. 560. Л. 8.

⁶Слово истины. 1920. № 3. С. 24.

лось ввести обязательную регистрацию христианских кружков в органах ОГПУ при СНК СССР, не допустить укрупнения объединений верующих, запретить вступать в религиозные общины до 18 лет⁷. В 1924 г. антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) поручила ОГПУ при СНК СССР принять меры по роспуску сектантских юношеских кружков и недопущению их учреждения⁸. Ограничительные меры, предпринятые в БССР в середине 1920-х гг., привели к приостановке деятельности молодежных организаций и кружков⁹. В 1925 г. Мозырский окружной комитет КП(б)Б докладывал ЦК КП(б)Б о том, что в округе практически нет специальных кружков молодежи (единственный молитвенный кружок действовал в Копаткевичском районе, но он находился на грани распада). При этом было отмечено, что в отдаленных местностях округа (например, в Озаричском районе) молодежь довольно активно посещает молитвенные собрания¹⁰.

В Западной Беларуси массовое создание молодежных кружков как базового элемента системы религиозной работы с молодежью пришлось на начало 1920-х гг. Подобные кружки были учреждены при баптистских общинах в ряде населенных пунктов – Белостоке, Волковыске, Лиде, Новоельне, Наревке, Гайновке, Слониме, Острине, Лысково, Таргошицах и т. д. В 1930 г. в 24 белорусских общинах Союза славянских общин баптистов функционировали 18 молодежных товариществ и 24 воскресные школы¹¹. В 1935 г. на съезде Союза адвентистов седьмого дня в Польше было принято решение об организации молодежных кружков при общинах и незарегистрированных религиозных группах¹².

Во второй половине 1920-х гг. в рамках организационного оформления евангельско-баптистского, пятидесятнического, адвентистского движений, а также движения методистов на территории Польши началась работа по созданию централизованной системы работы с молодежью. В структуре общепольских религиозных организаций стали появляться молодежные товарищества или отделы. Так, в структуре Миссии методистов Польши и Гданьска при Южном епископальном костеле методистов было создано молодежное товарищество «Лига Эпворта» («Liga Epworth»), филиалы которого действовали при белорусских общинах методистов¹³. Молодежное товарищество под руководством А. Кирцуна было образовано в структуре Союза славянских общин баптистов¹⁴. При Союзе славянских общин евангельских христиан и баптистов начал функционировать

отдел молодежи под руководством П. Трона. На съезде общин Объединения церквей Христовых евангельского вероисповедания в Польше, состоявшемся в 1929 г. в г. Кобрине, был образован специальный комитет по работе с молодежью под руководством пресвитеров белорусских общин Д. Ясько и И. Байко [11, с. 23, 215–226]. На съезде молодых членов Союза христиан веры евангельской, прошедшем 4–5 декабря 1938 г. в д. Орехово, местные кружки молодежи были объединены в Пружанско-Брестский союз молодежи христиан веры евангельской [16, с. 51]. Под патронатом центральных религиозных организаций молодежи для членов общин организовывались летние лагеря, периодически проводились собрания под открытым небом¹⁵.

Деятельность молодежных организаций координировали специализированные органы общепольских протестантских организаций (товарищества, комитеты, отделы). Кроме того, регулярно проводились съезды и конференции, на которых определялись задачи молодежных товариществ и методы их деятельности, обсуждались итоги проведенной работы. Так, в г. Бресте 15 мая 1927 г. прошел региональный съезд молодежи, состоящей в Союзе славянских общин баптистов. В ноябре 1930 г. в д. Рогозно Полесского воеводства прошла конференция баптистской молодежи. По воспоминаниям И. Хомука, на съезде пятидесятнической молодежи Новогрудского повета, состоявшемся 4–5 декабря 1938 г. в д. Орехово [7, с. 82], была определена основная цель создания Союза молодежи христиан веры евангельской: «...вести среди молодежи объединенными силами духовно-воспитательную работу и сообща трудиться на ниве Божьей в приобретении душ для Христа» [16, с. 304].

В межвоенный период молодежные религиозные товарищества Западной Беларуси были интегрированы в систему международного молодежного движения. В г. Стокгольме в 1923 г. состоялся III Всемирный конгресс баптистов. В нем приняли участие представители баптистов СССР и Западной Беларуси (Л. Декуть-Малей, П. Крашенин и др.). На мероприятии был создан Всемирный союз баптистской молодежи¹⁶. Белорусские представители Объединения церквей Христовых евангельского вероисповедания в Польше участвовали в международных конгрессах церквей Христовых дважды – в 1930 г. в г. Вашингтоне (США) [17, с. 14] и в 1935 г. в г. Лестере (Великобритания). В рамках II Международного конгресса церквей Христовых в г. Лестере состоялся съезд христианской

⁷Рос. гос. арх. соц.-полит. истории (РГАСПИ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 89–90.

⁸Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 16–17.

⁹Рос. арх. обществ. организаций Гомел. обл. (ГАООГО). Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 95. Л. 142–143 об.

¹⁰НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2429. Л. 37–44.

¹¹ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2683. Л. 7.

¹²Там же. Оп. 2. Д. 2308. Л. 389.

¹³Там же. Д. 2316. Л. 535.

¹⁴Arch. akt nowych w Warszawie (AAN). Ministerstwo wyznań religijnych i oświecenia publicznego. Sygn. 1442. K. 561.

¹⁵Ibid. Sygn. 1455. K. 383.

¹⁶Ibid. Sygn. 1443. K. 264–265.

молодежи, в котором принял участие Б. Винник, пресвитер общины из г. Кобрин, являвшийся председателем комитета по работе среди молодежи в структуре указанного объединения. Практически во всех заседаниях конгресса участвовал белорусский молодежный хор. В 1937 г. А. Кирцун, как председатель товарищества молодежи Союза славянских общин баптистов, участвовал в баптистском съезде молодежи в Швейцарии [7, с. 82].

Одним из основных методов работы с молодежью была организация религиозного обучения силами как поместных общин, так и общепольских протестантских организаций. На местном уровне обучение проходило в форме чтения проповедей и учений, организации краткосрочных библейских курсов или создания воскресных школ. Так, в г. Бресте Союз славянских общин баптистов ежегодно проводил региональные библейские и регентские курсы. Так, 15 января – 1 марта 1927 г. под руководством Л. Декуть-Малея были организованы шестинедельные курсы для членов Союза славянских общин баптистов (две недели длилось обучение для проповедников, четыре недели – для регентов хоров) [8, с. 79]. В г. Пинске в 1929 г. и в г. Кобрине в 1930 г. были проведены региональные библейские и регентские курсы для Союза славянских общин баптистов. Организацией данных курсов занимался Л. Шендеровский¹⁷.

Вхождение западнобелорусских позднепротестантских общин в общепольские религиозные организации и их дальнейшая интеграция в систему европейского протестантизма в 1921–1939 гг. расширили возможности белорусов в вопросе получения религиозного обучения. Молодые члены общин, проживавшие на территории Западной Беларуси, проходили обучение в польских и зарубежных религиозных институтах, например в Библейской теологической семинарии в г. Лодзи (среди выпускников были пресвитеры белорусских общин К. Елинек, М. Попко, А. Кирцун, Я. Панцевич, Э. Голонко и др.) [11, с. 283–284], Библейском институте в г. Гданьске¹⁸ (Э. Бекун, П. Володько, Г. Гайко, Ф. Гук), а также в библейских школах в ряде городов – Варшаве (И. Шатура), Бельск-Тешинском (А. Веслов, М. Кондаратюк, С. Польски), Берлине, Праге (К. Рыбачук), Риге (М. Вошук, Г. Степанюк) и др. [7, с. 109–110]. Библейскую школу М. Гитлина в м. Радость недалеко от г. Варшавы окончили Моргун и В. Косик [7, с. 156]. В Библейскую школу В. Фетлера в г. Риге в 1928 г. на трехгодичное обучение были направлены 30 молодых служителей «восточных окраин»¹⁹.

Попытки создания централизованной системы религиозного обучения верующих советских республик

были предприняты союзными организациями, куда входили белорусские общины: Федеративным союзом баптистов СССР (до 1926 г. – Всероссийский союз баптистов), Всесоюзным союзом евангельских христиан и Всесоюзным союзом адвентистов седьмого дня. В 1922 г. Всероссийский союз баптистов и Латышский союз баптистов инициировали проведение совместных одногодичных библейских курсов на базе Библейской семинарии в г. Новгороде. Всесоюзный союз евангельских христиан рассматривал также вариант проведения библейских курсов в г. Петрограде при Доме Евангелия. Девятимесячные библейские курсы для членов Всероссийского союза баптистов и Всесоюзного союза евангельских христиан были проведены в 1923 г. в г. Петрограде. От каждого союза на курсы было направлено по 25 человек из разных регионов СССР [18, с. 109]. Обучение проходил и член белорусской общины евангельских христиан и баптистов А. М. Крачковский. В 1927 г. Федеративный союз баптистов СССР открыл трехгодичную библейскую школу в г. Москве. Она работала с декабря 1927 по апрель 1929 г. (пока учреждение не было закрыто властями). Первыми слушателями библейской школы стали 50 членов христианских общин со всего СССР, включая одного члена из БССР [18, с. 112].

Возможности организации региональных библейских курсов в БССР были ограничены. Во-первых, религиозное образование, наличие которого позволяло проводить обучение прихожан, было лишь у незначительного количества членов общин. В БССР в 1920-х гг. религиозное образование имели отдельные протестанты-резмигранты, обучавшиеся в США. Так, религиозное образование получили К. Юржиц, П. Аксютин (г. Минск) [19, с. 407], Поляков (д. Подоресье Слуцкого района)²⁰, А. Слабко (д. Лешница Березинского сельсовета)²¹. Во-вторых, советское законодательство ограничивало проведение нерелигиозных мероприятий в молитвенных домах, а также запрещало приглашать туда проповедников из других общин. Инструкция Наркомата внутренних дел БССР и Наркомата юстиции БССР от 12 июня 1928 г. налагала запрет на использование молитвенных собраний и богослужений для обсуждения нерелигиозных вопросов²². В связи с этим местные власти не разрешали проводить библейские курсы, молодежь не могла получить религиозное образование. Как результат, в 1945–1955 гг. в восточных областях БССР у большинства пресвитеров евангельско-баптистских общин в возрасте старше 40 лет, имевших стаж религиозной деятельности более 20 лет, не было специального образования²³.

¹⁷ГАБО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1822. Л. 75.

¹⁸Обучение в институте прошел 271 полесский служитель.

¹⁹AAN. Ministerstwo wyznań religijnych i oświecenia publicznego. Sygn. 1444. K. 440.

²⁰НАРБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 43. Л. 71.

²¹Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.

²²Там же. Ф. 952. Оп. 3. Д. 11. Л. 89.

²³Там же. Оп. 2. Д. 48. Л. 133, 146 ; Там же. Д. 50. Л. 5, 6, 8–11 ; Там же. Д. 51. Л. 20, 30, 63–65, 68, 210.

Методы и формы работы с детьми и молодежью в позднепротестантских общинах в БССР в 1945–1991 гг.

Трагические события Великой Отечественной войны и последующие изменения правового положения позднепротестантских организаций привели к быстрому росту числа общин и их членов в первые послевоенные годы. В 1940–50-х гг. в БССР сохранялась тенденция к вхождению в общины евангельских христиан и баптистов, а также адвентистов седьмого дня лиц молодого возраста. В декабре 1945 г. председатель Совета по делам религиозных культов СССР (СДРК СССР) отмечал, что численность большинства евангельско-баптистских общин в БССР и УССР увеличивается в том числе за счет студентов вузов и техникумов²⁴. В Брестской области в 1946 г. среди членов общин евангельских христиан и баптистов было 15 % лиц в возрасте до 25 лет²⁵, среди членов общин адвентистов седьмого дня насчитывалось от 17 до 46 % лиц в возрасте до 30 лет²⁶. В Брестской области среди принявших крещение в 1949 г. было 58,3 % лиц в возрасте до 24 лет²⁷. В 1956 г. их доля составляла 62,8 %, а в 1958 г. – 32,0 % (при этом 69,4 % верующих, находившихся в статусе приближенных, были в возрасте до 30 лет)²⁸. Уполномоченный по делам религиозных культов Брестской области указывал на преимущественно молодежный состав местных общин: в 1957 г. 74 % членов общин, а в 1958–1959 гг. 66 % членов общин составляли верующие в возрасте до 30 лет²⁹. В 1960 г. возраст 53 % членов общин евангельских христиан и баптистов, а также адвентистов седьмого дня не превышал 26 лет³⁰. В 1958 г. в общине евангельских христиан и баптистов, действовавшей в д. Красовщине Молодечненской области, 24 из 26 принявших крещение были в возрасте до 25 лет³¹. В 1951 г. доля молодых людей на собраниях общины евангельских христиан и баптистов в д. Бородичи Гродненской области составляла почти 50 % всех присутствовавших³². В 1954 г. в общинах Гродненской области насчитывалось 14,3 % лиц в возрасте до 35 лет³³. Несомненно, западные области БССР, имевшие высокую степень религиозности в довоенный период, демонстрировали ее и после войны. В восточных областях БССР также зафиксировано участие молодежи в деятельности евангельско-баптистских общин, хотя и в меньшей степени, чем в западных

регионах. Так, в Витебской области в 1955 г. крещение в общинах евангельских христиан и баптистов принимали 79 человек, а в 1956 г. – 148 человек в возрасте до 25 лет³⁴. В 1948 г. в Могилевской области из 104 вступивших в общины евангельских христиан и баптистов 30 человек (28,8 %) были в возрасте до 30 лет [6, с. 37].

Период 1945–1960 гг. в БССР характеризовался тенденцией к сохранению значительной доли молодежи в составе общин. Так, в 1954 г. среди принятых в общины насчитывалось 21,5 % верующих в возрасте до 25 лет, 54,4 % верующих в возрасте от 18 до 45 лет³⁵ (среди приближенных 56,5 % верующих были в возрасте до 25 лет³⁶). В 1957 г. уполномоченный по делам религиозных культов БССР отмечал большое количество молодежи среди приближенных и двукратное увеличение принявших крещение в возрасте до 25 лет³⁷.

Возобновление легальной религиозной деятельности в БССР в 1945–1946 гг. побудило общины к возрождению внутренней структуры в виде молодежных, женских, миссионерских и других кружков и служений. В 1947 г. заместитель председателя СДРК СССР Ю. В. Садовский в числе средств распространения баптизма, которые необходимо свести к минимуму, назвал активный прозелитизм протестантских общин, склонность к полуполюгальному существованию и стремление вовлечь в общины преимущественно молодежь. Таким образом, несмотря на определенную религиозную оттепель в СССР с 1944 г., отношение Советского государства к христианским организациям не изменилось: религиозное мировоззрение рассматривалось как чуждое коммунистической идеологии, религиозные права граждан были ограничены сферой частных убеждений без возможности их репрезентации и распространения, публичная деятельность находилась под запретом. В связи с этим любая деятельность, направленная на воздействие на детей, юношество и молодежь, была запрещена. Так, под запретом были специальные детские, юношеские и женские молитвенные собрания, а также собрания по обучению религии, кружки самодеятельности, женские и молодежные кружки, экскурсии, вечера и т. д.³⁸

²⁴Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 3. Д. 10. Л. 130–141.

²⁵ГАБО. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

²⁶Там же. Д. 21. Л. 17.

²⁷Там же. Д. 4. Л. 43–44.

²⁸Там же. Д. 19. Л. 37 ; Там же. Д. 11. Л. 120.

²⁹Там же. Д. 15. Л. 15.

³⁰Там же. Л. 110–111.

³¹НАРБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 5. Л. 51.

³²Там же. Оп. 2. Д. 30. Л. 125.

³³Там же. Д. 44. Л. 181–182.

³⁴Там же. Оп. 4. Д. 6. Л. 72.

³⁵Там же. Оп. 2. Д. 45. Л. 232.

³⁶Там же. Л. 233.

³⁷Там же. Оп. 4. Д. 10. Л. 46.

³⁸ГАБО. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 14. Л. 23–26.

Несмотря на нормативно-правовой запрет, касающийся создания воскресных школ и организации специальных религиозных курсов, общины пытались наладить обучение верующих. В 1946 г. СДРК СССР указывал на активное создание воскресных школ, специальных юношеских и отроческих кружков и организацию женских и молодежных молитвенных собраний в общинах³⁹. Так, в 1946 г. старший пресвитер по Брестской области А. Алексеев пытался получить официальное разрешение на открытие воскресной школы при молитвенном доме, но ему отказали⁴⁰. Более того, некоторые областные уполномоченные по делам религиозных культов выносили предупреждения пресвитерам, содержащие запрет на посещение молитвенных служений детьми. Однако в 1946 г. представители СДРК СССР отмечали, что административные меры по отвлечению детей и молодежи от религии содействуют переходу общин к нелегальным методам работы. Было предложено перейти от внешнего принуждения к внутреннему: «...сделать так, чтобы все это исходило от старшего пресвитера области»⁴¹.

В сентябре 1945 г. Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов предупредил общины о недопустимости проводить крещение молодежи в возрасте до 18 лет [20, с. 151]. Положение о Всесоюзном совете евангельских христиан-баптистов, принятое в ноябре 1948 г., закрепило данную норму, при этом для лиц на испытательном сроке перед крещением (не менее одного года) был введен статус приближенных⁴². В 1958 г. старший пресвитер евангельских христиан и баптистов по Брестской области И. Шатура не разрешал крестить лиц моложе 22 лет. В начале мая 1959 г. он дал письменное указание не проводить крещение лиц, не достигших 23 лет⁴³. В 1960 г. Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов разослал письма общинам с требованием не привлекать детей на молитвенные собрания, воздержаться от приема в общины молодежи в возрасте 20–30 лет, продлить стаж для приближенных до двух-трех лет и т. д.⁴⁴

Позиция Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов и государства вынудила общины, с одной стороны, прекратить религиозно-просвети-

тельскую работу среди детей и молодежи, а с другой стороны, перейти к нелегальным формам работы. Многие пресвитеры сознательно шли на нарушение правил крещения. В 1946–1947 гг. в общине евангельских христиан и баптистов, действовавшей в д. Руховичи Дивинского района, обряд крещения был проведен для девяти несовершеннолетних девушек⁴⁵. В 1956 г. пресвитер адвентистов седьмого дня по Брестской области И. Катанов крестил несовершеннолетних⁴⁶. В 1948 г. по области зафиксированы 32 факта крещения лиц в возрасте 14–17 лет⁴⁷. В Молодечненской области в общинах евангельских христиан и баптистов неоднократно проводились крещения верующих, не имеющих предварительного стажа в статусе приближенных⁴⁸. Чтобы обойти требование Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов и старшего пресвитера И. Шатуры не крестить лиц моложе 23 лет, пресвитеры общин Брестской области проводили испытания для готовящихся принять крещение, крестили их, а затем решением общего собрания принимали в общину⁴⁹.

В условиях отсутствия системных форм работы общины применяли новые способы консолидации молодежи: проводили молодежные собрания под видом нерелигиозных встреч, хоровые и музыкальные служения. Так, в 1956–1957 гг. в г. Бресте в общине евангельских христиан и баптистов после богослужений организовывались молодежные собрания, где обычно присутствовали до 60 молодых людей. Они пели, беседовали, играли на музыкальных инструментах⁵⁰. При общине были организованы духовой и струнный оркестры, состоявшие преимущественно из молодежи и детей верующих⁵¹. Несмотря на запрет, хоры и оркестры (например, хоры общин евангельских христиан и баптистов городов Минска⁵² и Бреста⁵³) выступали в других общинах, участвовали в их праздниках. Молодежь минской общины евангельских христиан и баптистов неоднократно устраивала вечера на частных квартирах (летом они проводились под открытым небом)⁵⁴. В г. Бресте 25 июля и 8 августа 1965 г. на базе общины евангельских христиан и баптистов прошли съезды с участием молодежи из разных городов БССР⁵⁵. Практиковались молодежные свадьбы. Например,

³⁹ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 23. Л. 25 ; Гос. арх. Могилёв. обл. Ф. 3196. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

⁴⁰ГАБО. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–17.

⁴¹НАРБ. Ф. 952. Оп. 2. Д. 30. Л. 143.

⁴²ГАБО. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 5. Л. 50 ; НАРБ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 12. Л. 115–122.

⁴³ГАБО. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 13. Л. 37 ; Там же. Д. 14. Л. 59.

⁴⁴НАРБ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 29. Л. 39.

⁴⁵ГАБО. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 8. Л. 4–5.

⁴⁶Там же. Д. 11. Л. 75.

⁴⁷Там же. Д. 15. Л. 53.

⁴⁸НАРБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 5. Л. 51–53.

⁴⁹ГАБО. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 14. Л. 59.

⁵⁰Там же. Д. 13. Л. 33.

⁵¹НАРБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 47. Л. 67.

⁵²Там же. Д. 46. Л. 34.

⁵³Там же. Оп. 3. Д. 16. Л. 168.

⁵⁴Там же. Оп. 4. Д. 46. Л. 34.

⁵⁵ГАБО. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 20. Л. 28.

в г. Бресте в 1965 г. в молитвенном доме состоялась свадьба В. Пекуна, на которой выступал хор из нескольких десятков девочек и мальчиков с религиозными гимнами и театральными постановками⁵⁶. Как отмечал в 1958 г. уполномоченный по делам религиозных культов, в республике активно проводилась религиозно-просветительская работа среди молодежи. Так, на частных квартирах организовывались молодежные вечера, где гости играли на музыкальных инструментах, пели псалмы, декламировали религиозные стихи и инсценировали библейские сюжеты. Особенно часто такие вечера проводились в крупных общинах (Брестской, Гомельской, Минской, Слонимской и др.)⁵⁷.

Особую активность в восстановлении системы работы с детьми и молодежью проявили пятидесятники и баптисты, поддержавшие Оргкомитет по созыву Всесоюзного съезда евангельских христиан и баптистов, который находился в оппозиции к Всесоюзному совету евангельских христиан-баптистов. Работу с детьми и молодежью оргкомитет считал одной из главных задач общин и категорически отвергал любые ограничения, касающиеся крещения молодежи⁵⁸. На совещании сторонников оргкомитета, состоявшемся 19 июля 1965 г. в д. Подоресье Слуцкого района, был поднят вопрос об обязательной организации детских воскресных школ и участия детей в богослужениях⁵⁹. Требование разрешить работать с детьми оргкомитет изложил в 1965 г. в письме, направленном председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну. В сентябре 1965 г. на встрече с представителями оргкомитета А. И. Микоян был категоричен и подчеркнул, что требования «раскольников», касающиеся религиозного обучения детей, недопустимы и противоречат советскому законодательству⁶⁰. Несмотря на жесткую позицию властей, с середины 1960-х гг. в общинах сторонников оргкомитета создавались детские воскресные школы, проводились молодежные религиозные семинары⁶¹, дети выступали с декламацией стихов и инсценировками библейских сюжетов⁶². В отдельных общинах открывались библейские курсы, воскресные и евангельские школы, разрабатывались специальные программы и методические пособия для обучения детей в возрасте 6–7 лет [5, с. 63].

Активная нелегальная работа с детьми и молодежью влекла уголовное и административное нака-

зание (предупреждение, штраф, лишение пресвитеров и общин регистрации). В 1980 г. за привлечение детей в молитвенные дома восемь пресвитеров общин евангельских христиан и баптистов, два пресвитера общин христиан веры евангельской, четыре пресвитера – сторонника оргкомитета по созыву Всесоюзного съезда евангельских христиан и баптистов, а также четыре пресвитера общин адвентистов седьмого дня были наказаны штрафами в размере от 30 до 50 руб.⁶³ За обучение детей религии на один год принудительных работ были осуждены пресвитер и члены общины евангельских христиан и баптистов, действовавшей в д. Сошно Логишинского района (И. И. Колесник, Н. Т. Тарасюк и Шалковская)⁶⁴. В 1971 г. за организацию кружка по обучению детей религии к уголовной ответственности были привлечены члены общины евангельских христиан и баптистов, функционировавшей в г. п. Малорита [6, с. 90].

Меры, предпринятые советскими властями, принесли результат: с начала 1960-х гг. численность молодежи в евангельско-баптистских общинах начала снижаться. По официальным данным, в 1961 г. доля верующих в возрасте до 30 лет в Брестской области⁶⁵ составляла 7,0 % от общего количества членов общин, в Гродненской области⁶⁶ – 5,0 %, в Гомельской области – 4,8 %, в Витебской области⁶⁷ – 3,7 % от общего количества членов общин. В 1965 г. в Брестской области только 5,5 % членов общин составляли лица в возрасте до 30 лет⁶⁸. В 1961 г. в БССР их доля достигала 8,0 %. В 1963 г. в структуре общин насчитывалось 5,0 % лиц в возрасте до 30 лет, 16,1 % лиц в возрасте 30–40 лет и 64,1 % лиц в возрасте старше 50 лет⁶⁹.

Сокращение числа молодежи в общинах было обусловлено несколькими факторами: во-первых, делегализацией деятельности по религиозному обучению детей и работы среди молодежи, во-вторых, активной антирелигиозной пропагандой и формированием в обществе образа социальной девиантности протестантов. Следует принимать во внимание и тот факт, что общины часто подавали неточные сведения о числе прихожан. Как показывают статистические данные, приток молодежи в общины в начале 1960-х гг. сократился по сравнению с первыми послевоенными годами, но все еще был активным. По официальным сведениям, в Брестской области в 1961 г. только 7 % членов общин составляли лица

⁵⁶ГАБО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 33. Л. 39.

⁵⁷НАРБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 46. Л. 33.

⁵⁸Там же. Оп. 3. Д. 15. Л. 3.

⁵⁹Там же. Оп. 4. Д. 46. Л. 37.

⁶⁰Там же.

⁶¹Там же. Д. 44. Л. 72.

⁶²Там же. Д. 46. Л. 33–44.

⁶³ГАБО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–2.

⁶⁴Там же. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 15. Л. 40, 60.

⁶⁵НАРБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 32. Л. 39.

⁶⁶Там же. Оп. 3. Д. 29. Л. 116.

⁶⁷Там же. Оп. 4. Д. 32. Л. 65, 123.

⁶⁸ГАБО. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

⁶⁹НАРБ. Ф. 951. Оп. 3. Д. 37. Л. 76–77.

в возрасте до 30 лет⁷⁰. При этом половину из 230 приближенных составляли лица в возрасте до 30 лет⁷¹. В 1965 г. 89 из 152 приближенных находились в возрасте до 30 лет⁷². В 1970 г. в Брестской области доля лиц в возрасте до 30 лет в общинах евангельских христиан и баптистов составляла 45,9 % среди приближенных и 50,0 % среди принявших крещение. В 1971 г. доля лиц в возрасте до 30 лет составляла 41,2 % среди приближенных и 42,3 % среди принявших крещение⁷³. В 1973 г. в структуре общин евангельских христиан и баптистов лица в возрасте до 30 лет со-

ставляли 11,6 % (39,6 % среди принятых в общину), в 1974 г. данный показатель снизился до 8,3 % (30,6 % среди тех, кто стал членом общины). В 1983 г. в БССР крещение приняли 1052 человека, из которых 43 % составила молодежь⁷⁴. Как отмечает Н. Г. Болтрушевич, с 1876 по 1985 г. увеличился удельный вес молодежи в протестантских организациях БССР: в общинах адвентистов седьмого дня доля таких лиц выросла на 10,6 %, в общинах евангельских христиан и баптистов – на 7,1 %, в общинах пятидесятников – на 12,6 % [6, с. 92].

Заключение

Факторами привлечения молодежи в общины евангельских христиан и баптистов, адвентистов седьмого дня и пятидесятников в начале 1920-х гг. выступают стремление найти новые духовные ориентиры в условиях политических и военных потрясений и ослабления влияния православной и католической церквей, простота религиозного учения и культа, привилегии в вопросе службы в армии. Значительная доля молодежи в структуре общин повысила значение религиозно-просветительской работы с молодым поколением. Работа общин на поместном уровне и на уровне центральных позднепротестантских организаций была нацелена на реализацию следующих задач: активное вовлечение молодежи в деятельность общин, создание ресурсной основы для ведения миссионерской работы, духовное воспитание и религиозное обучение молодежи для воспроизводства общины как социальной группы.

Специфика функционирования политико-правовых систем на территории Западной Беларуси в составе Польши в 1921–1939 гг. и на территории БССР до 1939 г. обусловила различия в подходах местных позднепротестантских общин к работе с детьми и молодежью. В Западной Беларуси в процессе институционализации позднепротестантского движения была создана четкая система работы с детьми и молодежью. Основными ее элементами на поместном уровне являлись воскресные школы и молодежные кружки, а также хоровое и музыкальное служения. В рамках общегосударственных организаций были созданы специальные органы – молодежные товарищества, союзы, комитеты, которые координировали работу кружков, проводили съезды и конференции и способствовали религиозному обучению молодежи. В БССР в 1920-х гг., в период относительно либерального отношения советской власти к позднепротестантскому движению, были предприняты попытки создания системы воскресных школ и моло-

дежных кружков. Однако к началу 1930-х гг. в БССР в силу ведения политики, направленной на ограничение воздействия религиозных акторов на мировоззрение молодежи, системная работа воскресных школ, молодежных кружков и организаций была приостановлена. Аналогичные процессы происходили в 1939–1941 гг. в западных областях БССР. При этом следует отметить, что системная работа по религиозному обучению детей и молодежи в Западной Беларуси до 1939 г. и фрагментарная работа с детьми и молодежью в условиях ограничительных мер в БССР позволили быстрыми темпами возродить религиозную деятельность в послевоенный период. Так, в 1950–60-х гг. большую долю пресвитеров в западных областях БССР составляли лица, получившие религиозное обучение в межвоенный период. В восточных областях Беларуси большинство членов общин и пресвитеров составили верующие в возрасте 40–50 лет, т. е. те, кто стал членом религиозных организаций в 1920-х гг., в период относительной лояльности советских властей к позднепротестантскому движению.

Гибкие формы организации религиозной активности, свойственные позднепротестантскому движению, в условиях нормативно-правового и административного ограничения деятельности в БССР в 1930-х гг. и в период с 1944 по 1991 г. позволили общинам перейти от легальных системных форм и методов работы с детьми и молодежью к неинституционализированным методам. Так, организовывались молодежные собрания в церквях, вечера на частных квартирах, выступления молодежи и детей на торжественных мероприятиях. Молодежь объединялась в рамках певческой (хоровой) деятельности. Таким образом, закрепление молодежи в общинах продолжилось, что заложило основу для развития движения в условиях демократизации политико-правовой системы и формирования новых государственно-конфессиональных отношений в Республике Беларусь с 1991 г.

⁷⁰НАРБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 32. Л. 28.

⁷¹Там же. Л. 14.

⁷²ГАБО. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 21. Л. 5.

⁷³Там же. Ф. 210. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2.

⁷⁴НАРБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 80. Л. 139.

Библиографические ссылки

1. Пуцінцаў Ф. *Палітычная роля сектанцтва*. Мінск: Белдзяржвыд; 1930. 112 с.
2. Хайтун Д, Капаевіч П. *Сучаснае сектанцтва на Беларусі*. Мінск: Белдзяржвыд; 1929. 72 с.
3. Ленсу МЯ, Прокошина ЕС, редакторы. *Бaptизм и баптисты (социологический очерк)*. Минск: Наука и техника; 1969. 319 с.
4. Гараджа В. *Протестантизм*. Москва: Политиздат; 1971. 199 с.
5. Акинчиц ИИ. *Поросль отрезанной ветви: о религиозном сектантстве и молодежи*. Москва: Молодая гвардия; 1985. 224 с.
6. Балтрушэвіч НГ. *Пратэстанцкія арганізацыі БССР у 1944–1985 гг.: структура, формы дзейнасці, узаемаадносіны з дзяржавай* [дысертацыя]. Мінск: Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі; 2010. 149 с.
7. Лисовская ТВ. *Поздний протестантизм в Западной Беларуси (1921–1939 гг.)*. Брест: Альтернатива; 2021. 190 с.
8. Лисовская ТВ. Деятельность протестантских общин и организаций в Западной Беларуси в 1921–1939 гг. *Вестник Гродзенскага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія*. 2008;2:77–82.
9. Криворученко ВК. *Молодежное движение в России и Советском Союзе: уроки истории*. Москва: Социум; 1997. 191 с.
10. Данилович ВВ. *Молодежь в общественно-политическом, социально-экономическом и культурном строительстве советской Беларуси (1921–1939 гг.)*. Минск: Беларуская навука; 2020. 730 с.
11. Bednarczyk K. *Historia zborów baptystów w Polsce do 1939 r.* Warszawa: Słowo prawdy; 1997. 368 s.
12. Матокх ВМ, составитель. *Религиозная жизнь на Минщине (1918–1941 гг.)*. Документы и материалы. Адамашко ВИ, редактор. Минск: А. Н. Вараксин; 2015. 216 с.
13. Мицкевич АИ. *История евангельских христиан-баптистов*. Москва: Российский союз евангельских христиан-баптистов; 2007. 524 с.
14. Проханов ИС. *В котле России, 1869–1933. Автобиография И. С. Проханова*. Чикаго: Издательство Всемирного союза евангельских христиан; 1992. 263 с.
15. Журов А. *Под руководством партии: деятельность КПБ по созданию и руководству комсомолом Белоруссии. 1917–1925 гг.* Минск: Беларусь; 1970. 216 с.
16. Франчук В. *Просила Россия дождя у Господа. Том 3*. Киев: Світанкова зоря; 2002. 573 с.
17. Kołodziej W. *Kościół Chrystusowy w Polsce*. Warszawa: Nakład zjednoczenia kościołów Chrystusowych w Polsce; 1948. 32 s.
18. Нагирняк АП. Библиейские курсы баптистов в Москве в 1927–1929 гг. В: Российский союз евангельских христиан-баптистов. *Традиция подготовки служителей в братстве ЕХБ. История и перспективы*. Москва: Российский союз евангельских христиан-баптистов; 2013. с. 105–114.
19. Асаненка П. Цэрквы евангельскіх хрысціян і баптыстаў ва Усходняй Беларусі (1917 – канец 1940-х гг.). У: Бокун АІ, Унучак АУ, Бачышча ЮА, укладальнікі. *Евангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць*. Мінск: Пазітыў-цэнтр; 2018. с. 403–412.
20. Синичкин АВ. Власть и служители церкви на этапе формирования ВСЕХБ (с 1944 по 1949 г.). В: Российский союз евангельских христиан-баптистов. *Традиция подготовки служителей в братстве ЕХБ. История и перспективы*. Москва: Российский союз евангельских христиан-баптистов; 2013. с. 148–162.

References

1. Pucincaw F. *Palitychnaja rolja sektantstva* [The political role of sectarianism]. Minsk: Beldzjarchvyd; 1930. 112 p. Belarusian.
2. Hajtun D, Kapaeovich P. *Suchasnae sektantstva na Belarusi* [Contemporary sectarianism in Belarus]. Minsk: Beldzjarchvyd; 1929. 72 p. Belarusian.
3. Lensu MYa, Prokoshina ES, editors. *Baptizm i baptisty (sotsiologicheskii ocherk)* [Baptism and Baptists (sociological essay)]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1969. 319 p. Russian.
4. Garadzha V. *Protestantizm* [Protestantism]. Moscow: Politizdat; 1971. 199 p. Russian.
5. Akinchits II. *Porosl' otrezannoi vetvi: o religioznom sektantstve i molodezhi* [Sprouts of a severed branch: about religious sectarianism and youth]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1985. 224 p. Russian.
6. Baltrushjevich NG. *Pratjestanckija organizacyi BSSR u 1944–1985 gg.: struktura, formy dzejnasci, uzaemaadnosiny z dzjarzhavaj* [Protestant organisations of the BSSR in 1944–1985: structure, forms of activity, relations with the state] [dissertation]. Minsk: Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; 2010. 149 p. Belarusian.
7. Lisovskaya TV. *Pozdnii protestantizm v Zapadnoi Belarusi (1921–1939 gg.)* [Late Protestantism in Western Belarus (1921–1939)]. Brest: Al'ternativa; 2021. 190 p. Russian.
8. Lisovskaya TV. *Dejatel'nost' protestantskih obshhin i organizacij v Zapadnoj Belarusi v 1921–1939 gg.* *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1, History and Archaeology. Philosophy. Political Science*. 2008;2:77–82. Russian.
9. Krivoruchenko VK. *Molodezhnoe dvizhenie v Rossii i Sovetskom Soyuze: uroki istorii* [The youth movement in Russia and the Soviet Union: lessons from history]. Moscow: Sotsium; 1997. 191 p. Russian.
10. Danilovich VV. *Molodezh' v obshchestvenno-politicheskom, sotsial'no-ekonomicheskom i kul'turnom stroitel'stve sovetskoi Belarusi (1921–1939 gg.)* [Youth in the socio-political, socio-economic and cultural construction of Soviet Belarus (1921–1939)]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2020. 730 p. Russian.
11. Bednarczyk K. *Historia zborów baptystów w Polsce do 1939 r.* Warszawa: Słowo prawdy; 1997. 368 s.
12. Matokh VM, compiler. *Religioznaya zhizn' na Minshchine (1918–1941 gg.)*. *Dokumenty i materialy* [Religious life in Minsk Region (1918–1941). Documents and materials]. Adamushko VI, editor. Minsk: A. N. Varaksin; 2015. 216 p. Russian.
13. Mitskevich AI. *Istoriya evangel'skikh khristian-baptistov* [History of Evangelical Christian Baptists]. Moscow: Rossiiskii soyuz evangel'skikh khristian-baptistov; 2007. 524 p. Russian.

14. Prokhanov IS. *V kotle Rossii, 1869–1933. Avtobiografiya I. S. Prokhanova* [In the cauldron of Russia, 1869–1933. Autobiography of I. S. Prokhanov]. Chikago: Izdatel'stvo Vsemirnogo soyuza evangel'skikh khristian; 1992. 263 p. Russian.
15. Zhurov A. *Pod rukovodstvom partii: deyatel'nost' KPB po sozdaniyu i rukovodstvu komsomolom Belorussii. 1917–1925 gg.* [Under the leadership of the party: the activities of the State Security Committee in the creation and leadership of the Komsomol of Belarus. 1917–1925]. Minsk: Belarus; 1970. 216 p. Russian.
16. Franchuk V. *Prosila Rossiya dozhdya u Gospoda. Tom 3* [Russia asked God for rain. Volume 3]. Kyiv: Svitankova zorja; 2002. 573 p. Russian.
17. Kołodziej W. *Kościół Chrystusowy w Polsce*. Warszawa: Nakład zjednoczenia kościołów Chrystusowych w Polsce; 1948. 32 s.
18. Nagirnyak AP. [Bible courses of Baptists in Moscow in 1927–1929]. In: Rossiiskii soyuz evangel'skikh khristian-baptistov. *Traditsiya podgotovki sluzhitelei v bratstve EKhB. Istoriya i perspektivy* [The tradition of training ministers in the brotherhood of Evangelical Christian Baptists. History and perspectives]. Moscow: Rossiiskii soyuz evangel'skikh khristian-baptistov; 2013. p. 105–114. Russian.
19. Asanenka P. [Churches of Evangelical Christian and Baptists in Eastern Belarus (1917 – late 1940s)]. In: Bokun AI, Unuchak AU, Bachyshcha JuA, compilers. *Evangel'skaja carkva Belarusi: gistoryja i suchasnasc'* [Evangelical Church of Belarus: history and present]. Minsk: Pazityw-cjentr; 2018. p. 403–412. Belarusian.
20. Sinichkin AV. [The authorities and ministers of the church at the stage of the formation of the VSEHB (from 1944 to 1949)]. In: Rossiiskii soyuz evangel'skikh khristian-baptistov. *Traditsiya podgotovki sluzhitelei v bratstve EKhB. Istoriya i perspektivy* [The tradition of training ministers in the brotherhood of Evangelical Christian Baptists. History and perspectives]. Moscow: Rossiiskii soyuz evangel'skikh khristian-baptistov; 2013. p. 148–162. Russian.

Получена 12.04.2024 / исправлена 30.05.2024 / принята 26.06.2024.
Received 12.04.2024 / revised 30.05.2024 / accepted 26.06.2024.

УДК 94(4)«1944/45» + 355.48(94)«1944/45»

УРОЖЕНЦЫ БССР В СОСТАВЕ ПОТЕРЬ КРАСНОЙ АРМИИ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ ПОЛЬШИ В 1944–1945 гг.

А. С. БУШУЕВ¹⁾

¹⁾Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
ул. Батурина, 7, 420111, г. Казань, Россия

Аннотация. Исследуется социальная характеристика уроженцев БССР в составе боевых потерь, понесенных Красной армией в 1944–1945 гг. в ходе освобождения северо-восточных районов Польши от нацистской оккупации. Работа выполнена на основе анализа составленной автором просопографической базы данных, в которой представлены сведения о 330 уроженцах БССР, погибших в ходе оборонительных и наступательных боев у границ Восточной Пруссии и захороненных в братских могилах в Сувалках (сегодня город относится к Подляскому воеводству Польши). Отмечаются территориальные особенности проведения мобилизации, фиксируются направления мобилизационного потока призывных ресурсов перед отправкой на фронт. Определяются преобладающие возрастные группы красноармейцев – уроженцев БССР, погибших у границ Восточной Пруссии. Делается вывод о значительной роли белорусов в освобождении польских земель от немецко-фашистских захватчиков.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Вторая мировая война; Красная армия; боевые потери; БССР; Польша.

УРАДЖЭНЦЫ БССР У СКЛАДЗЕ СТРАТ ЧЫРВОНАЙ АРМІІ ПРЫ ВЫЗВАЛЕННІ ПАЎНОЧНА-ЎСХОДНІХ РАЁНАЎ ПОЛЬШЧЫ Ў 1944–1945 гг.

А. С. БУШУЕЎ^{1*}

^{1*}Інстытут гісторыі імя Ш. Марджані Акадэміі навук Рэспублікі Татарстан,
вул. Батурына, 7, 420111, г. Казань, Расія

Анацыя. Вывучаецца сацыяльная характарыстыка ўраджэнцаў БССР у складзе баявых страт, панесеных Чырвонай арміяй у 1944–1945 гг. у ходзе вызвалення паўночна-ўсходніх раёнаў Польшчы ад нацысцкай акупацыі. Даследаванне праведзена на аснове аналізу складзенай аўтарам прасапаграфічнай базы даных, дзе прадстаўлены звесткі аб 330 ураджэнцаў БССР, якія загінулі падчас абарончых і наступальных баёў каля межаў Усходняй Прусіі і былі пахаваны ў брацкіх магілах у Сувалках (сёння горад адносіцца да Падляскага ваяводства Польшчы). Адзначаюцца тэрытарыяльныя асаблівасці правядзення мабілізацыі, фіксуецца напрамкі мабілізацыйнага патоку прызыўных рэсурсаў перад адпраўкай на фронт. Вызначаюцца пераважныя ўзроставыя групы чырвонаармейцаў – ураджэнцаў БССР, якія загінулі каля межаў Усходняй Прусіі. Робіцца выснова аб значнай ролі беларусаў у вызваленні польскіх зямель ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў.

Ключавыя словы: Вялікая Айчынная вайна; Другая сусветная вайна; Чырвоная армія; баявыя страты; БССР; Польшча.

Образец цитирования:

Бушуев АС. Уроженцы БССР в составе потерь Красной армии при освобождении северо-восточных районов Польши в 1944–1945 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2024;4:47–56.
EDN: DGWBOM

For citation:

Bushuev AS. Natives of the BSSR in the losses of the Red Army during the liberation of north-eastern regions of Poland in 1944–1945. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2024;4:47–56. Russian.
EDN: DGWBOM

Автор:

Алексей Сергеевич Бушуев – кандидат исторических наук; ученый секретарь.

Author:

Aleksei S. Bushuev, PhD (history); academic secretary.
a.bushuev81@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3186-1981>

NATIVES OF THE BSSR IN THE LOSSES OF THE RED ARMY DURING THE LIBERATION OF NORTH-EASTERN REGIONS OF POLAND IN 1944–1945

A. S. BUSHUEV^a

^a*Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
7 Baturina Street, Kazan 420111, Russia*

Abstract. Social characteristic of natives of the BSSR as part of the combat losses suffered by the Red Army in 1944–1945 during the liberation of the north-eastern regions of Poland from Nazi occupation is explored. The work was carried out on the basis of an analysis of a prosopographic database compiled by the author, which provides information about 330 natives of the BSSR who died during defensive and offensive battles near the borders of East Prussia and were buried in mass graves near Suwalki (today the city belongs to the Podlaskie Voivodeship of Poland). The territorial features of mobilisation are noted, the directions of the mobilisation flow of conscription resources before being sent to the front are recorded. The predominant age groups of mobilised natives of the BSSR who died near the borders of East Prussia are determined. The conclusion about the significant role of Belarusians in the liberation of Polish lands from the Nazi invaders is drawn.

Keywords: Great Patriotic War; World War II; Red Army; combat losses; BSSR; Poland.

Введение

Одним из актуальных направлений изучения истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны является исследование роли Красной армии в освобождении стран Европы от нацизма. Оценить вклад советских войск в выполнение освободительной миссии без анализа понесенных боевых потерь в полной мере невозможно. Вопрос о цене победы над нацизмом поднимался в первые же послевоенные годы, однако пристальное внимание к данной теме историки стали уделять лишь с конца 1980-х гг., когда началось рассекречивание ряда документов военных лет.

Сложный процесс установления численности понесенных военных потерь неоднократно был описан учеными [1; 2; 3, с. 58–65, 83–139; 4, с. 220–249; 5, с. 24–27], в том числе белорусскими историками [6, с. 4–12]. Специалистами проведена большая работа по определению методов оценки общих военных потерь Красной армии в «роковые сороковые» [7–13], установлению доли утрат личного состава в отдельных воинских соединениях [14–17], а также по выяснению числа погибших в ходе войсковых операций на советско-германском фронте [18–24].

Продолжение исследований в указанном направлении, в том числе с опорой на вновь выявленные источники и с привлечением современных научных методов, позволило установить вклад отдельных народов СССР в достижение общей победы над фашизмом¹ [6, с. 25–30]. Так, значительную роль в этом процессе сыграли уроженцы БССР. Более 1,3 млн белорусов сражались в действующих частях Красной ар-

мии и флота на всех фронтах Великой Отечественной войны [30, с. 10]. Особое значение их участие имело на завершающем этапе войны. После освобождения БССР летом 1944 г. в ряды Красной армии вступило более 700 тыс. белорусов [6, с. 14]. В результате с июля 1944 г. по январь 1945 г. удельный вес белорусов среди красноармейцев вырос почти в два раза – с 2,3 % до 4,3 % [5, с. 93].

Несмотря на большое число исследований, посвященных темам Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, остается еще много вопросов по количественному и качественному составу боевых потерь Красной армии при освобождении стран Европы от нацизма. Известно, что безвозвратные потери армии при освобождении Польши превысили 600 тыс. человек, вместе с санитарными потерями их доля составила 2 млн человек [11, с. 449]. В то же время о качественном составе этих потерь известно крайне мало.

Целью настоящей статьи выступает исследование особенностей социального состава красноармейцев – уроженцев БССР, погибших при освобождении северо-восточных районов Польши в 1944–1945 гг. Речь идет об одном из стратегически важных участков советско-германского фронта у границ Восточной Пруссии – территории под Сувалками (первоначально это была д. Кшивулька Сувалкского повета Подляского воеводства, вошедшая затем в состав города). Здесь Красная армия столкнулась с хорошо подготовленной и глубоко эшелонированной обороной противника и понесла серьезные боевые потери,

¹Иванов А. А. Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Казань : Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2001. 94 с. ; Скворцова Л. Г. Безвозвратные потери уроженцев Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Саранск : Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарёва, 2004. 221 с.

основную часть которых составили военнослужащие 31-й общевойсковой армии 3-го Белорусского фронта [31, с. 41–42]. Для достижения указанной цели были решены следующие задачи: установлены преобла-

дающие возрастные группы погибших, определены районы мобилизации уроженцев БССР, выявлены особенности их распределения по местам несения службы, времени и районам гибели.

Методология исследования

Исследование выполнено на основе анализа базы данных, которая включает сведения о 951 военнослужащем Красной армии, погибшем при освобождении Сувалок и близлежащих населенных пунктов. Указанная база данных подготовлена автором в результате изучения списков красноармейцев, захороненных на воинском кладбище в Сувалках. Кроме того, в 2018 г. автором был совершен экспедиционный выезд на данное кладбище, который позволил уточнить сведения о захороненных здесь бойцах.

Указанное военно-мемориальное кладбище было основано в 1942 г. как место захоронения погибших узников концентрационного лагеря «Шталаг 1Ф». Имена большинства узников не удалось установить. После окончания Великой Отечественной войны здесь были перезахоронены останки более 5 тыс. солдат и офицеров Красной армии, погибших при освобождении города и близлежащих населенных пунктов. Сегодня данный объект является одним из крупнейших военно-мемориальных кладбищ советских солдат на территории не только Подля-

ского воеводства, но и всей современной Польши [32, с. 37]. В ходе исследования сведения о погибших были уточнены и дополнены на основе изучения полковых донесений о потерях в частях Красной армии, действовавших на указанном участке советско-германского фронта. Удалось установить не только годы рождения и даты гибели бойцов, но и места их рождения, призыва и несения службы. В ряде случаев были выяснены места первоначального захоронения красноармейцев, откуда позднее их останки были перенесены в Сувалки.

В ходе работы из общего числа погибших, чьи имена известны, была сделана выборка уроженцев БССР. Ее объем составил 330 человек. Таким образом, более трети (34,7 %) погибших под Сувалками красноармейцев являлись уроженцами белорусской земли, что существенно выше их доли в Красной армии в целом в рассматриваемый период.

Математико-статистическая обработка полученных данных позволила составить просопографический портрет уроженцев БССР, погибших при освобождении Сувальщины.

Результаты и их обсуждение

Уроженцы БССР составляют вторую по численности группу военнослужащих Красной армии (после уроженцев РСФСР). Они являлись выходцами из Минской области (45,2 %), Витебской области (18,5 %), Минска (17,3 %), Могилёвской области (8,8 %), Гомельской области (6,4 %), Брестской области (2,7 %), Гродненской области (0,6 %), а также из Пинской и Полесской областей (по 0,3 %).

Среди погибших под Сувалками белорусов 206 человек были уроженцами Минска и Минской области. Наибольшее число боевых потерь, понесенных на данном участке советско-германского фронта, пришлось на столицу (57 человек), а также на центральные (Минский район – 44 человека, Смолевичский район – 31 человек), северо-восточные (Борисовский район – 20 человек, Крупский район – 10 человек) и южный (Слуцкий район – 10 человек) регионы БССР. Пуховичский, Червенский, Стародорожский, Узденский, Березинский и Логойский районы представлены 2–3 уроженцами каждый. Немногочисленными (1–2 человека) в исследуемой выборке оказались выходцы из центрального (Дзержинского) и юго-западных (Несвижского, Клецкого и Копыльского) районов области.

Большинство уроженцев Витебской области (61 человек), погибших под Сувалками, являются выход-

цами из трех юго-восточных районов БССР – Оршанского (33 человека), Толочинского (8 человек) и Дубровенского (7 человек). Численность выходцев из соседних Сенненского, Лиозненского, Витебского и Городокского районов ниже и составляет 9 человек. Из центральных (Полоцкого, Ушачского) и южного (Лепельского) районов области в исследуемой выборке зафиксировано по 1 человеку.

Среди уроженцев Могилёвской области, которые погибли под Сувалками, на рассматриваемом военном мемориале захоронены 29 человек. Почти каждый третий из них родился в Круглянском районе (9 человек), каждый восьмой – в Быховском районе (4 человека), каждый десятый – в Глусском районе (3 человека). Также в исследуемой выборке было зафиксировано по 2 человека из Бельничского, Кличевского и Горецкого районов и по 1 человеку из Могилёвского, Дрибинского, Мстиславского, Кричевского, Славгородского, Краснопольского и Кировского районов.

Среди уроженцев Гомельской области, захороненных в Сувалках, насчитывается 21 человек, при этом 5 человек из Петриковского района, 3 человека из Житковичского района, 3 человека из Рогачёвского района, 2 человека из Светлогорского района и по 1 человеку из Октябрьского, Ветковского, Гомельского,

Добрушского, Хойникского и упраздненного Василевичского районов.

Среди уроженцев Брестской области (11 человек) в исследуемой выборке 2 человека являются выходцами из Каменецкого и Пружанского районов. В остальных районах (Барановичском, Малоритском, Кобринском, Дрогичинском, Берёзовском, Пинском, Лунинецком) зафиксировано по 1 человеку.

Что касается уроженцев Гродненской области, то 2 человека являются выходцами из Гродненского и Дятловского районов.

Таким образом, среди захороненных в Сувалках красноармейцев-белорусов преобладают выходцы из центральных и восточных районов БССР. Среди погибших, чьи имена удалось установить, не оказалось уроженцев северных, северо-западных и западных районов БССР, выходящих летом 1944 г. к линии фронта. Учитывая, что указанные районы были освобождены позднее остальных, можно предположить, что армейскому руководству не хватило времени, чтобы провести полноценные мобилизационные мероприятия и направить местных бойцов на пополнение действующих на подступах к Восточной Пруссии частей Красной армии. В пользу этой гипотезы косвенно говорит тот факт, что один из уроженцев Гродненской области (Н. Л. Ескевич, 1898 г. р.) был мобилизован в 1944 г. Колпашевским военкоматом Новосибирской области², а другой (Ф. Ю. Ковальчук, 1910 г. р.) погиб еще в июне 1941 г. во время приграничной оборонительной операции Красной армии в этом районе³.

Интерес представляют и места, откуда белорусы, захороненные на кладбище в Сувалках, были призваны на фронт. Уроженцев РСФСР призывали практически со всей территории Советского Союза, включая БССР и другие союзные республики. Подавляющее большинство белорусов (98,2 %), погибших при освобождении Сувальщины, были мобилизованы у себя на родине.

Среди мест призыва преобладают районы и области, расположенные в центральной и восточной частях БССР (Минск и Минская область – 67,9 %, Витебская область – 15,1 %, Могилёвская область – 5,8 %). Наибольший вклад в мобилизацию уроженцев БССР, погибших под Сувалками, внесли Кагановичский (11,8 %), Ворошиловский (9,7 %) и Сталинский военкоматы (2,7 %) Минска, а также Смолевичский (11,8 %), Минский (10,3 %), Борисовский (5,2 %), Крупский (2,7 %), Заславльский и Слуцкий (по 2,4 %) военкоматы Минской области. В Витебской области наиболее многочисленным призывом отличились Оршанский (10,6 %) и Толочинский (1,5 %) военкоматы, в Могилёвской области – Круглянский (2,4 %) и Быховский военкоматы (1,2 %). В остальных воен-

коматах республики было призвано по 1–3 белоруса. Незначительное количество уроженцев БССР (1,5 %) были мобилизованы с территории РСФСР, в частности из Воронежской, Смоленской, Челябинской и Новосибирской областей.

Данные свидетельствуют о том, что не всегда место рождения и место призыва военнотружущих совпадали, хотя в целом межобластные перемещения при мобилизации и призыве в БССР незначительны по сравнению с перемещениями в других союзных республиках, например в УССР (доля призванных по месту рождения составила 85,1 %) и РСФСР (69,3 %). Подавляющее большинство (от 93,0 до 100 %) уроженцев Минска, Минской, Полесской и Пинской областей были призваны по месту рождения. В пределах своих областей были призваны 77,0 % уроженцев Витебской области и 66,7 % уроженцев Брестской области. Противоположная ситуация наблюдалась в Могилёвской и Гомельской областях: здесь по месту рождения было мобилизовано от 19,0 и 51,7 % бойцов соответственно. Перед отправкой в действующие части Красной армии также производилось частичное стягивание призывных ресурсов в Минск и Минскую область из других областей. Так, отсюда ушли на фронт 38,1 % уроженцев Гомельской области (28,6 % были мобилизованы из Минска, 9,5 % – из Минской области), 24,1 % уроженцев Могилёвской области (10,3 и 13,8 % соответственно) и 18,0 % уроженцев Витебской области (3,2 и 14,8 % соответственно). Почти каждый пятый уроженец Минской области (18,7 %) перед отправкой на фронт посетил столичный военкомат. Для сравнения отметим, что никто из уроженцев Киевской области УССР не был призван в столице. Лишь 13,3 % уроженцев Московской области РСФСР были призваны из Москвы. Данные обстоятельства могли быть обусловлены тем, что после освобождения от нацистской оккупации военно-учетная и мобилизационная работа была налажена не во всех районах БССР.

Большой интерес представляют возрастные характеристики красноармейцев – уроженцев БССР, погибших при освобождении Сувальщины. Здесь захоронены белорусы 1894–1926 гг. р. Половина из них родились до 1910 г., более двух третей – до 1917 г. включительно. При этом 1926 г. является самым часто встречающимся годом рождения погибших на Сувальщине белорусских солдат. Так, 8,8 % погибших здесь уроженцев БССР родились именно в 1926 г. Годом рождения 5,8 % белорусов является 1925 г. Таким образом, практически каждый седьмой из погибших и захороненных здесь белорусов родился в 1925–1926 гг. Возрастной состав погибших в данной местности уроженцев БССР представлен в табл. 1.

²Центр. арх. Мин-ва обороны Рос. Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 58. Оп. 18003. Д. 218. Л. 13 об.

³Там же. Оп. 977520. Д. 154. Л. 320.

Таблица 1

Возрастной состав уроженцев БССР, погибших в 1944–1945 гг. на Сувальщине

Table 1

Age composition of natives of the BSSR who died in 1944–1945 in the Suwalki Region

Возрастная группа, лет	Количество погибших, чел.	Доля от общего числа погибших, %	Доля от общего числа погибших с накоплением, %
19 лет и младше	46	13,9	13,9
20–24 года	49	14,8	28,8
25–29 лет	23	7,0	35,8
30–34 года	57	17,3	53,0
35–39 лет	60	18,2	71,2
40–44 года	58	17,6	88,8
45–49 лет	33	10,0	98,8
50 лет и старше	4	1,2	100

Примечание. Здесь и далее составлено на основе сведений из просопографической патентной базы данных (Бушуев А. С. Красноармейцы, погибшие в 1944–1945 гг. и захороненные на кладбище в Сувалках (Польша) : 2024624163, Российская Федерация. № 2024623857; заявл. 10.09.2024; опубл. 20.09.2024).

Таким образом, почти каждый седьмой белорусский боец (13,9 %) погиб на Сувальщине в возрасте 18–19 лет (18-летних среди них насчитывалось 8,2 %), почти каждому третьему (28,8 %) не удалось исполниться и 25 лет, а 71,2 % были в возрасте до 40 лет. Доля погибших здесь белорусских красноармейцев в возрасте до 30 лет ниже, чем данный показатель среди уроженцев РСФСР и УССР на 13,7 и 8,3 % соответственно. Важно отметить, что серьезные потери среди молодых бойцов негативно повлияли на демографические показатели в послевоенные десятилетия. Доля погибших белорусов в возрасте старше 40 лет достигает 28,8 %, в то время как среди уроженцев УССР данный показатель равен 24,9 %, а среди уроженцев РСФСР – 20,2 %. Средний возраст погибших на Сувальщине уроженцев БССР составляет 32,6 года, медианный возраст – 34,0 года. Указанные значения в среднем на 2 года выше, чем показатели возраста всех погибших на Сувальщине красноармейцев из других союзных республик [32, с. 39]. Данная особенность обусловлена тем, что по мере освобождения территории БССР от нацистской оккупации боеспособных мужчин вновь зачисляли в состав армейских подразделений и отправляли на фронт. Расчеты автора показывают, что половина мобилизованных военкоматами БССР были в возрасте от 24 лет до 41 года. Более половины (56,4 %) всех погибших на Сувальщине мужчин в возрасте старше 35 лет были направлены в действующую армию из БССР (из РСФСР были призваны только 27,1 % бойцов).

Обратимся к рассмотрению войскового состава погибших на Сувалкском направлении уроженцев бе-

лорусской земли. Большинство захороненных в данной местности белорусов (96,4 %) являются бойцами стрелковых подразделений Красной армии, что выше аналогичного показателя среди уроженцев УССР и РСФСР (16,5 и 8,7 % соответственно). Преобладание стрелков среди белорусов может быть объяснено тем, что после освобождения территории БССР боеспособных мужчин оперативно направляли в войска для пополнения нуждающихся частей, и чаще всего это были именно стрелковые подразделения [5, с. 125]. В артиллерийских, саперных полках и других соединениях, включая истребительно-противотанковые, огнеметные и санитарные части, служили по 0,9 % белорусских бойцов.

Как видно из табл. 2, подавляющее большинство захороненных в Сувалках уроженцев БССР служили в подразделениях 3-го Белорусского фронта, части которого несли потери на этом участке в течение всего последнего года Великой Отечественной войны. Максимальные потери пришлось на второе полугодие 1944 г., особенно на август, когда Красная армия вышла на рубежи государственных границ СССР, и на октябрь, когда началась Гумбинненская наступательная операция [32, с. 40].

Среди соединений 3-го Белорусского фронта наибольшие потери на Сувальщине понесла 31-я общевойсковая армия. Так, 97,6 % погибших здесь уроженцев БССР (322 человека) служили в ее подразделениях: каждый третий – в 220-й дивизии, каждый пятый – в 173-й дивизии, каждый восьмой – в 352-й стрелковой дивизии. За время боев на Сувальщине в сентябре – октябре 1944 г. все указанные дивизии потеряли не менее 10 % личного состава⁴.

⁴Рассчитано на основе данных ЦАМО РФ (Ф. 386. Оп. 8583. Д. 370. Л. 16 ; Там же. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 418. Л. 15 об.).

Таблица 2

Распределение захороненных в Сувалках уроженцев БССР
по последнему месту службы

Table 2

Distribution of natives of the BSSR buried in Suwalki according
to their last place of service

Воинское соединение	Количество захороненных, чел.	Доля от общего числа красноармейцев, %
<i>2-й Белорусский фронт</i>		
3-я армия	2	0,6
В том числе:		
120-я гвардейская стрелковая дивизия	1	0,3
169-я стрелковая дивизия	1	0,3
96-я стрелковая дивизия 48-й армии	1	0,3
64-я стрелковая дивизия 49-й армии	1	0,3
362-я стрелковая дивизия 50-й армии	1	0,3
15-я стрелковая дивизия 65-й армии	1	0,3
<i>3-й Белорусский фронт</i>		
5-я гвардейская стрелковая дивизия 11-й гвардейской армии	1	0,3
31-я армия	322	97,6
В том числе:		
62-я стрелковая дивизия	24	7,3
88-я стрелковая дивизия	20	6,1
173-я стрелковая дивизия	70	21,2
174-я стрелковая дивизия	5	1,5
192-я стрелковая дивизия	4	1,2
220-я стрелковая дивизия	101	30,6
331-я стрелковая дивизия	30	9,1
352-я стрелковая дивизия	40	12,1
Армейские штрафные роты	23	7,0
Прочие армейские подразделения	5	1,5
Место службы не установлено	1	0,3

Многочисленными оказались и потери штрафных подразделений 31-й армии. Только за сентябрь 1944 г. численность штрафников 31-й армии сократилась на 67,2 % (с 2088 до 684 человек)⁵. По подсчетам автора, военнослужащие из штрафных подразделений составили 7,1 % потерь 31-й армии среди уроженцев БССР, которые были идентифицированы в 7 из 12 штрафных ротах этой армии. Наибольшее число белорусов погибло в составе 140-й (3,6 %) и 136-й (1,5 %) отдельных армейских штрафных рот. В остальных штрафных подразделениях (134-й, 138-й, 141-й и 143-й ротах) доля погибших уроженцев БССР достигала 0,3–0,6 %.

Рядовой состав сражавшихся на Сувальщине подразделений Красной армии понес наибольшие потери личного состава, поэтому доля рядовых красноармейцев и ефрейторов среди погибших здесь белорусов достигает 95,5 %. Младший и средний командный состав среди погибших представлен незначительно – 3,9 и 0,6 % соответственно. Если говорить о младшем командном составе, то на данном участке фронта погибли 4 младших сержанта, 4 сержанта, 3 старших

сержанта и 2 старшины. На средний командный состав пришлась потеря 2 лейтенантов – уроженцев БССР. Речь идет об уроженце Витебской области командире роты 123-го стрелкового полка 62-й стрелковой дивизии Е. С. Гончарове 1908 г. р. и уроженце Минской области командире роты 1108-го стрелкового полка 331-й стрелковой дивизии В. Ф. Кнарусе 1918 г. р. Соотношение потерь в Сувалках по трем группам военнослужащих – уроженцев БССР (офицеры, сержанты, рядовые) составляло 1,0 : 2,0 : 14,0, что в целом отвечает установленному исследователями соотношению потерь среди белорусов в составе войск 3-го Белорусского фронта в рассматриваемый период – 1,0 : 2,3 : 13,1 [5, с. 125].

При этом рядовые красноармейцы не являлись наиболее молодыми среди белорусских военнослужащих (табл. 3). Медианный возраст погибших на Сувальщине рядовых, которые являлись уроженцами БССР, составляет 34 года. Половина из них сложили свои жизни в возрасте от 22 лет до 41 года, каждый третий погиб в возрасте от 35 до 44 лет, каждый десятый – в возрасте 45 лет и старше. Средний возраст белорусов – воен-

⁵Рассчитано на основе данных ЦАМО РФ (Ф. 386. Оп. 8583. Д. 370. Л. 16, 26).

нослужащих младшего командного звена (сержантов и старшин) составляет 33 года. При этом половина из них погибли в возрасте от 30,5 года до 44,0 года, каждый пятый – в возрасте 35–44 и 45–49 лет. Погибшие на Сувальщине офицеры оказались самыми молодыми среди белорусских военнослужащих. Им было по 27 и 36 лет. Особенности возрастного распределе-

ния погибших являлись следствием существовавшей на протяжении всей Великой Отечественной войны проблемы пополнения кадрового офицерского состава Красной армии. Важно отметить, что разрыв по возрастам между рядовым и младшим командным составом среди уроженцев БССР не такой большой, как, например, среди уроженцев РСФСР.

Таблица 3

Возрастной состав уроженцев БССР в разных категориях военнослужащих, погибших на Сувальщине в 1944–1945 гг., %

Table 3

Age composition of natives of the BSSR in different categories of Red Army military personnel who died in the Suwalki Region in 1944–1945, %

Возрастная группа, лет	Представители рядового состава	Представители младшего командного состава	Представители среднего командного состава
19 лет и младше	14,3	7,7	–
20–24 года	15,2	7,7	–
25–29 лет	7,0	–	50,0
30–34 года	16,5	38,5	–
35–39 лет	18,4	7,7	50,0
40–44 года	17,8	15,4	–
45–49 лет	9,5	23,1	–
50 лет и старше	1,3	–	–

Для полноты картины боевых потерь среди уроженцев БССР в ходе освобождения Польши на данном участке советско-германского фронта необходимо привести распределение погибших не только по воинским званиям, но и по армейским должностям. Из представителей командного звена Красной армии на Сувальщине погибли 36-летний командир роты 123-го стрелкового полка 62-й стрелковой дивизии лейтенант Е. С. Гончаров⁶ и 27-летний командир роты 1108-го стрелкового полка 331-й стрелковой дивизии лейтенант В. Ф. Кнарус⁷. Здесь сложили свои жизни и 6 командиров отделений: старшие сержанты 36-летний А. А. Старченков из 1206-го стрелкового полка 362-й стрелковой дивизии⁸ и 49-летний С. Г. Якубенко из 1162-го стрелкового полка 352-й стрелковой дивизии⁹, сержанты 31-летний И. Г. Кучинский из 673-го стрелкового полка 220-й стрелковой дивизии¹⁰ и 31-лет-

ний П. Д. Хлебус из 401-го артиллерийского полка 88-й стрелковой дивизии¹¹, 33-летний П. Г. Литвинов из 673-го стрелкового полка 220-й стрелковой дивизии¹² и 41-летний А. С. Летковский из 676-го стрелкового полка 15-й стрелковой дивизии¹³.

Самая массовая (284 человека) группа военнослужащих – стрелки – на 98,9% состояла из рядовых, также в ней были 1 ефрейтор, 1 младший сержант и 1 старшина. Кроме того, к стрелкам могут быть отнесены автоматчики, пулеметчики, наводчики противотанковых ружей (всего 9 человек в звании красноармейцев, а также младших и старших сержантов). Встречаются в данной группе артиллеристы (7 человек), минометчики (2 человека), связисты (5 человек), саперы (3 человека), разведчики, огнеметчики, ездовые, повозочные, санитары (по 1 человеку), большинство из которых являлись рядовыми.

Заключение

Среди погибших уроженцев БССР, составивших более трети потерь Красной армии на Сувальском рубеже, были не только рядовые стрелки, но и предста-

вители командного состава, а также обслуживающего и вспомогательного персонала армии. Важно указать на то, что доля погибших под Сувалками уроженцев

⁶ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 258. Л. 125 об.

⁷Там же. Д. 695. Л. 181.

⁸Там же. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 300. Л. 195 об.

⁹Там же. Оп. 18003. Д. 49. Л. 126 об.

¹⁰Там же. Оп. 18002. Д. 1360. Л. 209.

¹¹Там же. Д. 1434. Л. 103.

¹²Там же. Д. 1360. Л. 205.

¹³Там же. Оп. 18003. Д. 283. Л. 5 об.

БССР почти в 10 раз превышает долю белорусов во всей Красной армии, погибших в этот же период. Данные обстоятельства демонстрируют высокую значимость участия выходцев из БССР в боях на данном участке советско-германского фронта.

Представленный в результате исследования коллективный социальный портрет уроженцев БССР, погибших в 1944–1945 гг. на Сувальщине, отражает сложные индивидуальные биографические траектории бойцов Красной армии при выполнении освободительной миссии в Европе. Исследование позволило установить как основные зоны мобилизации белорусов (центральные и восточные районы БССР), так и преобладающие возрастные группы мобилизованных уроженцев БССР, погибших под Сувалками (каждый седьмой боец был младше 20 лет, при этом почти каждый третий – старше 40 лет).

Проведенный анализ показал, что среди подразделений 3-го Белорусского фронта, действовавших на указанном направлении, выделяется 31-я общевойсковая армия, на которую пришлось абсолютное большинство потерь, понесенных уроженцами БССР под Сувалками. Наиболее многочисленными оказались потери белорусов в составе 220-й, 173-й и 352-й стрелковых дивизий, а также штрафных подразделений 31-й армии.

Полученные в ходе исследования данные в определенной мере восполняют имеющийся историографический пробел в изучении качественного состава боевых потерь Красной армии на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Материалы способствуют дальнейшему изучению вклада уроженцев БССР в победу над нацистской Германией и ее сателлитами.

Библиографические ссылки

1. Мерцалов АН, Мерцалова ЛА. Людские потери РККА (1941–1945 гг.) и историческая наука СССР – РФ. *Военно-исторический архив*. 2004;10:27–44.
2. Мерцалов АН, Мерцалова ЛА. Людские потери РККА (1941–1945 гг.) и историческая наука СССР – РФ. *Военно-исторический архив*. 2004;11:14–37.
3. Кропачев СА. *От лжи к покаянию. Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 гг.* Санкт-Петербург: Алетейя; 2011. 192 с.
4. Кропачев СА, Кринко ЕФ. *Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография*. Москва: Росспэн; 2012. 349 с.
5. Кринко ЕФ, редактор. *Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование*. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН; 2022. 428 с.
6. Литвин АМ. О людских потерях Беларуси в годы Великой Отечественной войны. *Наука и инновации*. 2015; 147(5):4–16.
7. Гуркин ВВ. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. *Новая и новейшая история*. 1992; 3:219–224.
8. Кривошеев ГФ, редактор. *Гриф секретности снят: потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование*. Москва: Воениздат; 1993. 416 с.
9. Араловец НА, Вербицкая ОМ, Жиромская ВБ, Поляков ЮА, Репинецкий АИ, составители. *Людские потери СССР в период Второй мировой войны. Сборник материалов научной конференции; 14–15 марта 1995 г.; Москва, Россия*. Санкт-Петербург: Русско-балтийский информационный центр «Блиц»; 1995. 190 с.
10. Михалёв СН. *Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.* Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева; 2000. 139 с.
11. Кривошеев ГФ, редактор. *Россия и СССР в войнах XX века*. Москва: Олма-пресс; 2001. 607 с.
12. Михалёв СН, Толмачева АВ. К вопросу об исчислении потерь советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. *Военно-исторический архив*. 2004;1:116–130.
13. Литвиненко ВВ. Цена Великой Победы. *Военно-исторический журнал*. 2018;12:37–45.
14. Прокина АИ, Катионов ОН. Боевые потери 11-й гвардейской стрелковой дивизии в июне 1944 года в период проведения операции «Багратион». *Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: гуманитарные исследования*. 2019;2(6):61–66.
15. Синенко ВА, Катионов ОН. Боевые потери 108-й стрелковой дивизии в июле 1944 г. в период проведения операции «Багратион». *Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: гуманитарные исследования*. 2019;2(6):67–71.
16. Синенко ВА. Потери и боевые успехи 83-й гвардейской стрелковой дивизии, принимавшей участие в восточно-прусской операции 1945 года. В: Кобзарь ПЕ, Нагаев ИБ, Сушко АВ, Иоаниди АФ, Печёнкина АА, Жапарова АК и др., редакторы. *Человечество против фашизма: люди, народы, государства. Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 75-й годовщине Великой Победы; 24 апреля 2020 г.; Омск, Россия*. Омск: Филиал ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения имени А. В. Хрулева» МО РФ в г. Омске; 2020. с. 155–160.
17. Мизеров ИИ. Боевые действия 1-й и 3-й воздушных армий в первой Ржевско-Сычевской операции: потери и их восполнение. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2021;20(1):145–159. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-1-145-159.
18. Олейник НБ, Сяков ЮА, Тургаев АС. *Любанская наступательная операция 1942 г.: подготовка к сражению, начало боевых действий, анализ потерь*. Санкт-Петербург: РАНХиГС при Президенте РФ; 2006. 68 с.
19. Афанесенко ВИ. К вопросу о потерях Южного фронта в октябре – декабре 1941 г. *Былые годы*. 2011;2:55–60.

20. Киселев ОН. Динамика потерь личного состава Красной армии в ходе сражения за Суомуссалми зимой 1939–1940 гг. По документам российского государственного военного архива. *Клио*. 2014;9:109–120.
21. Пермьяков ИА, Фитисов АИ. Организация персонального учета потерь личного состава боевых частей Западного фронта в ходе Спас-Деменской операции (7–20 августа 1943 г.). *Военно-исторический журнал*. 2018;4:38–43.
22. Литвиненко ВВ. Людские потери Красной армии и Вермахта в Берлинской операции (16 апреля – 8 мая 1945 г.). *Военная мысль*. 2020;5:90–101.
23. Литвиненко ВВ. Наступательные операции советских войск в Московской битве. Людские потери Красной армии и Вермахта. *Вестник Академии военных наук*. 2022;1:133–141.
24. Киселев ИВ. Людские потери в битве за Кавказ 1942–1943 гг.: опыт статистического исследования. В: Матишов ГТ, редактор. *Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы. Материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием; 5–8 июля 2023 г.; Ростов-на-Дону, Россия*. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН; 2023. с. 192–198.
25. Арсентьев НМ, Котков СК, Скворцова ЛГ. Цена победы: хроника безвозвратных потерь жителей Республики Мордовия на фронтах Великой Отечественной войны. Саранск: Красный Октябрь; 2005. 223 с.
26. Бушуева ОЮ. Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Самара: Реавиз; 2012. 187 с.
27. Скворцова ЛГ. Боевые потери уроженцев Куйбышевской области, Мордовской и Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (сравнительный анализ). *Экономическая история*. 2015;3:32–41.
28. Гревцова ТЕ, редактор. *Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия*. Москва: Росспэн; 2019. 766 с.
29. Воробьева ВН. Коллективный портрет безвозвратных потерь в 1941–1945 гг. военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыкии (по данным книги «Память. Санл»). *Научная мысль Кавказа*. 2023;1:36–43. DOI: 10.18522/2072-0181-2023-113-36-43.
30. Литвин АМ, Безлепкин ЯП, Воронкова ИЮ, Долготович БД, Зданович ВВ, Коваленя АА и др. *Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне*. Минск: Беларуская навука; 2015. 493 с.
31. Глазунов Н. 31-я армия на завершающем этапе Белорусской операции. *Военно-исторический журнал*. 1981;6:41–42.
32. Бушуев АС. Не дошедшие до Победы. Боевые потери РККА при освобождении Польши в 1944–1945 гг.: просопографический анализ. *Военно-исторический журнал*. 2024;1:36–43.

References

1. Mertsalov AN, Mertsalova LA. [Human losses of the Red Army (1941–1945) and historical science of the USSR – RF]. *Voенно-istoricheskii arkhiv*. 2004;10:27–44. Russian.
2. Mertsalov AN, Mertsalova LA. [Human losses of the Red Army (1941–1945) and historical science of the USSR – RF]. *Voенно-istoricheskii arkhiv*. 2004;11:14–37. Russian.
3. Kropachev SA. *Ot lzhi k pokayaniyu. Otechestvennaya istoriografiya o masshtabakh repressii i poteryakh SSSR v 1937–1945 gg.* [From lies to repentance. Domestic historiography on the scale of repressions and losses of the USSR in 1937–1945]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2011. 192 p. Russian.
4. Kropachev SA, Krinko EF. *Poteri naseleniya SSSR v 1937–1945 gg.: masshtaby i formy. Otechestvennaya istoriografiya* [Population losses in the USSR in 1937–1945: scope and forms. Domestic historiography]. Moscow: Rosspen; 2012. 349 p. Russian.
5. Krinko EF, editor. *Narody SSSR na frontakh Velikoi Otechestvennoi voiny: statisticheskoe i voенно-antropologicheskoe issledovanie* [The peoples of the USSR on the fronts of the Great Patriotic War: statistical and military-anthropological research]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo YuNTs RAN; 2022. 428 p. Russian.
6. Litvin AM. [Human losses in Belarus during the Great Patriotic War]. *Nauka i innovatsii*. 2015;147(5):4–16. Russian.
7. Gurkin VV. [About human losses on the Soviet-German front in 1941–1945]. *Novaya i noveishaya istoriya*. 1992;3:219–224. Russian.
8. Krivosheev GF, editor. *Grif sekretnosti snyat: poteri Vooruzhennykh sil SSSR v voinakh, boevykh deistviyakh i voennykh konfliktakh: statisticheskoe issledovanie* [The classification of secrecy has been lifted: losses of the USSR Armed Forces in wars, hostilities and military conflicts: a statistical study]. Moscow: Voenizdat; 1993. 416 p. Russian.
9. Aralovets NA, Verbitskaya OM, Zhiromskaya VB, Polyakov YuA, Repinetskiy AI, compilers. *Lyudskie poteri SSSR v period Vtoroi mirovoi voiny. Sbornik materialov nauchnoi konferentsii; 14–15 marta 1995 g.; Moskva, Rossiya* [Human losses of the USSR during the World War II. Proceedings of a scientific conference; 1995 March 14–15; Moscow, Russia]. Saint Petersburg: Russko-baltiiskii informatsionnyi tsentr «Blits»; 1995. 190 p. Russian.
10. Mikhalev SN. *Lyudskie poteri v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.* [Human losses in the Great Patriotic War 1941–1945]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev; 2000. 139 p. Russian.
11. Krivosheev GF, editor. *Rossiya i SSSR v voinakh XX veka* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century]. Moscow: Olma-press; 2001. 607 p. Russian.
12. Mikhalev SN, Tolmacheva AV. [On the issue of calculating the losses of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Voенно-istoricheskii arkhiv*. 2004;1:116–130. Russian.
13. Litvinenko VV. Value of Great Victory. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 2018;12:37–45. Russian.
14. Prokina AI, Kationov ON. Battle casualties of the 11th guards rifle division during operation «Bagration» in June 1944. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniya: gumanitarnye issledovaniya*. 2019;2(6):61–66. Russian.
15. Sinenko VA, Kationov ON. Battle casualties of the 108th rifle division during operation «Bagration» in July 1944. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniya: gumanitarnye issledovaniya*. 2019;2(6):67–71. Russian.
16. Sinenko VA. [Losses and combat successes of the 83rd guards rifle division, which took part in the East Prussian operation of 1945]. In: Kobzar' PE, Nagaev IB, Sushko AV, Ioanidi AF, Pechenkina AA, Zhaparova AK, et al, editors. *Chelovechestvo protiv fashizma: lyudi, narody, gosudarstva. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi*

75-i godovshchine Velikoi Pobedy; 24 aprelya 2020 g.; Omsk, Rossiya [Humanity against fascism: people, nations, states. Proceedings of the 3rd International scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Great Victory; 2020 April 24; Omsk, Russia]. Omsk: Filial FGKVOU VO «Voennaya akademiya material'no-tehnicheskogo obespecheniya imeni A. V. Khruleva» MO RF v g. Omske; 2020. p. 155–160. Russian.

17. Mizerov II. Combat actions of the 1st and 3rd air armies in the first Rzhev-Sychev operation: losses and their replacement. *RUDN Journal of Russian History*. 2021;20(1):145–159. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-1-145-159. Russian.

18. Oleinik NB, Syakov YuA, Turgaev AS. *Lyubanskaya nastupatel'naya operatsiya 1942 g.: podgotovka k srazheniyu, nachalo boevykh deistvii, analiz poter'* [Lyuban offensive operation 1942: preparation for the battle, the beginning of hostilities, analysis of losses]. Saint Petersburg: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 2006. 68 p. Russian.

19. Afaneseenko VI. Southern front casualties in October – December 1941. *Bylye gody*. 2011;2:55–60. Russian.

20. Kiselev ON. Trends in personnel losses in the Red Army in fighting for Suomussalmi in winter 1939–1940. Based on documents from the Russian state military archives. *Klio*. 2014;9:109–120. Russian.

21. Permyakov IA, Fitsov AI. Organisation of personal registration of personnel losses in combat units of western front during Spas-Demensk operation 7–20 August 1943. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 2018;4:38–43. Russian.

22. Litvinenko VV. [The fatalities sustained by the Red Army and the Wehrmacht in Berlin operation (1945 April 16 – May 8)]. *Voennaya mysl'*. 2020;5:90–101. Russian.

23. Litvinenko VV. [Offensive operations of Soviet forces in the battle of Moscow. Human losses of the Red Army and Wehrmacht]. *Vestnik Akademii voennykh nauk*. 2022;1:133–141. Russian.

24. Kiselev IV. [Human losses in the battle for the Caucasus 1942–1943: experience of statistical research]. In: Matishov GG, editor. *Velikaya Otechestvennaya voyna v istorii i pamyati narodov Yuga Rossii: sobytiya, uchastniki, simvol'y. Materialy IV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem; 5–8 iyulya 2023 g.; Rostov-na-Donu, Rossiya* [The Great Patriotic War in the history and memory of the peoples of Southern Russia: events, participants, symbols. Proceedings of the 4th All-Russian scientific conference with international participation; 2023 July 5–8; Rostov-on-Don, Russia]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo YuNTs RAN; 2023. p. 192–198. Russian.

25. Arsent'ev NM, Kotkov SK, Skvortsova LG. *Tsena pobedy: khronika bezvozvratnykh poter' zhitelei Respubliki Mordoviya na frontakh Velikoi Otechestvennoi voyny* [The price of the victory: a chronicle of irretrievable losses of residents of the Republic of Mordovia on the fronts of the Great Patriotic War]. Saransk: Krasnyi Oktyabr'; 2005. 223 p. Russian.

26. Bushueva OYu. *Bezvozvratnye lyudskie poteri Kuibyshevskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945 gg.)* [Irreversible human losses of the Kuibyshev region during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Samara: Reaviz; 2012. 187 p. Russian.

27. Skvortsova LG. Combat losses of natives of Kuibyshev Region, Mordovian and Tatar ASSR during the Great Patriotic War (the comparative analysis). *Russian Journal of Economic History*. 2015;3:32–41. Russian.

28. Grevtsova TE, editor. *Voyny i naselenie Yuga Rossii v XVIII – nachale XXI v.: demograficheskie protsessy i posledstviya* [Wars and the population of the South of Russia in the 18th – early 21st centuries: demographic processes and consequences]. Moscow: Rosspen; 2019. 766 p. Russian.

29. Vorobyova VN. The collective portrait of the fatal casualties of Red Army servicemen from the Kalmyk ASSR in 1941–1945 (based on materials of memory «Sanl volumes»). *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2023;1:36–43. DOI: 10.18522/2072-0181-2023-113-36-43. Russian.

30. Litvin AM, Bezlepkin YaP, Voronkova IYu, Dolgotovich BD, Zdanovich VV, Kovalenya AA, et al. *Vklad belorusskogo naroda v Pobedu v Velikoi Otechestvennoi voine* [Contribution of the Belarusian people to the Victory in the Great Patriotic War]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. 493 p. Russian.

31. Glazunov N. [31st Army at the final stage of the Belarusian operation]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 1981;6:41–42. Russian.

32. Bushuev AS. [Those who did not reach Victory. Combat losses in the Red Army during the liberation of Poland in 1944–1945: a prosopographical analysis]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 2024;1:36–43. Russian.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 351.746.1(470 + 571)«1904/1914»

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ ОТДЕЛЬНОГО КОРПУСА ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1904–1914)

А. М. ЛУКАШЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Раскрываются процесс подготовки и содержание мобилизационных планов Отдельного корпуса пограничной стражи Российской империи накануне Первой мировой войны. Определяются место и роль корпуса в составе вооруженных сил государства. Анализируется механизм подготовки мобилизационных планов корпуса, выделяются ее этапы. Описывается содержание мобилизационных планов 2-го (Виленского) и 3-го (Варшавского) пограничных округов, прослеживается их эволюция в течение 1910-х гг. Отмечается, что первоначальные планы корпуса предусматривали преимущественно пассивные (оборонительные) действия (отход от границы в глубь своей территории с одновременным разрушением мостов, переправ, железных дорог и других объектов). Изменения, внесенные в эти планы в 1911–1913 гг., были обусловлены необходимостью учета военно-стратегических замыслов союзников (Франции) и противников (Германии и Австро-Венгрии). Делается вывод о том, что скорректированные к 1914 г. мобилизационные планы корпуса предполагали в случае объявления войны активные действия подразделений пограничной стражи на сопредельной территории (ведение разведки, срыв мобилизации противника, осуществление диверсий и т. д.). В то же время реальный ход событий показал, что действия пограничников в первые недели мировой войны носили гибридный характер и в зависимости от театра военных действий содержали элементы мобилизационного планирования 1900-х и 1910-х гг.

Ключевые слова: Российская империя; Отдельный корпус пограничной стражи Российской империи; Первая мировая война; Германская империя; Австро-Венгерская империя; мобилизационные планы; пограничные бригады.

Образец цитирования:

Лукашевич АМ. Мобилизационные планы Отдельного корпуса пограничной стражи Российской империи и их реализация в начале Первой мировой войны (1904–1914). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2024;4:57–71.
EDN: EFCTAJ

For citation:

Lukashevich AM. Mobilisation plans of a Separate Border Guard Corps of the Russian Empire and their implementation at the beginning of the World War I (1904–1914). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2024;4: 57–71. Russian.
EDN: EFCTAJ

Автор:

Андрей Михайлович Лукашевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Andrei M. Lukashevich, doctor of science (history), full professor; professor at the department of history of Belarus of new and contemporary times, faculty of history.
lukashevand@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5868-8114>

МАБІЛІЗАЦЫЙНЫЯ ПЛАНЫ АСОБНАГА КОРПУСА ПАГРАНІЧНАЙ ВАРТЫ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ І ІХ РЭАЛІЗАЦЫЯ ў ПАЧАТКУ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ (1904–1914)

А. М. ЛУКАШЭВІЧ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Анотацыя. Раскрываюцца працэс падрыхтоўкі і змест мабілізацыйных планаў Асобнага корпуса пагранічнай варты Расійскай імперыі напярэдадні Першай сусветнай вайны. Вызначаюцца месца і роля корпуса ў складзе ўзброеных сіл дзяржавы. Аналізуецца механізм падрыхтоўкі мабілізацыйных планаў корпуса, выдзяляюцца яе этапы. Апісваецца змест мабілізацыйных планаў 2-й (Віленскай) і 3-й (Варшаўскай) пагранічных акруг, прасочваецца іх эвалюцыя на працягу 1910-х гг. Адзначаецца, што першапачатковыя планы корпуса прадугледжвалі пераважна пасіўныя (абарончыя) дзеянні (адыход ад граніцы ў глыб сваёй тэрыторыі з адначасовым разбурэннем мастоў, перапраў, чыгунак і іншых аб'ектаў). Змены, унесеныя ў гэтыя планы ў 1911–1913 гг., былі абумоўлены неабходнасцю ўліку ваенна-стратэгічных задумаў саюзнікаў (Францыі) і сапернікаў (Германіі і Аўстра-Венгрыі). Робіцца выснова аб тым, што скарэктраваныя да 1914 г. мабілізацыйныя планы корпуса прадугледжвалі ў выпадку аб'яўлення вайны актыўныя дзеянні падраздзяленняў пагранічнай варты на сумежнай тэрыторыі (вядзенне разведкі, зрыў мабілізацыі праціўніка, ажыццяўленне дыверсій і г. д.). У той жа час рэальны ход падзей паказаў, што дзеянні пагранічнікаў у першыя тыдні сусветнай вайны мелі гібрыдны характар і ў залежнасці ад тэатра ваенных дзеянняў змяшчалі элементы мабілізацыйнага планавання 1900-х і 1910-х гг.

Ключавыя словы: Расійская імперыя; Асобны корпус пагранічнай варты Расійскай імперыі; Першая сусветная вайна; Германская імперыя; Аўстра-Венгерская імперыя; мабілізацыйныя планы; пагранічныя брыгады.

MOBILISATION PLANS OF A SEPARATE BORDER GUARD CORPS OF THE RUSSIAN EMPIRE AND THEIR IMPLEMENTATION AT THE BEGINNING OF THE WORLD WAR I (1904–1914)

A. M. LUKASHEVICH^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The article reveals the preparation process and content of mobilisation plans of the Separate Border Guard Corps of the Russian Empire on the eve of the World War I. The place and role of the Corps in the armed forces is determined. The mechanism for preparing mobilisation plans of the Separate Border Guard Corps is analysed and its stages are highlighted. The content of the mobilisation plans of the 2nd (Vilna) and 3rd (Warsaw) border districts is revealed, and their evolution during the 1910s is traced. It is noted that the initial plans of the Separate Border Guard Corps provided for predominantly passive (defensive) actions (withdrawal from the border deep into its territory with the simultaneous destruction of bridges, crossings, railways and other objects). Introduced 1911–1913 changes in these plans were due to the need to take into account the military-strategic ideas of the allies (France) and opponents (Germany and Austria-Hungary). It is concluded that the mobilisation plans of the Separate Border Guard Corps, adjusted by 1914, provided for, with the declaration of war, active actions of border guard units in the adjacent territory (conducting reconnaissance, disrupting the mobilisation of the enemy, carrying out sabotage, etc.). At the same time, the actual course of events showed that the actions of the border guards in the first weeks of the World War were of a hybrid nature and, depending on the theater of military operations, contained elements of the mobilisation planning of the 1900s and 1910s.

Keywords: Russian Empire; Separate Border Guard Corps of the Russian Empire; World War I; German Empire; Austro-Hungarian Empire; mobilisation plans; border brigades.

Введение

Обеспечение пограничной безопасности явля-
ется одной из важнейших функций любого госу-
дарства. Отдельный корпус пограничной стражи
Российской империи (далее – ОКПС) (1893–1918) иг-

рал ключевую роль в охране и военном прикрытии
западных границ Российской империи.

В дореволюционное время изучением истории
ОКПС занимался М. П. Чернушевич¹. При этом моби-

¹Материалы к истории пограничной стражи : в 5 ч. / сост. М. П. Чернушевич ; под ред. В. В. Сахарова. СПб. : Тип. штаба Отд. корпуса погран. стражи, 1900–1910. 5 ч.

лизационные планы корпуса в силу их секретности в работе автора даже не упоминались. В советское время деятельность пограничной стражи не являлась предметом изучения специалистов. И только в 1990-х гг. история ОКПС вновь оказалась в центре внимания российских исследователей. В этот период были опубликованы работы А. А. Плеханова и А. М. Плеханова [1–3]. Они значительно расширили общее представление об истории охраны границ империи. В частности, во втором и третьем изданиях монографии появились главы об участии пограничников в Первой мировой войне. В то же время вопросы мобилизационного планирования ОКПС в этих книгах практически не раскрыты [2, с. 41–44].

Впервые планы использования ОКПС в военное время были рассмотрены в третьем томе коллективной монографии «На страже границ Отечества». В нем представлен обобщенный материал о мобилизационной подготовке корпуса, хотя этапы, содержание и специфика этих планов не описываются [4, с. 58–67].

Не нашла должного отражения данная проблема и в кандидатской диссертации А. В. Высотенко, посвященной опыту использования ОКПС в обеспе-

чении безопасности на государственной границе². Довольно поверхностно мобилизационная деятельность в ОКПС отражается и в публикации В. А. Парсукова [5].

В белорусской историографии проблемы охраны и прикрытия границ в начале XX в. в общих чертах были затронуты исследователями пограничной службы (например, А. В. Петренко [6]), однако мобилизационные планы ОКПС ими не рассмотрены.

Целью данной статьи выступает раскрытие процесса подготовки и содержания мобилизационных планов ОКПС в 1904–1914 гг., а также выявление особенностей их реализации в начале Первой мировой войны.

Для достижения указанной цели были решены следующие задачи: показаны механизм подготовки и этапы мобилизационных планов ОКПС; раскрыто содержание мобилизационных планов ОКПС на примере 2-го (Виленского) и 3-го (Варшавского) пограничных округов; выявлены особенности реализации мобилизационных планов ОКПС в начале Первой мировой войны на различных театрах военных действий.

Методология исследования

При подготовке статьи использовались специальные исторические методы (историко-типологический и историко-сравнительный), а также методы военных наук (метод моделирования) и географии (картографический метод). Применение указанных методов позволило рассмотреть изучаемую проблему через призму военно-стратегических планов Российской, Германской и Австро-Венгерской империй и отразить элементы мобилизационного планирования ОКПС (дислокация бригад и отделов 2-го (Виленского), 3-го (Варшавского) и 4-го (Киевского) пограничных округов в Привислинском крае (Польше) в 1914 г.) на авторской карте. Так, обосновано, что в 1900-х гг. Российская империя, действуя на западной границе, руководствовалась исключительно собственными стратегическими интересами. Данный подход нашел отражение в первоначальных мобилизационных планах ОКПС, которые предусматривали преимущественно оборонительные действия (отход от границы в глубь своей территории с одновременным разрушением мостов, переправ, железных дорог и других объектов). Однако в 1910-х гг. в эти планы были внесены некоторые изменения, обусловленные необходимостью учета военно-стратегических планов как союзников (Франции), так и противников (Германии и Австро-Венгрии) [7, с. 79–84]. Скорректированные

к 1914 г. мобилизационные планы ОКПС предполагали в случае объявления войны активные действия подразделений пограничной стражи на сопредельной территории (ведение разведки, срыв мобилизации противника, осуществление диверсий и т. д.). В то же время реальный ход событий показал, что действия пограничников в первые недели войны носили гибридный характер и в зависимости от театра военных действий включали элементы мобилизационного планирования 1900-х и 1910-х гг.

В ходе исследования был использован ряд документальных источников. Обращение к нормативно-правовой базе деятельности ОКПС (инструкции, правила и положения)³ позволило проследить эволюцию взглядов российского военно-политического руководства на использование пограничной стражи в мирное и военное время. Основу исследования составили делопроизводственные материалы ОКПС, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), а именно разведданные об охране границы в Восточной Пруссии (ф. 4888)⁴, приказы за 1910–1912 гг. по 2-му округу ОКПС (ф. 4889)⁵, планы мобилизации 1910–1913 гг., переписка о предоставлении мобилизационных планов бригадами в штаб 3-го округа ОКПС в 1911–1912 гг. (ф. 4890)⁶. Планы штаба Виленского военного округа по мобилизации

²Высотенко А. В. Исторический опыт обеспечения безопасности государственной границы Российской империи Отдельным корпусом пограничной стражи : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М. : Моск. гос. обл. ун-т, 2004. 26 с.

³Инструкция службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи : утв. 7 дек. 1912 г. СПб. : Отд. корпус погран. стражи, 1912. 298 с.

⁴РГВИА. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 19. Л. 15–17 об. ; Там же. Д. 4. Л. 1–19 ; Там же. Опись фонда. С. 1–8.

⁵Там же. Ф. 4889. Оп. 1. Д. 17–19, 25.

⁶Там же. Ф. 4890. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–40, 45–87.

пограничной стражи (1904) были опубликованы в сборнике документов, посвященном Восточно-Прусской операции 1914 г.⁷

Материалы делопроизводства дополнены мемуарными свидетельствами современников (В. А. Сухомлинов [8], Б. М. Шапошников [9], П. П. Маковой⁸). Так, в воспоминаниях Б. М. Шапошникова (в 1914 г.

являлся штаб-офицером 14-й кавалерийской дивизии) и поручика пограничной стражи П. П. Макового приводятся подробности о действиях подразделений 14-й пограничной Ченстоховской бригады в первые дни мировой войны.

Все даты в статье приведены по юлианскому календарю.

Основная часть

Определение места и роли ОКПС в военное время. Накануне Первой мировой войны на ОКПС, который находился в ведении Министерства финансов Российской империи, возлагались задачи по охране государственной границы [2, с. 166–193]. В это время на внешней границе были сосредоточены различные военизированные формирования. ОКПС взаимодействовал с военным, морским и таможенным ведомствами, корчемной и земской стражей, отдельным корпусом жандармов, полицией и гражданскими властями [2, с. 193–200]. Порядок взаимодействия с каждой из служб был определен в документе «Инструкция службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи» (1912).

К началу Первой мировой войны непосредственное руководство корпусом в 1908–1917 гг. осуществлял генерал-лейтенант (с 1911 г. – генерал от инфантерии) Н. А. Пыхачев (рис. 1).

В состав корпуса, помимо управления и штаба, входили 8 округов ОКПС⁹ (включая Заамурский ок-

руг): 5 округов находились на западной границе, 2 округа были на южной границе, 1 округ располагался на границе с Китаем. Каждый округ имел структуру бригада – отдел – отряд – пост [2, с. 31].

Участок западной границы охраняли 3 округа ОКПС, которые в 1909 г. охватывали 16 бригад. Например, 2-й (Виленский) округ включал 5-ю Горждинскую, 6-ю Таурогенскую, 7-ю Вержболовскую, 8-ю Граевскую и 9-ю Ломжинскую бригады, 3-й (Варшавский) округ – 10-ю Рыпинскую, 11-ю Александровскую, 12-ю Калишскую, 13-ю Велюнскую, 14-ю Ченстоховскую и 15-ю Новобржескую бригады, 4-й (Житомирский (с 1900 г.), Киевский (с 1903 г.)) округ – 16-ю Сандомирскую, 17-ю Томашовскую, 18-ю Волынскую, 19-ю Волочинскую и 20-ю Хотинскую бригады¹⁰ [2, с. 33].

Протяженность участков, охраняемых округами и бригадами ОКПС, зависела от объема задач и уровня криминогенности на границе. Так, под контролем 2-го (Виленского) округа было 1215 верст, под контролем 3-го (Варшавского) округа – 1027 верст. При этом протяженность дистанций варьировалась от 111 верст у 6-й Таурогенской бригады до 709 верст у Рижской бригады [2, с. 31, 270]. В целом к началу Первой мировой войны в ОКПС насчитывалось свыше 38 тыс. служащих (а с учетом Заамурского округа их было более 60 тыс.) [2, с. 28–29].

В случае войны ОКПС входил в общий план мобилизации государства и должен был выставить боевые части во всех округах [2, с. 42]. Взаимодействие пограничников с военным ведомством регулировалось документом «Правила об организации и употреблении пограничной стражи в случае войны» (1899). Впоследствии данная инструкция получила две новые редакции: в 1909 г. она была опубликована под названием «Положение об организации службы Отдельного корпуса пограничной стражи в военное время», в 1913 г. – под названием «Положение об организации и употреблении пограничной стражи в случае войны»¹¹.

В документах было определено, что с объявлением мобилизации части ОКПС переходили из подчинен-

Рис. 1. Генерал от инфантерии Николай Аполлонович Пыхачев (1851–1932). Фотография (в чине генерал-майора). 1896. Источник: <https://ria1914.info>

Fig. 1. Infantry general Nikolai Apollonovich Pykhachev (1851–1932). Photo (with the rank of major general). 1896. Source: <https://ria1914.info>

⁷Восточно-Прусская операция : сб. док. М. : Воениздат, 1939. С. 93–94.

⁸Маковой П. П. 14-й пограничный конный полк в 1914 году // Воен. былль. 1970. № 104. С. 20–23 ; 1970. № 105. С. 11–17 ; 1970. № 106. С. 26–33.

⁹С 1909 г. округа ОКПС стали называться пограничными округами.

¹⁰РГВИА. Ф. 4888. Опись фонда. С. 1–8.

¹¹Там же. Ф. 4890. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–2.

ния своего шефа – министра финансов – в ведение военного (сухопутные части) или морского (морские суда флотилии ОКПС) ведомств. При этом мобилизация осуществлялась в соответствии с документом «Инструкция службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи» (1912).

Разработка мобилизационных планов ОКПС.

В начале XX в. подготовкой мобилизационных планов в Российской империи занимался Главный штаб (с 1905 г. – Главное управление Генерального штаба) Военного министерства Российской империи, а на местах за это отвечали штабы военных округов. Последние в своих планах определенную роль отводили и частям пограничной стражи. Кроме того, штабы военных округов выполняли задачу по военной подготовке офицерского состава ОКПС.

Разработка мобилизационных планов в округах ОКПС началась в 1900-х гг. При составлении планов использовался специальный перечень, подготовленный штабом корпуса 2 июля 1901 г.¹² В документе определялось, что с началом мобилизации пограничные части переходят в подчинение командования того или иного военного округа.

Задачи пограничной стражи 2-го (Виленского) округа ОКПС на случай войны с Германией разработал в феврале 1904 г. генерал-майор А. П. Шевцов (рис. 2). В 1899–1904 гг. он занимал должность генерал-квартирмейстера штаба Виленского военного округа¹³.

Впоследствии при составлении мобилизационных планов штабы военных округов тесно взаимодействовали со штабами пограничных округов. Разработанные ими планы обычно включали несколько документов: мобилизационную записку (отчет) с информацией о боевых задачах, численности и подготовке войск¹⁴, мобилизационные планы бригад¹⁵, сведения о местонахождении штабов отделов¹⁶, складов мобилизационных вещей¹⁷, раскладки о поставке лошадей по мобилизации¹⁸, инструкции о порядке передачи¹⁹ и содержании информации, которая подлежала отправке при объявлении мобилизации и т. д.²⁰

Штабы военных округов определяли задачи пограничных частей на предвоенный период и начальный военный период (в пределах своего округа) и доводили их до командиров бригад. По указанию командующего войсками округа разрабатывался документ «Соображения о действиях бригад округов ОКПС в случае войны». Затем на его основе составлялись

мобилизационные записки бригад²¹ [4, с. 58]. Такой порядок разработки мобилизационных документов должен был обеспечить в начале войны слаженные, высокоэффективные и решительные действия пограничной стражи.

Рис. 2. Генерал от инфантерии Александр Прохорович Шевцов (1853–1918). Фотография (в чине генерал-майора). 1904. Источники: Летопись войны с Японией / ред. Д. Н. Дубенский. СПб. : Д. Н. Дубенский, 1904. № 40. С. 765

Fig. 2. Infantry general Aleksandr Prokhorovich Shevtsov (1853–1918). Photo (with the rank of major general). 1904. Source: Chronicle of the war with Japan / ed. D. N. Dubenskii. Saint Petersburg : D. N. Dubenskii, 1904. No. 40. P. 765

Мобилизационный план 3-го (Варшавского) пограничного округа²² (1910) был разработан с учетом документа «Положение об организации службы Отдельного корпуса пограничной стражи в военное время» (1909) и предписаний командира корпуса от 25 января 1910 г.

Проект данного мобилизационного плана состоял из 37 разделов. Наиболее важными были первые 6 разделов: «Передача приказа о мобилизации по всем постам части "План передачи приказа о мобилизации"», «Мобилизация на постах (кордонах), в отряде, отделе и штабах бригад и округа», «Порядок охраны границы при мобилизации», «Расквартирование отрядов на отрядных сборных пунктах, сборных пунктах сотен; меры к обеспечению квартирным довольствием и пр.», «О личном составе частей,

¹²РГВИА. Ф. 4890. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–2.

¹³Восточно-Прусская операция... С. 93–94.

¹⁴РГВИА. Ф. 4890. Оп. 1. Д. 4.

¹⁵Там же. Д. 6 ; Там же. Д. 44. Л. 45–87.

¹⁶Там же. Д. 12.

¹⁷Там же. Д. 5.

¹⁸Там же. Д. 8, 11.

¹⁹Там же. Д. 7.

²⁰Там же. Д. 20.

²¹Там же. Л. 5 об.

²²Там же. Д. 44. Л. 1–40.

сравнение штатов мирного и военного времени: организация частей», «Командировка чинов для надобностей мобилизации»²³.

В мобилизационном плане округа подробно были расписаны сведения, касающиеся личного состава (раздел «Возвращение командированных и отпускных») и его вооружения (раздел «Вооружение нижних чинов, шанцевый инструмент»), мобилизации и использования конского состава (раздел «Пополнение лошадьми, взимаемыми от населения по реквизиции»), обеспечения провиантом и фуражом (раздел «Обеспечение хлебом, сухарями (4-дневный запас) и продовольствием вообще»), обмундирования, снаряжения и денежного довольствия (раздел «Обмундирование и снаряжение людей, конное снаряжение лошадей, строевых – штатное, и добываемых верховых вьючных и обозных»), организации медицинской, санитарной и ветеринарной частей (раздел «Устройство медицинской и санитарной части») и др.²⁴

Первоначальный вариант этого плана «как незаконченный вследствие неполучения ответов от запрошенных лиц и учреждений и, главное, не согласованный с предписаниями командира корпуса (от 26 апреля 1910 г. – А. Л.)» не был утвержден²⁵. Генерал-лейтенант Н. К. Кононов (возглавлял штаб корпуса в 1906–1917 гг.) сообщил об этом 8 июня 1910 г. генерал-майору М. Д. Китченко (являлся на-

чальником 3-го (Варшавского) округа в 1909–1911 гг.) (рис. 3) и поручил ему доработать документ.

Корректировка мобилизационного плана 3-го пограничного округа растянулась еще на два года. На этот раз она велась с учетом общего оперативного замысла Франции и России и вероятных действий Германии и Австро-Венгрии [7, с. 79–84; 8, с. 216–218].

По приказу командира корпуса генерала Н. А. Пыхачева 4 апреля 1911 г. в пограничные бригады был разослан проект наставления для мобилизации частей ОКПС²⁶. В нем предписывалось составить мобилизационные планы «во всем согласно с означенным проектом наставления»²⁷. После годового испытательного срока начальники округов представляли свои замечания и дополнения.

В течение июня 1911 – января 1912 г. были разработаны мобилизационные планы всех бригад 3-го пограничного округа²⁸. Начальник штаба ОКПС генерал Н. К. Кононов 10 февраля 1912 г. направил в штаб округа специальный документ «Ведомость пунктам, в коих находятся военные и гражданские власти, подлежащие оповещению в случае высочайшего повеления о мобилизации армии», исправленный по состоянию на 1 января 1912 г.²⁹ Положения данного документа также следовало учесть в мобилизационных планах.

Содержание мобилизационных планов ОКПС.

В записке, составленной в феврале 1904 г. генералом А. П. Шевцовым на случай войны с Германией, впервые были определены задачи пограничной стражи 2-го (Виленского) округа ОКПС. С объявлением мобилизации планировалось сформировать «для службы при корпусах и крепостях» 4 полка пограничной стражи (из состава Горждинской, Таурогенской, Вержболовской и Граевской бригад)³⁰.

В таком случае пограничная стража распределялась по корпусам и крепостям следующим образом: к Либавской крепости были приписаны 1 сотня и 1 рота Горждинской бригады (формировались из 1-го отдела бригады), к Шавельскому отряду – 3 сотни и 3 роты Горждинской бригады (формировались из 2–4-го отделов бригады) и 2 сотни и 2 роты Таурогенской бригады (формировались из 1–2-го отделов бригады), к Ковенской крепости – 2 сотни и 2 роты Таурогенской бригады (формировались из 3-го и 4-го отделов бригады) и 2 сотни и 2 роты Вержболовской бригады (формировались из 1–2-го отделов бригады), к 3-му армейскому корпусу – 2 сотни и 2 роты Вержболовской бригады (формировались из 3-го и 4-го отделов бригады), 1 сотня и 1 рота Граевской бригады (формировались из 1-го отдела бригады), к 2-му армейскому корпусу –

Рис. 3. Начальник 3-го (Варшавского) округа ОКПС генерал-майор

Михаил Дмитриевич Китченко (1857–1931).

Фотография. 1909.

Источник: <https://ria1914.info>

Fig. 3. Head of the 3rd (Warsaw) district of the Separate Border Guard Corps major general Mikhail Dmitrievich Kitchenko (1857–1931).

Photo. 1909.

Source: <https://ria1914.info>

²³РГВИА. Ф. 4890. Оп. 1. Д. 44. Л. 24 об. – 27.

²⁴Там же. Л. 27–40.

²⁵Там же. Л. 41–41 об.

²⁶Там же. Л. 42.

²⁷Там же. Л. 42 об. – 43.

²⁸Там же. Л. 45–87.

²⁹Там же. Л. 82–82 об., 83–91 об.

³⁰Восточно-Прусская операция... С. 93.

1 сотня и 1 рота Граевской бригады (формировались из 2-го отдела бригады), к Осовецкой крепости – 2 сотни и 2 роты Граевской бригады (формировались из 3-го и 4-го отделов бригады)³¹.

С началом военных действий на пограничную стражу должны были возлагаться следующие задачи:

- охрана пограничной полосы посредством укрепления, если это необходимо, на естественных рубежах, дефиле и других важнейших пунктах на ближайших участках к границе;
- высылка разъездов для разведки о противнике немедленно после объявления мобилизации;
- участие в охране ближайших к границе искусственных сооружений, таможенного имущества, складочных и сборных пунктов;
- поддержание порядка среди местного не вполне благонадежного населения;
- задержание возвращающихся в Германию с российской территории резервистов и ландверистов;
- нанесение как можно большего вреда противнику путем уничтожения искусственных сооружений, воспрепятствования сбору запасных и лошадей и уничтожения складов продовольствия и др.³²

Для выполнения указанных задач при мобилизации конные части пограничной стражи собирались по отрядам, поддерживая связь с помощью разъездов. Одновременно они должны были вести наблюдение за теми же участками границы, что и в мирное время. Для разведки противника и уничтожения искусственных сооружений высылались летучие разъезды.

Пешие роты, в свою очередь, должны были быть на сборные пункты, указанные в мобилизационных расписаниях. Данные роты служили ближайшей поддержкой для действующих впереди конных частей пограничной стражи. От пеших рот планировалось высылать команды для конвоирования казенного имущества, отправляемого на территорию империи, и охраны различных сооружений на границе. Для обеспечения собственной охраны роты должны были выставять заставы и отдельные посты. Для связи с конными частями каждая рота имела несколько конных стражников³³.

В первый день мобилизации передовые пограничные части должны были установить связь с прибывающими к границе пехотными авангардами с помощью постов летучей почты (выставлялись распоряжением командиров сотен). Расстояние между постами (конными, пешими или на телегах) состав-

ляло от 5 до 12 верст в зависимости от состояния дорог, численность постов была 4–8 человек. Снятие постов осуществлялось по приказу командира сотни или под давлением противника. В своей деятельности посты должны были руководствоваться Уставом полевой службы³⁴.

Порядок отправки донесений начальникам отрядов, в распоряжение которых поступала пограничная стража, был следующим: срочные донесения следовало отправлять с наступлением сумерек и с рассветом, экстренные донесения требовали немедленной отправки.

В случае появления значительных сил противника пограничники должны были отходить назад, продолжая вести разведку. При этом в их обязанности вменялось затруднять наступление неприятеля посредством порчи дорог, уничтожения мостов и бродов, а также создания препятствий³⁵.

Таким образом, по мобилизационным планам 1904 г. задачи пограничной стражи носили преимущественно пассивный (оборонительный) характер, а основными подразделениями стражи в военное время становились сотни и роты (могли выделять летучие разъезды, заставы и посты).

Впоследствии в мобилизационные планы округов ОКПС, дислоцированных на западной границе империи, были внесены изменения. Они касались характера действий пограничных бригад и их подразделений³⁶. Остановимся более подробно на проекте мобилизационного плана 1910 г., разработанного штабом 3-го (Варшавского) пограничного округа. В документе предусматривалось, что с объявлением мобилизации охрана границы прекращалась, а подразделения округа сосредоточивались на сборных пунктах сотен. Возобновление охраны границы могло быть начато по особому распоряжению военного начальства. Однако вопрос о том, каким образом она будет производиться, оставался открытым³⁷. С началом мобилизации штабы пограничных округов и бригад подлежали расформированию (о чем командованию докладывалось в течение одного – трех дней)³⁸.

Сухопутные пограничные бригады формировали отдельные конные и пешие сотни (с передачей личного состава в военное ведомство)³⁹. Так, после получения красного конверта (в нем содержалась информация о начале мобилизации и порядке действий) начальники постов снимали объездчиков и стражников с охраны границы. В течение дня они прибывали на

³¹Восточно-Прусская операция... С. 93.

³²Там же. С. 93–94.

³³Там же. С. 94.

³⁴Устав полевой службы и наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия : выс. утв. 10 апр. 1904 г. : в отмену проекта Устава полевой службы и наставления для действия в бою отрядов из всех родов оружия изд. 1901 г. СПб. : В. Березовский, 1907. 257 с.

³⁵Восточно-Прусская операция... С. 94.

³⁶РГВИА. Ф. 4889. Оп. 1. Д. 17–19, 25.

³⁷Там же. Ф. 4890. Оп. 1. Д. 44. Л. 22.

³⁸Там же. Л. 19.

³⁹Там же. Л. 16, 21 об.

сборный пункт отряда, что позволяло «обеспечить скорейшее поступление нижних чинов под фактическое и личное командование... офицеров»⁴⁰. Затем пограничники отправлялись на сборные пункты сотен, где происходило их объединение и слаживание⁴¹.

Каждый отдел обычно формировал 1 конную сотню (объездчики) и 1 пешую сотню (стражники и объездчики без лошадей). Они получали собственные наименования (например, 1-я пешая Ченстоховская сотня, 2-я конная Александровская сотня). На сборных пунктах происходило вооружение и снабжение пограничников, а также пополнение частей лошадьми и перевозочными средствами.

С началом войны пограничные бригады выставляли по 8 сотен (4 пешие и 4 конные сотни). Так, 3-й (Варшавский) округ формировал 24 конные и 24 пешие сотни⁴². Они должны были оставаться на границе и только при угрозе наступления превосходящих сил противника могли отступать в глубь империи. Одновременно пограничники должны были применять тактику выжженной земли: уничтожать провиант, фураж, перевозочные средства, портить железнодорожные пути, мосты и даже тоннели⁴³. Подобные действия были призваны замедлить наступление противника и в то же время позволить своему командованию завершить мобилизационные мероприятия.

Так, под начальством старшего из командиров 1-я конная и 1-я пешая сотни 10-й Рыпинской бригады (рис. 4) после выполнения задач по разрушению железнодорожных сооружений на станциях Млава и Конопки должны были отходить, производя разведку, в крепость Зегрж (упразднена в августе 1910 г.). Там они поступали в распоряжение коменданта крепости. Под начальством старшего из командиров 2-я конная и 2-я пешая рыпинские сотни должны были отходить со сборных пунктов, производя разведку, к крепости Новогеоргиевск, где поступали в распоряжение ее коменданта. Затем эти сотни должны были отойти на ст. Цеханов, где 2-я пешая сотня сменяла части 32-го полка по охране железной дороги. Оставив 1-й взвод при 2-й пешей сотне, 2-я конная сотня отходила к Новогеоргиевской крепости. Под командованием старших офицеров 3-я и 4-я конные и 3-я и 4-я пешие рыпинские сотни должны были отходить со своих сборных пунктов к г. Плоцку. При этом пограничники производили разведку и сообщали сведения начальнику 1-й стрелковой бригады, в подчинение которого они переходили. По прибытии в г. Плоцк сотни поступали под общее командование старшего в чине пограничного офицера⁴⁴.

Производя разведку, 4 конные и 4 пешие сотни 11-й Александровской бригады и все сотни 12-й Калишской бригады (за исключением 4-й пешей сотни) (см. рис. 4) отходили со своих сборных пунктов к ст. Красневицы. Разведданные они посылали начальнику 1-й стрелковой бригады в г. Кутно. После прибытия к ст. Красневицы эти 15 сотен должны были сформировать Красневицкий пограничный отряд в составе 8 конных сотен (под начальством старшего из командиров 11-й и 12-й пограничных бригад) и 7 пеших сотен (под начальством младшего из командиров). Общее командование пограничным отрядом возлагалось на старшего из командиров бригад. Кроме того, на первые 2 пешие сотни, а также все конные александровские сотни возлагалась задача по разрушению участка железной дороги от ст. Александрово до ст. Красневицы⁴⁵.

В свою очередь, 4 конные и 4 пешие сотни 13-й Велюнской бригады (см. рис. 4) и 4-я пешая Калишская сотня со своих сборных пунктов должны были следовать, производя разведку, к г. Серадзу (под начальством старшего из командиров). На 4-ю пешую Калишскую сотню возлагалась задача по разрушению железнодорожных сооружений от п. Щипиорно до г. Калиша. Однако из-за неудобства выполнения этой боевой задачи пешими людьми предлагалось возложить ее на 4-ю конную сотню. После сосредоточения всех 9 сотен в г. Серадзе общее начальство над Серадзским пограничным отрядом принимал командир 13-й Велюнской бригады. Затем он вскрывал особый конверт и выполнял указанную в нем задачу⁴⁶.

Все конные и пешие сотни 14-й Ченстоховской бригады (см. рис. 4), за исключением полусотни 1-й конной сотни, которая должна была следовать в г. Ченстохов в распоряжение командира 8-го стрелкового полка для охраны железнодорожного участка от г. Ченстохова до г. Новорадомска, сосредоточивались на сборных пунктах (под начальством старших из командиров). Затем 1-й и 2-й конным и 1-й и 2-й пешим сотням следовало отходить, проводя разведку, через г. Ченстохов к г. Новорадомску, а 3-й и 4-й конным сотням и 3-й и 4-й пешим сотням – прямо к г. Новорадомску. Там они поступали под общее начальство командира 14-й пограничной бригады. Со времени формирования сотен их командиры подчинялись начальнику 2-й стрелковой бригады и посылали ему донесения в г. Кельцы (Кельце). На ченстоховские сотни возлагались задачи по разрушению железнодорожных сооружений у станций Гербы, Граница, Сосновицы (Сосновец) и на участке железной дороги от ст. Гербы до ст. Трапезура и от ст. Сосновицы (германская

⁴⁰РГВИА. Ф. 4890. Оп. 1. Д. 44. Л. 22.

⁴¹Там же. Л. 22–23.

⁴²Там же. Л. 23 ; Там же. Д. 20. Л. 8 об.

⁴³Там же. Д. 44. Л. 24 об.

⁴⁴Там же. Л. 23–23 об.

⁴⁵Там же. Л. 23 об.

⁴⁶Там же. Л. 23 об. – 24.

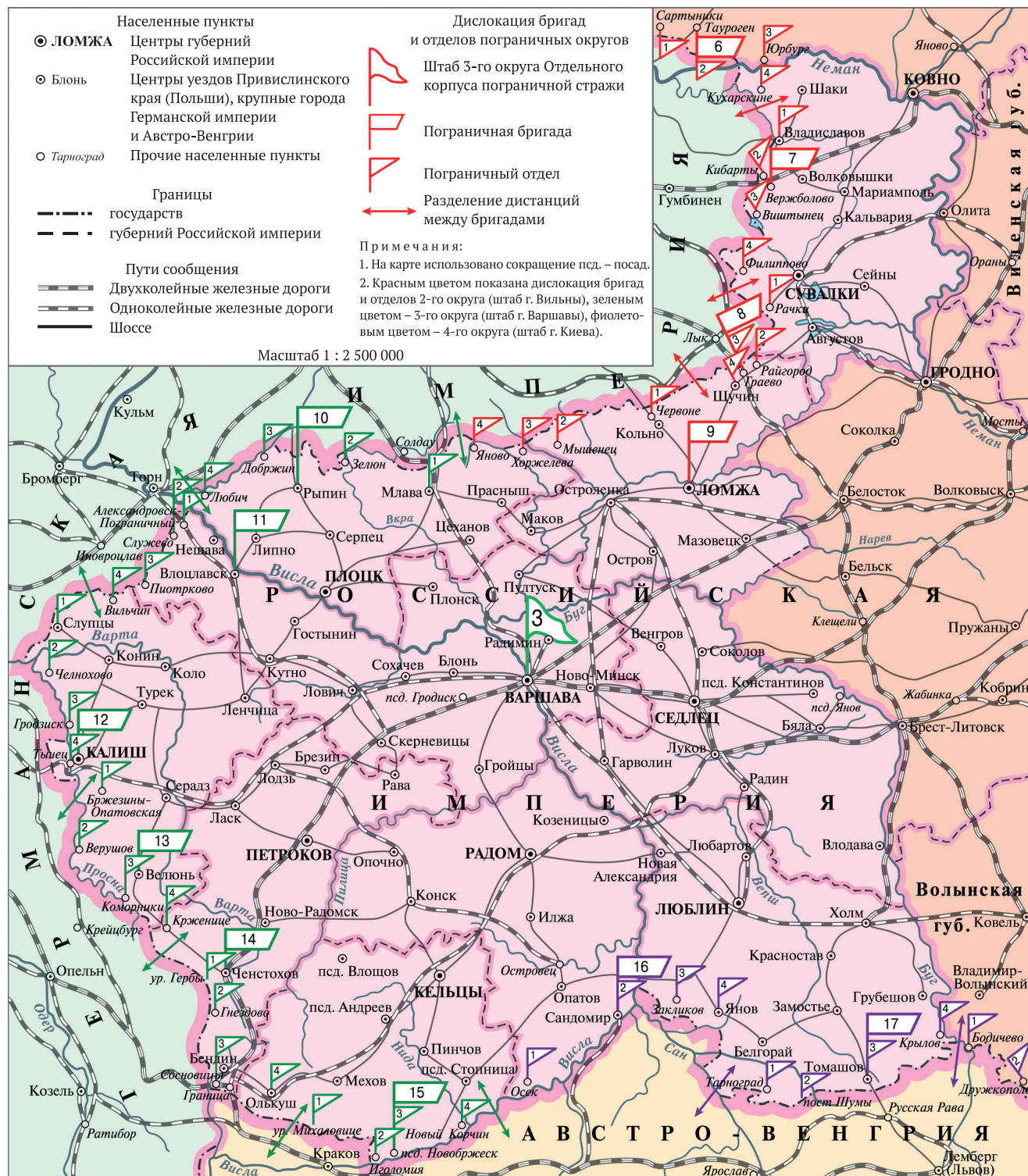

Рис. 4. Карта дислокации бригад и отделов 2-го (Виленского), 3-го (Варшавского) и 4-го (Киевского) пограничных округов в Привислинском крае (Польша) в 1914 г. (составлено по данным РГВИА (Ф. 4888. Оп. 1. Д. 19. Л. 15–17 об. ; Ф. 4890. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–40, 45–87))

Fig. 4. Map of the dislocation of brigades and departments of the 2nd (Vilna), 3rd (Warsaw) and 4th (Kyiv) border districts in the Vistula Region (Poland) in 1914 (compiled according to the data of the Russian State Military Historical Archive (Fund 4888. Regist. 1. Case 19. Sheets 15–17 verso; Fund 4890. Regist. 1. Case 44. Sheets 1–40, 45–87))

Рис. 5. Мысловицы (Мысловице) – угол трех империй.
Памятная открытка (почтовая карточка).

Германия. 1902.
Из коллекции М. Тренихина.
Источник: <https://sammlung.ru/?p=36689>
Fig. 5. Myslowice – the corner of three empires.
Memorial card (postcard).
Germany. 1902.
From the collection of M. Trenikhin.
Source: <https://sammlung.ru/?p=36689>

Рис. 6. Мысловицы (Мысловице) – угол трех империй.
Памятная открытка (почтовая карточка).

Германия. 1902.
Из коллекции М. Тренихина.
Источник: <https://sammlung.ru/?p=36689>
Fig. 6. Myslowice – the corner of three empires.
Memorial card (postcard).
Germany. 1902.
From the collection of M. Trenikhin.
Source: <https://sammlung.ru/?p=36689>

граница) до ст. Граница (австро-венгерская граница) (рис. 5 и 6)⁴⁷.

В этом треугольнике находился так называемый угол трех империй (или угол трех императоров) – стык границ Российской, Германской и Австро-Венгерской империй. Он образовался в 1846 г. после аннексии Австрийской империей г. Кракова. Географически точка стыка располагалась в месте слияния рек Черная Пшемша и Белая Пшемша (сегодня данная местность относится к Силезскому воеводству в Польше). Ближайшими населенными пунктами были м. Сосновицы с российской стороны и м. Мысловицы с германской стороны (сейчас они входят в агломерацию Катовице). Две реки – Черная Пшемша и Белая Пшемша – разделяли населенные пункты Граница (Россия), Катовицы (Австрия) и Мысловицы (Германия).

С конца XIX в. данная местность привлекала многих туристов, в основном из Германии. Сувениры, которые там продавались, были преимущественно немецкого производства и предназначались для немцев. Чрезвычайной популярностью пользовались фотографии и открытки с изображением стыка трех империй и монархов трех стран (см. рис. 5 и 6).

В свою очередь, 1-я и 2-я конные, 1-я и 2-я пешие сотни 15-й Новобржеской бригады (см. рис. 4) отходили со своих сборных пунктов (под начальством старших командиров), производя разведку, к ст. Мехов. До прибытия саперов они должны были охранять Меховский тоннель, а затем участвовать в его разрушении. После выполнения задачи указанные сотни отходили к г. Андрееву, где охраняли сборный пункт, а потом следовали к г. Кельцы. Сотни должны были подчиняться начальнику 2-й стрелковой бригады. На части 1-й конной сотни возлагалась задача по разрушению железнодорожных сооружений на станциях Ключе и Вольбром. После сосредоточения на сборных пунктах 3-я и 4-я конные сотни отходили под начальством старшего из командиров, производя разведку, через города Пинчев и Буск в г. Кельцы. Эти сотни также поступали под командование начальника 2-й стрелковой бригады. После прибытия всех новобржеских сотен в г. Кельцы начальство над ними принимал командир 15-й пограничной бригады⁴⁸.

Задача по организации Новорадомского и Келецкого отрядов (каждый из них включал 8 сотен – 4 пешие и 4 конные) возлагалась на командиров 14-й и 15-й пограничных бригад. Вопрос о формировании штабов Красневицкого, Серадзского, Новорадомского и Келецкого отрядов оставался открытым⁴⁹.

В плане 3-го округа большое внимание уделялось командированию чинов для надобности мобилизации. Оно осуществлялось в следующих случаях:

- для выполнения боевых задач (разрушение железнодорожных сооружений, охрана железных дорог);

⁴⁷РГВИА. Ф. 4890. Оп. 1. Д. 44. Л. 24.

⁴⁸Там же. Л. 24–24 об.

⁴⁹Там же. Л. 24 об.

- получения по реквизиции лошадей, повозок и комплектов упряжи;
- отправки ценного имущества за пределы Варшавского военного округа;
- конвоирования имущества таможен, вывозимого на железные дороги;
- получения подвод для своза ценного имущества и больных в госпитали военного ведомства или гражданские лечебные заведения;
- развозки красных пакетов с телеграммами с объявлением мобилизации⁵⁰.

Объездчики, командированные с красными пакетами, получив известия о мобилизации, немедленно выезжали из пунктов своего расположения (поста). Они снаряжались как «разъездные на тревогу без походного содержания» в случае, если пункты, в которые они следуют, находятся недалеко и они могут вернуться раньше, чем мобилизованная команда уйдет с поста на сборный пункт отряда или сотни. Если по дальности расстояния объездчики не успевали вернуться на пост, они получали полное походное снаряжение («с полным вьюком») и после выполнения задания должны были присоединяться к своим частям на сборном пункте сотни⁵¹.

В целом задачи, ставившиеся перед пограничной стражей по планам 1910 г., существенно не изменились по сравнению с планами 1904 г. В обязанности пограничников по-прежнему входили охрана приграничной полосы путем занятия важнейших пунктов, ведение разведки, участие в охране приграничных сооружений, нанесение вреда противнику путем уничтожения сооружений и складов, препятствие сборам резервистов и лошадей. Изменения касались преимущественно структуры формируемых подразделений: вместо рот в планах 1910 г. появились пешие сотни, а также сводные отряды (состоявшие из пеших и конных сотен). Кроме того, меньше внимания уделялось поддержанию порядка среди местного населения.

Доработка мобилизационных планов в 1911–1913 гг. предполагала появление новых элементов. В 1910-х гг. окончательно сформировались оперативные планы сторон: Германия делала ставку на быстрый разгром Франции, а затем России, российская же армия должна была сковать германские силы в Восточной Пруссии и тем самым оттянуть ее войска с французского театра военных действий⁵², а также нанести поражение Австро-Венгрии в Галиции [7, с. 79–84]. Именно поэтому в документе «Соображения о действиях бригад округов ОКПС в случае войны» [4, с. 59–64] изменились приоритеты в задачах, а также средства их реализации. В частности, с началом мобилизации пограничники должны были оставаться на прежних местах. При этом разрешалось «выпрямлять» (улучшать) свое распо-

ложение и занимать выгодные пункты (для наблюдения за противником). Одновременно допускалось неглубокое проникновение на сопредельную территорию [4, с. 63].

Пограничники также привлекались к охране железных дорог [4, с. 64]. С этой целью еще в проекте плана округа 1910 г. предусматривалось командирование пограничников. Так, 10-я Рыпинская бригада направляла 3 конных отделения в 3 пункта Млавского участка Привислинской железной дороги, 11-я Александровская бригада – 5 конных отделений в 4 пункта Александровского участка Варшавско-Венской железной дороги, 12-я Калишская бригада – 5 конных отделений в 5 пунктов Калишского участка Варшавско-Венской железной дороги, 13-я Велюнская бригада – 6 конных отделений в 4 пункта Варшавско-Венской железной дороги, 14-я Ченстоховская бригада – 11 конных отделений в 10 пунктов Варшавско-Венской железной дороги, 15-я Новобржеская бригада – 13 конных отделений в 13 пунктов Ивангород-Домбровского участка Ивангород-Домбровской железной дороги. От 6 бригад 3-го (Варшавского) пограничного округа планировалось командировать 43 конных отделения (по 6 человек в каждом), что составляло более 2 сотен⁵³.

Наибольшее внимание в документе уделялось срыву или максимальному замедлению мобилизации противника. Для действий на сопредельной территории во всех бригадах предусматривалось создание летучих разъездов (численностью до 70 человек). Так, от 3-го (Варшавского) округа на германской территории должны были действовать 23 летучих разъезда (до 894 конников) [4, с. 60].

Сроки пребывания данных разъездов на сопредельной территории составляли от двух до четырех суток и зависели от выполнения поставленных задач или обнаружения сильного натиска противника. На обратном пути разъезды должны были наносить врагу максимальный вред. Кроме того, в документе были конкретизированы способы ведения разведки (которая также возлагалась на летучие разъезды) и передачи данных (с помощью линий летучей почты) [4, с. 64–65].

Перед некоторыми пограничными бригадами стояла задача по охране имущества и его конвоированию в безопасные места [4, с. 66]. Например, проект мобилизационного плана 1910 г. предусматривал, что для конвоирования имущества таможен до железных дорог по особому соглашению командиров бригад с начальниками таможенных округов назначалось не более трех человек на каждую таможню⁵⁴.

Для отправки ценного имущества за пределы Варшавского военного округа с каждого поста и штаба (команды) до сборного пункта сотен также планировалось

⁵⁰РГВИА. Ф. 4890. Оп. 1. Д. 44. Л. 24 об. – 25.

⁵¹Там же. Л. 26 об.

⁵²Там же. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–19.

⁵³Там же. Ф. 4890. Оп. 1. Д. 44. Л. 25–26.

⁵⁴Там же. Л. 26–26 об.

командировать по два человека. Они конвоировали имущество постов, семьи офицеров и сверхсрочных вахмистров (отправлялись с поста на двух-трех подводах). Со сборного пункта сотен выставлялось уже по три человека с обозом. Они сопровождали семьи и имущество до станций Цеханов (Рыпинская бригада), Кутно (Александровская, Калишская бригады и 1-й отдел Велюнской бригады), Новорадомск (2–4-й отделы Велюнской бригады и Ченстоховская бригада), Андрейев (Новобржеская бригада). Из штабов брига на эти станции направлялось еще по одному офицеру. Они должны были принять ценное имущество от старшего конвойного и сдать его для отправки в г. Смоленск⁵⁵.

Таким образом, в доработанных документах мобилизационного планирования 1911–1913 гг. более подробно определялись сроки, характер и порядок действий летучих разъездов на сопредельной территории, механизм создания и функционирования линий летучей почты, а также порядок командирования чинов в случае мобилизации.

Реализация мобилизационных планов. После объявления 17 июля 1914 г. мобилизации в первых 4 пограничных округах [8, с. 290–295] были приняты меры по прикрытию границы и обеспечению развертывания войск. Приказы о мобилизации из округов поступили в бригады, а также в отряды и на посты. В соответствии с предписаниями начальники постов вывели личный состав на сборные пункты отряда, а затем на сборные пункты сотен (конных или пеших).

Приведем воспоминания Б. М. Шапошникова о начале мобилизации в 14-й Ченстоховской бригаде. Еще 15 июля 1914 г. в г. Ченстохове началась эвакуация семей военных, в том числе пограничников. После получения 17 июля телеграммы о начале общей мобилизации пограничные посты были свернуты в пешие и конные сотни. Офицерам штаба 14-й пограничной бригады 19 июля было поручено провести мобилизацию на сборном пункте в г. Ченстохове [9, с. 246].

Как и предусматривалось в проекте плана 1910 г., с началом мобилизации охрана границы была приостановлена. Пограничные сотни, развернутые по общеармейским штатам, были переданы под начальство военного ведомства. Так, пешие сотни перешли в подчинение командиров пехотных бригад (дивизий) и комендантов Ковенской (2-й округ), Осовецкой, Новогеоргиевской (3-й округ) и Ковельской (4-й округ) крепостей. Например, 2-я пешая Граевская сотня была передана под начальство командира 104-го Устюжского полка. В свою очередь, конные сотни стали подчиняться начальникам кавалерийских бригад (дивизий) [2, с. 207]. Одновременно 3 пограничных округа были упразднены (личный состав 2-го и 3-го округов перешел в подчинение Северо-

Западного фронта, а личный состав 4-го округа – в подчинение Юго-Западного фронта) [4, с. 67].

В военные и пограничные округа 20 июля 1914 г. поступила телеграмма от военного министра (об объявлении Германией войны). Командующие армиями (бывшие начальники военных округов) получили право самостоятельно начать военные действия. За Австро-Венгрией следовало «зорко следить и при первых враждебных действиях на таковые отвечать» [2, с. 206].

Первоначально на германском театре военных действий не наблюдалось активности. Основные силы Германия использовала против Франции, поэтому на востоке она ограничилась захватом пограничной полосы в Привислинском крае (Польша), а именно населенных пунктов Вержболово, Калиш и Влоцлавск. Впоследствии эта полоса была возвращена: российская кавалерия вступила в пределы Восточной Пруссии со стороны г. Граево (участок 8-й Граевской бригады), дойдя до линии Бяла – Боржимен [2, с. 207].

Российские пограничники приступили к ведению разведки и осуществлению диверсионных мероприятий на территории противника, а также к охране различных объектов и железных дорог и обеспечению связи между войсками с помощью линий летучей почты [4, с. 68].

Несколько иная ситуация сложилась на стыке германского и австрийского театров военных действий, где охрану границы обеспечивали 14-я Ченстоховская, 15-я Новобржеская (3-й округ), 16-я Сандомирская и 17-я Томашовская (4-й округ) пограничные бригады. С началом войны российские войска не планировали защищать часть Польши, расположенную на левом берегу р. Вислы. Поручик 14-й пограничной бригады П. П. Маковой вспоминал: «...все воинские части были с объявлением мобилизации уведены с этого театра войны и переброшены, частью – на Юго-Западный фронт, частью – в Восточную Пруссию. На левом берегу Вислы оставалась лишь 14-я кавалерийская дивизия, усиленная конными частями пограничников»⁵⁶.

В задачу указанной дивизии входило прикрытие левобережья р. Вислы. П. П. Маковой вспоминал: «Дивизии приходилось поэтому совершать большие переходы, вести частые кратковременные бои и “мелькать” перед противником в разных местах, задерживая, насколько возможно, его продвижение и помогая таким образом развертыванию наших армий на правом берегу Вислы»⁵⁷. Севернее, в районе г. Плоцка, дивизию поддерживал сводный кавалерийский отряд, состоявший из лейб-гвардии Атаманского полка и Уральского казачьего полка⁵⁸.

⁵⁵РГВИА. Ф. 4890. Оп. 1. Д. 44. Л. 26–26 об.

⁵⁶Маковой П. П. 14-й пограничный конный полк в 1914 году // Воен. быть. 1970. № 104. С. 21.

⁵⁷Там же.

⁵⁸Там же.

То, как вели себя пограничники в районе стыка трех империй, можно проследить по действиям 14-й Ченстоховской бригады (рис. 7), которая дислоцировалась в Петроковской и Келецкой губерниях.

Так, 19 июля около 17:00 ротмистр пограничной стражи из м. Мысловицы сообщил штаб-офицеру 14-й кавалерийской дивизии Б. М. Шапошникову, что «мост через реку Черна-Пшемша, соединяющий русскую железную дорогу с австрийской, взорван» [9, с. 247]. Будущий военачальник вспоминал: «Почти одновременно пришел об этом запрос и из штаба округа. Туда донесли, что ротмистр отстранен от командования, чего в действительности сделано не было» [9, с. 247]. По словам Б. М. Шапошникова, это было следствием ошибки: «Очевидно, у того ротмистра был старый красный конверт с надписью “Вскрыть по объявлении мобилизации”, а в содержимом конверта указывалось о взрыве мостов. Второй старший адъютант находился в Петркуве, и проверить, точно ли он заменил пакет, пока было нельзя» [9, с. 247]. Впрочем, попытка взрыва моста у м. Сосновицы, соединявшего российскую железную дорогу с германской, не удалась: немцы открыли пулеметный и ружейный огонь (рис. 8) [9, с. 247].

Взрыв мостов в районе стыка границ трех империй, имел бы большое значение с точки зрения пропаганды. Б. М. Шапошников вспоминал: «В полученных через агента германских газетах от 20 июля было жирным шрифтом напечатано о “враждебных действиях России против Австрии”, о взрыве русскими железнодорожного моста через реку Черна-Пшемша, у Мысловице» [9, с. 247].

Согласно мобилизационному плану 3-го пограничного округа 2-я сотня 14-й Ченстоховской бригады (располагалась к западу от д. Козегловы) должна была перейти границу и вторгнуться в имение князя Гогенлоз. И все же «этого сделать не удалось: пограничники встретили ружейный огонь пехоты, по-видимому, частей, стоявших в Бейтене» [9, с. 249]. Не поступило сведений о переходе границы и от 3-й и 4-й конных сотен со стороны населенных пунктов Бендзин (Бендин) и Сосновицы [9, с. 249]. Эти пункты 20 июля заняла германская кавалерия [9, с. 250].

В районе стыка границ трех империй и далее по австро-венгерской границе передовые отряды противника заняли также такие населенные пункты, как Ченстохов, Почаев, Заложцы (сегодня Залозцы) и Каменец-Подольск. Впоследствии они были отбиты российской кавалерией (вместе с пограничниками) [2, с. 207]. Об этом сохранились свидетельства Б. М. Шапошникова (рис. 9).

Так, 21 июля около 8:00 из г. Ченстохова отступила 2-я бригада 14-й кавалерийской дивизии. Город заняли немцы, поэтому 2-й конной Ченстоховской сотне пришлось прорываться. Б. М. Шапошников вспоминал: «Потеряв несколько человек и оставив обоз в руках противника, сотня присоединилась к бригаде.

Рис. 7. Нижний чин 14-й пограничной Ченстоховской бригады 3-го (Варшавского) пограничного округа. Фотография Б. Воленберга. Ченстохов. 1913.

Источник: <https://www.pogranec.ru>

Fig. 7. Lower rank of the 14th Czeszochowa border brigade of the 3rd (Warsaw) border district. Photo by B. Volenberg. Czeszochowa. 1913.

Source: <https://www.pogranec.ru>

Рис. 8. Угол трех империй. Почтовая карточка с изображением железнодорожного и пешеходного мостов, ведущих из Германии в Австрию, а также с портретами трех императоров. Германия. 1910-е гг.

Источник: <https://www.pogranec.ru>

Fig. 8. Angle of three empires. Postcard depicting the railway and pedestrian bridges from Germany to Austria, as well as portraits of the three emperors. Germany. 1910s.

Source: <https://www.pogranec.ru>

Дальше местечка Межув немецкие разъезды не преследовали 2-ю бригаду, и она отошла к 3 часам дня к местечку Концеполь, где и расположилась на отдых. Здесь же к бригаде, кроме 2-й сотни, присоединились 3-я и 4-я конные сотни, отходившие от Бендзина и Сосновца» [9, с. 251–252]. Всего при 2-й бригаде 14-й кавалерийской дивизии находилось 4 конные сотни пограничников [9, с. 253].

В г. Енджеюве 22 июля к частям 2-й бригады 14-й кавалерийской дивизии присоединились пешие сотни пограничников (с ними прибыл и командир 15-й Новобржеской бригады, который доложил, что отходит к г. Кельцы) [9, с. 254].

Совершив переход на расстояние 37 верст, 2-я бригада 14-й кавалерийской дивизии с пограничниками расположилась 23 июля на ночлег к западу от г. Кельцы, прикрыв его. Утром 24 июля 6-й стрелковый полк (отошедший от австро-венгерской границы) с 4 пешими сотнями 15-й Новобржеской бригады выступил по шоссе к г. Радому [9, с. 255].

В тот же день командиру 14-го уланского полка было послано предписание начать отвод от г. Сандомира вдоль левого берега р. Вислы на север 2 пешехотных сотен 16-й Сандомирской бригады в гарнизон крепости Ивангород. К вечеру 24 июля 2-я бригада 14-й кавалерийской дивизии уже насчитывала 12 эскадронов и сотен (при 8 пулеметах и 6 конных орудиях) и 8 конных сотен пограничников. Только к исходу суток в г. Кельцы было получено сообщение, что Австро-Венгрия в этот день объявила России войну [9, с. 255].

Итак, в Первую мировую войну 14-я Ченстоховская бригада вступила в составе 8 отдельных сотен. П. П. Маковой вспоминал: «Пешие сотни, согласно мобилизационному плану, были направлены

Рис. 9. Маршал Советского Союза
Борис Михайлович Шапошников (1882–1945).
Фотография. 1944.

Источник: <https://bigenc.ru>

Fig. 9. Marshal of the Soviet Union
Boris Mikhailovich Shaposhnikov (1882–1945).
Photo. 1944.

Source: <https://bigenc.ru>

в Ивангородскую крепость, а четыре конные сотни были переформированы в 14-й пограничный конный полк, который вошел в состав 14-й кавалерийской дивизии. <...> Впоследствии в состав 14-й кавалерийской дивизии вошел и 15-й пограничный конный полк, сформированный из 15-й и 16-й пограничных бригад»⁵⁹.

Боевые столкновения на германском и австрийском участках границы продолжались с 19 июля по 4 августа 1914 г. Затем в связи с переходом в наступление российских войск в Восточной Пруссии и Галиции начались крупномасштабные военные действия [6; 7, с. 108–120].

Заключение

Таким образом, накануне Первой мировой войны ОКПС входил в российскую систему вооруженных сил, а его место и роль определялись в предвоенной нормативно-правовой базе. По существовавшим планам с началом военных действий личный состав ОКПС переходил в подчинение военного или морского ведомств и становился непосредственным участником боевых действий.

Разработка предвоенных мобилизационных планов ОКПС велась не менее 10 лет (1904–1914). Механизм подготовки этих планов включал несколько этапов: создание общего замысла в Главном штабе (Главном управлении Генерального штаба) Военного министерства Российской империи и штабах военных округов, составление на этой основе планов в штабах округов ОКПС, разработку мобилизацион-

ных планов пограничных бригад. В дальнейшем эти документы дорабатывались и неоднократно уточнялись. При этом первоначальные мобилизационные планы ОКПС (1904, 1910) предусматривали преимущественно пассивные (оборонительные) действия (отход от границы в глубь своей территории с одновременным разрушением мостов, переправ, железных дорог и других объектов).

Изменения, внесенные в мобилизационные планы в 1911–1913 гг., были обусловлены необходимостью учета военно-стратегических планов союзников (Франции) и противников (Германии и Австро-Венгрии). В итоге скорректированные к 1914 г. планы ОКПС предусматривали, что с началом мобилизации охрана государственной границы прекращалась. В составе отдельных сотен (пеших и конных) и отрядов

⁵⁹Маковой П. П. 14-й пограничный конный полк в 1914 году // Воен. б-ль. 1970. № 104. С. 20.

пограничники поступали в подчинение командования действующих войск, а также комендантов крепостей. При этом некоторые подразделения пограничной стражи (конные сотни, летучие отряды) переходили к активным действиям на сопредельной территории (ведение разведки, срыв мобилизации противника, осуществление диверсий и т. д.). Подобная роль пограничной стражи стала нововведением в российском военном планировании. Одновременно на пограничную стражу возлагалась охрана железнодорожных сооружений и самих железных дорог, а в случае от-

ступления в глубь империи планировалось их разрушение. В дальнейшем пограничники в составе кавалерийских и пехотных частей (или соединений) принимали участие в боевых действиях.

В то же время реальный ход мировой войны показал, что действия пограничников с 19 июля по 4 августа 1914 г. носили гибридный характер (особенно в районе стыка границ трех империй, охрану которого осуществляла 14-я Ченстоховская бригада) и включали в зависимости от театра военных действий элементы мобилизационного планирования 1900-х и 1910-х гг.

Библиографические ссылки

1. Плеханов АМ. *Отдельный корпус пограничной стражи России*. Москва: Граница; 1993. 283 с.
2. Плеханов АА, Плеханов АМ. *Отдельный корпус пограничной стражи императорской России (1893–1917)*. Москва: Граница; 2003. 296 с.
3. Плеханов АА, Плеханов АМ. *Отдельный корпус пограничной стражи на границе России (1893–1919)*. Москва: Граница; 2012. 520 с.
4. Боярский ВИ, Бурдужук ВИ, Завацкий ЮИ. *На страже границ Отечества. Том 3, Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в.* Москва: Граница; 2000. 515 с.
5. Парсуков ВА. Некоторые вопросы правового регулирования мобилизационной деятельности в Отдельном корпусе пограничной стражи Российской империи. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2015;3:309–313.
6. Петренко АВ. Боевая деятельность сводной пограничной дивизии на Западном фронте российской армии в 1914–1917 гг. *Граница и пограничье*. 2023;2(4):21–30.
7. Зайончковский АМ. *Мировая война 1914–1918 гг. Том 1, Кампании 1914–1915 гг.* Москва: Государственное военное издательство; 1938. 383 с.
8. Сухомлинов ВА. *Воспоминания. Мемуары*. Минск: Харвест; 2005. 639 с.
9. Шапошников БМ. *Воспоминания. Военно-научные труды*. Москва: Воениздат; 1974. 588 с.

Referenses

1. Plekhanov AM. *Otdel'nyi korpus pograničnoi strazhi Rossii* [Russian Separate Border Guard Corps]. Moscow: Granitsa; 1993. 283 p. Russian.
2. Plekhanov AA, Plekhanov AM. *Otdel'nyi korpus pograničnoi strazhi imperatorskoi Rossii (1893–1917)* [Separate Border Guard Corps of the Imperial Russia (1893–1917)]. Moscow: Granitsa; 2003. 296 p. Russian.
3. Plekhanov AA, Plekhanov AM. *Otdel'nyi korpus pograničnoi strazhi na granitse Rossii (1893–1919)* [Separate Border Guard Corps on the Russian border (1893–1919)]. Moscow: Granitsa; 2012. 520 p. Russian.
4. Boyarskii VI, Burduzhuk VI, Zavatskii YuI. *Na strazhe granits Otechestva. Tom 3, Pogranichnye voiska Rossii v voynakh i vooruzhennykh konfliktakh XX v.* [Guarding the borders of the Fatherland. Volume 3, Russian border troops in wars and armed conflicts of the 20th century]. Moscow: Granitsa; 2000. 515 p. Russian.
5. Parsukov VA. Some issues of legal regulation of mobilisation in selected corps of Russian Empire border guards. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2015;3:309–313. Russian.
6. Petrenko AV. Combat activities of the consolidated border division on the Western front of the Russian army in 1914–1917. *Border and Frontier*. 2023;2(4):21–30. Russian.
7. Zaionchkovskii AM. *Mirovaya voina 1914–1918 gg. Tom 1, Kampanii 1914–1915 gg.* [World War 1914–1918. Volume 1, Campaigns 1914–1915]. Moscow: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo; 1938. 383 p. Russian.
8. Sukhomlinov VA. *Vospominaniya. Memuary* [Memories. Memoirs]. Minsk: Kharvest; 2005. 639 p. Russian.
9. Shaposhnikov BM. *Vospominaniya. Voennno-nauchnye trudy* [Memories. Military scientific works]. Moscow: Voenizdat; 1974. 588 p. Russian.

Получена 18.05.2024 / принята 02.08.2024.
Received 18.05.2024 / accepted 02.08.2024.

УДК 94(3)

ОСАДА АФИНСКОГО АКРОПОЛЯ В 508–507 гг. ДО НАШЕЙ ЭРЫ

С. Г. КАРПЮК¹⁾

¹⁾Институт всеобщей истории РАН, пр. Ленинский, 32а, 119334, г. Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается значение осады афинского Акрополя в 508–507 гг. до н. э., когда после восстания афинских граждан против спартанского владычества там закрепился спартанский царь Клеомен со своим ставленником Исагором. Афинский демос смог одержать победу, добившись ухода спартанцев. Однако именно после этих событий роль Акрополя как оборонительного сооружения была сведена к минимуму. Отмечается, что успешные действия афинского демоса против Клеомена и Исагора показали ограниченные возможности Акрополя как крепости, особенно в случае долговременной осады многочисленным войском. Акрополь утратил свою фортификационную функцию и стал превращаться в культурно-религиозный центр Афинского государства. Скоротечная осада крепости в 508–507 гг. до н. э. сыграла переломную роль в этом процессе. Афиняне стали рассматривать Акрополь как символ города без самостоятельного оборонительного значения.

Ключевые слова: Древняя Греция; афинский Акрополь; демос; Клеомен; Исагор; Клисфен.

АСАДА АФІНСКАГА АКРОПАЛЯ Ў 508–507 гг. ДА НАШАЙ ЭРЫ

С. Г. КАРПЮК¹⁾

¹⁾Інстытут усеагульнай гісторыі РАН, пр. Ленінскі, 32а, 119334, г. Масква, Расія

Анатацыя. Разглядаецца значэнне асады афінскага Акропаля ў 508–507 гг. да н. э., калі пасля паўстання афінскіх грамадзян супраць спартанскага валадарніцтва там замацаваўся спартанскі цар Клеамен са сваім стаўленікам Ісагорам. Афінскі дэмас змог атрымаць перамогу, дабіўшыся сыходжання спартанцаў. Аднак менавіта пасля гэтых падзей роля Акропаля як абарончага збудавання была зведзена да мінімуму. Адзначаецца, што пасляхоўныя дзеянні афінскага дэмасу супраць Клеамена і Ісагора паказалі абмежаваныя магчымасці Акропаля як крэпасці, асабліва ў выпадку доўгачасовай асады шматлікім войскам. Акропаль страціў сваю фартыфікацыйную функцыю і стаў пераўтварацца ў культурна-рэлігійны цэнтр Афінскай дзяржавы. Хуткачечная асада крэпасці ў 508–507 гг. да н. э. адыграла пераломную ролю ў гэтым працэсе. Афіняне сталі разглядаць Акропаль як сімвал горада без самастойнага абарончага значэння.

Ключавыя словы: Старажытная Грэцыя; афінскі Акропаль; дэмас; Клеамен; Ісагор; Клісфен.

Образец цитирования:

Карпюк С.Г. Осада афинского Акрополя в 508–507 гг. до нашей эры. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024;4:72–77.
EDN: EBMZQI

For citation:

Karpyuk SG. Siege of the Acropolis of Athens in 508–507 BC. Journal of the Belarusian State University. History. 2024;4:72–77. Russian.
EDN: EBMZQI

Автор:

Сергей Георгиевич Карпюк – доктор исторических наук; главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций.

Author:

Sergey G. Karpyuk, doctor of science (history); chief researcher at the department of comparative studies of ancient civilisations.
oxlos@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8515-9560>

SIEGE OF THE ACROPOLIS OF ATHENS IN 508–507 BC

S. G. KARPYUK^a

^a*Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
32a Leninskii Avenue, Moscow 119334, Russia*

Abstract. The significance of the siege of the Acropolis of Athens in 508–507 BC is considered, when, after the uprising of Athenian citizens against Spartan rule, the Spartan king Cleomenes and his protege Isagoras established themselves there. The Athenian demos was able to win, achieving the departure of the Spartans. However, it was after these events that the role of the Acropolis as a defensive structure was reduced to a minimum. It is noted that the successful actions of the Athenian demos against Cleomenes and Isagoras showed the limited capabilities of the Acropolis as a fortress, especially in the event of a long-term siege by a large army. The Acropolis lost its fortification significance and began to turn into the cultural and religious center of the Athenian state. A short siege of the fortress in 508–507 BC became a turning point in this process. The Athenians began to view the Acropolis as a symbol of the city, devoid of independent defensive significance.

Keywords: Ancient Greece; Acropolis of Athens; demos; Cleomenes; Isagoras; Cleisthenes.

Введение

Акрополь (др.-греч. ἀκρόπολις – верхний город, кремль) наряду с рыночной площадью, или агорой, являлся одним из религиозных и символических центров древнегреческого города-государства. При этом он имел и оборонительное предназначение, выступая фортификационным сооружением (крепостью) в любом древнегреческом городе-государстве, в частности в Афинах. До V в. до н. э. древнегреческие фортификационные сооружения оставались достаточно примитивными и состояли обычно из стен вокруг акрополя, расположенного на высоком месте гражданского и религиозного центра полиса [1, р. 27]. Наши источники упоминают наряду с афинским Акрополем и так называемую Пеласгическую крепость (Пеларгическую крепость) – стены микенского времени вокруг Акрополя (Her. V, 64; Arist. Ath. pol. 19, 5; Marm. Par. 239, A45), которые были построены еще во второй половине II тыс. до н. э., в позднеэлладский период IIIB [2, р. 239]. Геродот, ссылаясь на труд ионийского логографа Гекатея (фрагм. 127), приводит легендарную историю строительства данных сооружений: «Они [афиняне] ведь отдали свою собственную землю у подошвы Гиметта для поселения

пеласгам в награду за то, что те некогда возвели стену вокруг Акрополя¹» (Her. VI, 137). Нам известно о нескольких случаях осады и захвата (чаще всего с капитуляцией защитников) афинского Акрополя в VII–VI вв. до н. э. Речь идет о капитуляции сторонников Килона и их уничтожении в 636 г. до н. э., о чем сообщается в сочинениях Геродота, Фукидида, Плутарха и в схолиях к пьесе Аристофана «Всадники» (Her. V, 71, 1; Thuc. I, 126, 5; Plut. Sol. 12, 1; Schol. Aristoph. Eq. 445); захвате Акрополя в период борьбы за власть между Писистратом и его противниками, о котором нам известно из труда Геродота «История» и трактата Аристотеля «Афинская полиция» (Her. I, 59, 6; I, 60, 5; Arist. Ath. pol. 14, 1; 15, 3); выходе по договору из Акрополя Писистратидов во главе с тираном Гиппием в 510 г. до н. э., о чем известно из произведения «Афинская полиция» (Arist. Ath. pol. 19, 5–6); захвате и скоротечной сдаче Акрополя спартанским царем Клеоменом вместе с афинским архонтом Исагором и его сторонниками в 508–507 гг. до н. э. Настоящая статья посвящена изучению деталей и исторического значения осады афинского Акрополя в 508–507 гг. до н. э.

Основная часть

Значение афинского Акрополя как оборонительного сооружения проявляется уже в ранней истории Афин, а именно во второй половине VII – первой половине VI в. до н. э., в периоды трех важнейших внутривосполитических кризисов афинского полиса, связанных с неудачной, а затем и успешной попытками установления единоличной тиранической власти, а также со свержением тиранического режима в городе. В настоящей статье указанные события не рассматриваются во всех деталях. Килонова сму-

та, приход к власти Писистрата и свержение тирании Гиппия многократно описаны в монографиях и научных статьях. Однако значение Акрополя как укрепленного пункта оценивалось и оценивается исследователями по-разному. Так, латвийский ученый Х. Туманс ставит религиозную составляющую на первый план: Килон, олимпийский победитель 640 г. до н. э., получив дельфийский оракул, захватил афинский Акрополь в 636 г. до н. э. именно как сакральное место, не подготовившись к возможной

¹Перевод Г. А. Стратановского.

осаде. По мнению исследователя, «...с точки зрения современной логики, его [Килона] действия были лишены смысла. Захват Акрополя не давал ему не только политических, но даже и стратегических выгод – Килон не был готов к осаде, он даже не ожидал ее, и в конечном счете стены Акрополя ему ничем не помогли» [3, с. 188]. Захват Акрополя Писистратом при установлении тирании имел прежде всего сакрально-символические причины [3, с. 308–309]. Не отрицая религиозной составляющей в деяниях древних греков, следует все же учитывать вполне практическое значение укрепленных пунктов, позволявших эффективно обороняться от осаждавших врагов. При этом древние авторы подчеркивали именно практический, оборонительный аспект укреплений Акрополя в архаический период [1, р. 27].

Осада афинского Акрополя в 508–507 гг. до н. э. рассматривалась многими современными историками в первую очередь в контексте демократической революции Клисфена. Э. Дэвид исследовал предварительную стадию клисфеновских реформ в содержательной статье [4]. Наиболее подробное описание и систематический анализ политической борьбы в Афинах в конце VI в. до н. э. и клисфеновских преобразований можно найти в книге американского ученого Дж. Обера «Афинская революция» [5, р. 32–52]. Публикация этой книги вызвала оживленную дискуссию между К. Раафлаубом [6] и Дж. Обером [7], завершившуюся, казалось бы, выходом материала К. Раафлауба [8], но в которую чуть позже включился и английский ученый П. Родс [9]. Затем Дж. Обер остановился именно на начале демократической революции Клисфена [10]. Стандартное (и несколько упрощенное) описание восстания афинян, которое привело к власти Клисфена, дал английский ученый Д. Притчард [11, р. 1]. Наконец, В. Розивач специально изучил случаи осады афинского Акрополя и задался вопросом, зачем вообще необходимо было его осаждать [12].

Автор настоящей статьи рассмотрел данное событие в более ранних работах, однако исключительно с точки зрения исследования участия толпы в общественно-политической жизни греческих полисов [13; 14, с. 179–182]. Латвийский ученый Х. Туманс, в свою очередь, изучал афинский Акрополь не как значимый в военном отношении объект, а исключительно как религиозное убежище [3, с. 308–309, 373]. В последние годы тема становления афинской демократии стала привлекать внимание российских исследователей. В. Р. Гушин рассмотрел социально-политическую борьбу в Афинах после свержения тирании [15, с. 100–104, 128–129], а И. Е. Суриков дал свою достаточно обоснованную версию результатов осады афинского Акрополя в 508–507 гг. до н. э. [16, с. 222–225].

Свидетельства античных авторов об осаде Акрополя в 508–507 гг. до н. э. и немногочисленны, и не

слишком обширны. Описание самого события сохранилось в труде Геродота «История» (Her. V, 70, 72) и в трактате Аристотеля «Афинская политика» (Arist. Ath. pol. 20, 3). Геродот рассказывал о событиях следующим образом: спартанский царь Клеомен в целях укрепления власти своего протеже Исагора повелел изгнать 700 афинских семейств, которые поддерживали Клисфена. После этого совет (очевидно, речь идет о Совете четырехсот) поднял восстание и отказался подчиняться Клеомену и Исагору. Оказавшись в крайне затруднительной ситуации, Клеомен вместе с Исагором и его сторонниками захватил афинский Акрополь. В ответ на это остальные афиняне объединились и стали вести осаду Акрополя (Her. V, 72) [14, с. 179–181]. Автору трактата «Афинская политика», скорее всего, было известно о свидетельстве Геродота, но некоторые детали были им добавлены, причем подчеркивалась роль афинского демоса: «Однако совет оказал сопротивление, и собрался народ. Тогда сторонники Клеомена и Исагора убежали на Акрополь, и народ, обложив их там, осаждал в течение двух дней; на третий день отпустили Клеомена и всех бывших с ним, обеспечив им свободный выход, а Клисфена и остальных изгнанников призвали обратно²» (Arist. Ath. pol. 20, 3).

Существует некоторое противоречие между сообщениями двух наших главных источников: если согласно Геродоту реформы Клисфена предшествовали спартанскому вторжению, то, по утверждению Аристотеля, сначала были изгнаны спартанцы, а потом уже начались реформы Клисфена. Мнения ученых о том, какая хронология достоверна, разделились [4, р. 1–2]. Впрочем, существует точка зрения, согласно которой Геродот и Аристотель не противоречат друг другу, их повествование организовано вдоль различных сюжетных линий [17, р. 115]. И. Е. Суриков считает данный вопрос несущественным [16, с. 224]. Кроме того, в комедии Аристофана «Лисистрата» о неприятном для спартанцев финале этой ситуации поет хор афинских старцев, ностальгически вспоминая славные дни, когда Клеомен бежал, отдав оружие (Aristoph. Lys. 277). Фукидид упоминает Пеларгик, который, к несчастью для афинян, был заселен в начале Пелопоннесской войны перед эпидемией чумы (Thuc. II, 17, 1). Архитектурным монументом установления демократии можно рассматривать древний храм Афины на Акрополе: он датируется примерно 510–500-ми гг. до н. э. [18, р. 43]. Приблизительно к тому же времени (510–490-е гг. до н. э.) относятся посвященные статуи (коры) богине Афине на Акрополе. Храм Афины имеет схожие черты с храмом Аполлона в Дельфах. К строительству последнего был причастен род Алкмеонидов, к которому принадлежал Клисфен [18, р. 44].

Афинский Акрополь совершенно справедливо рассматривался как неприступная крепость: крутизна

²Перевод С. И. Радцига.

склонов, единственный спуск с вершины, безусловно, играли в пользу защитников Акрополя. Но эти же факторы играли и в пользу осаждавших: достаточно было перекрыть единственный путь снабжения, и оставалось только ждать, когда у осажденных закончатся припасы (источники воды в древности на Акрополе были). Показательно, что контролировать вход на Акрополь во время Килоновой смуты оставили немногочисленных архонтов и не использовали все афинское ополчение (Her. V, 71; Thuc. I, 126–127) [19].

Для оборонявших афинский Акрополь были критически важны два фактора: достаточный для длительной обороны объем съестных припасов и готовность осаждавших к долговременному окружению. Значение этих факторов проявилось в 510 г. до н. э., когда спартанцы под руководством царя Клеомена осадили на Акрополе тирана Гиппия, его семью и сторонников. Припасы на Акрополе были заготовлены, а спартанцы не были расположены к долгой осаде. Ситуацию изменил случай: осаждавшие захватили детей Писистратидов. Их переправили в безопасное место (Arist. Ath. pol. 19, 6). Возможно, стремление эвакуировать детей тиранов было связано со стремлением уменьшить число едоков в осажденном Акрополе. Так или иначе Гиппий, его семья и сторонники вынуждены были покинуть Акрополь.

После этого события спартанское влияние в Афинах стало очевидным. Что же произошло в 508–507 гг. до н. э.? Наши источники подчеркивают единодушие афинян в стремлении воспротивиться желанию спартанского царя Клеомена отдать полную власть над афинянами Исагору, своему афинскому «гостеприимцу» (ксену). Тот был избран архонтом-эпонимом на 508–507 гг. до н. э., но именно изгнание им 700 семейств нелояльных ему афинских граждан (Her. V, 72) переполнило чашу терпения афинян. Афинский демос восстал против политического лидера, который стремился восстановить жесткую олигархию. Однако после десятилетий правления Писистратидов олигархию в ее традиционном виде восстановить в Афинах было невозможно: демос ее не понимал и не принимал [20, р. 195; 16, с. 223–224]. Несмотря на то что Исагор опирался на поддержку спартанского царя Клеомена, восстание афинского демоса произошло. Соппротивление афинского демоса было настолько решительным, что ни спартанский царь, ни его афинский «гостеприимец» не ожидали подобной реакции. Небольшой отряд Клеомена вместе со сторонниками Исагора вынужден был отступить и закрепиться на Акрополе, но он не имел заготовленных припасов. Афинским гражданам было достаточно просто осаждать Акрополь: их жилища располагались неподалеку, и осада могла продолжаться долго.

Латвийский исследователь Х. Туманс считает, что захват Акрополя отрядом Клеомена и сторонниками Исагора обеспечивал укрытие в религиозном убежище под защитой богов: «В военном отношении бегство на Акрополь было бесполезно, поскольку обе

стороны признавали безвыходность положения для беглецов и поэтому заключили договор. Суть дела состояла в том, что афиняне не дерзнули второй раз совершить святотатство и убить укрывшихся у алтарей людей и не могли также допустить их голодной смерти там, так как это тоже было бы осквернением святилища богов» [3, с. 373, примеч. 6]. Данное предположение, безусловно, является интересным, однако в трудах древних авторов нет свидетельств о том, что спартанский царь Клеомен выступил в роли умоляющего о защите у алтарей богов. Вряд ли Геродот смог опустить такую важную для него деталь. Скорее всего, Акрополь для Клеомена и Исагора был единственным местом, где небольшой отряд мог организовать оборону против гораздо более многочисленного ополчения афинских граждан.

Геродот описал двухдневную осаду Акрополя, который обороняли Клеомен, Исагор и их приверженцы, объединенным ополчением афинских граждан. Согласно свидетельству историка большинство афинских граждан объединились в противостоянии спартанскому отряду и сторонникам Исагора. Осада Акрополя продолжалась два дня. Соглашение, по которому все спартанцы покинули Аттику, было заключено на третий день осады (Her. V, 72). По данным трактата «Афинская политика», именно на третий день осады было достигнуто соглашение о свободном выходе спартанцев и Исагора из Акрополя (Arist. Ath. pol. 20, 3).

В комедии Аристофана «Лисистрата» (Aristoph. Lys. 277) хор афинских старцев с ностальгией вспоминает прежние времена, когда спартанский царь Клеомен бежал, сдав оружие. Это явное преувеличение, отражающее скорее мечты и ожидания эпохи Пелопоннесской войны, нежели реальную обстановку в конце VI в. до н. э. Геродот также сообщает о казни сторонников Исагора (Her. V, 72), однако можно усомниться в этой патриотической афинской версии, как и в легенде о тираноубийцах, освободивших Афины от тирании. Версия автора трактата «Афинская политика», согласно которой сторонники Исагора покинули Афины вместе со спартанцами (Arist. Ath. pol. 20, 4), представляется более достоверной. Как справедливо отметил И. Е. Суриков, «...на Акрополе спартанский царь вел себя отнюдь не как проигравший, а скорее как хозяин положения. Он вошел в святилище Афины, невзирая на протесты охранявшей его жрицы (Her. V, 72), а покидая город, захватил с собой обильную коллекцию прорицаний оракулов, собранную еще Писистратидами (Her. V, 90). Коль скоро афиняне не воспрепятствовали ему в этом, приходится сделать вывод, что они не имели такой возможности» [16, с. 224–225]. В пользу выдвинутой российским исследователем версии свидетельствует и то обстоятельство, что нам ничего не известно о принесенном в дар богам спартанском оружии, которое было захвачено на Акрополе.

Заключение

Успешные действия афинского демоса против Клеомена и Исагора в 508–507 гг. до н. э. продемонстрировали ограниченные возможности Акрополя как крепости, особенно в условиях долговременной осады достаточно многочисленным войском. По этой причине военно-политическое руководство Афин во главе с Фемистоклом благоразумно решило не оборонять афинский Акрополь силами боеспособных воинских контингентов во время похода персидского царя Ксеркса на Грецию в 480 г. до н. э. Однако храмовые служители и немногочисленные афинские граждане были настроены защищать Акрополь и отвергли предложение сопровождавших персов Писистратидов о капитуляции (Her. VIII, 51–52). За это они заплатились жизнью: укрепления Акрополя не смогли противостоять натиску персов. Захват крепости войском персидского царя Ксеркса описал Геродот: «С передней [северной] стороны Акрополя, противоположной воротам и дороге, ведущей наверх, несколько персов поднялись на скалу. В этом месте не было никакой стражи, так как считалось, что здесь-то уже никто не сможет взобраться наверх.

Это было подле святилища Аглавры, дочери Кекропа, где скалы действительно очень крутые. Когда афиняне увидели врагов наверху, на Акрополе, то одни из них ринулись вниз со стен и погибли, другие же нашли убежище внутри святилища. Персы же, поднявшись наверх, прежде всего направились к воротам святилища и открыли их; затем они умертвили защитников, моливших о спасении³» (Her. VIII, 53). После ухода персов из Балканской Греции в Афинах развернулось строительство оборонительных сооружений. Городские стены 479 г. до н. э., построенные из крупных блоков с более частым использованием башен, являли собой новый стандарт фортификации и обеспечивали надежную защиту Афин [1, р. 108]. Завершение в 459 г. до н. э. строительства длинных стен, которые связали город с портом Пирей, привело к окончательной утрате Акрополем оборонительного значения. В результате афиняне стали рассматривать крепость исключительно как символ города и культурно-религиозный центр Афинского государства. Скоротечная осада Акрополя в 508–507 гг. до н. э. стала переломным моментом в этом процессе.

Библиографические ссылки

1. Sage MM. *Warfare in Ancient Greece: a sourcebook*. London: Routledge; 1996. 252 p.
2. Rhodes PJ. *A commentary on the Aristotelian Athenaion politeia*. Oxford: Clarendon Press; 1981. 795 p.
3. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). Санкт-Петербург: Гуманитарная академия; 2002. 538 с.
4. David E. A preliminary stage of Cleisthenes' reforms. *Classical Antiquity*. 1986;5(1):1–13. DOI: 10.2307/25010837.
5. Ober J. *The Athenian revolution. Essays on Ancient Greek democracy and political theory*. Princeton: Princeton University Press; 1996. 212 p.
6. Raaflaub K. Power in the hands of the people: foundations of Athenian democracy. In: Morris I, Raaflaub K, editors. *Democracy 2500? Questions and challenges*. Dubuque: Archaeological Institute of America; 1997. p. 31–66.
7. Ober J. Revolution matters: democracy as demotic action (a response to Kurt A. Raaflaub). In: Morris I, Raaflaub K, editors. *Democracy 2500? Questions and challenges*. Dubuque: Archaeological Institute of America; 1997. p. 67–85.
8. Raaflaub K. The thetes and democracy (a response to Josiah Ober). In: Morris I, Raaflaub K, editors. *Democracy 2500? Questions and challenges*. Dubuque: Archaeological Institute of America; 1997. p. 87–103.
9. Rhodes PJ. Review article – how to study Athenian democracy. *Polis*. 1998;15:75–80.
10. Ober J. «I besieged that man»: democracy's revolutionary start. In: Raaflaub K, Ober J, Wallace RW. *Origins of democracy in Ancient Greece*. Berkeley: University of California Press; 2007. p. 83–104.
11. Pritchard DM. The symbiosis between democracy and war: the case of ancient Athens. In: Pritchard DM, editor. *War, democracy and culture in classical Athens*. Cambridge: Cambridge University Press; 2010. p. 1–62.
12. Rosivach VJ. Why seize the Acropolis? *Historia*. 2008;57(2):125–133. DOI: 10.2307/25598425.
13. Karpuk S. Crowd in archaic and classical Greece. *Hyperboreus*. 2000;6(1):79–102.
14. Карпук СГ. Общество, политика и идеология классических Афин. Москва: Институт всеобщей истории РАН; 2003. 310 с.
15. Гушин ВР. Афины на пути к демократии: VIII–V века до н. э. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2021. 456 с.
16. Суриков ИЕ. *Политические деятели Древней Греции. Том 1, Эпоха формирования и расцвета полиса*. Москва: Академический проект; 2022. 653 с.
17. Cadoux JT. The Athenian archons from Kreon to Hypsichides. *Journal of Hellenic studies*. 1948;68:70–123. DOI: 10.2307/626301.
18. Camp JM. *The archaeology of Athens*. New Haven: Yale University Press; 2001. 340 p.
19. Lang M. Kylonian conspiracy. *Classical Philology*. 1967;62:243–249.
20. Snodgrass A. *Archaic Greece. The age of experiment*. Berkeley: University of California Press; 1981. 236 p.

References

1. Sage MM. *Warfare in Ancient Greece: a sourcebook*. London: Routledge; 1996. 252 p.
2. Rhodes PJ. *A commentary on the Aristotelian Athenaion politeia*. Oxford: Clarendon Press; 1981. 795 p.

³Перевод Г. А. Стратановского.

3. Tumans H. *Rozhdenie Afiny. Afinskii put' k demokratii: ot Gomera do Perikla (VIII–V vv. do n. e.)*. [The birth of Athena. Athenian way to democracy: from Homer to Pericles (8th–5th centuries BC)]. Saint Petersburg: Gumanitarnaya akademiya; 2002. 538 p. Russian.
4. David E. A preliminary stage of Cleisthenes' reforms. *Classical Antiquity*. 1986;5(1):1–13. DOI: 10.2307/25010837.
5. Ober J. *The Athenian revolution. Essays on Ancient Greek democracy and political theory*. Princeton: Princeton University Press; 1996. 212 p.
6. Raaflaub K. Power in the hands of the people: foundations of Athenian democracy. In: Morris I, Raaflaub K, editors. *Democracy 2500? Questions and challenges*. Dubuque: Archaeological Institute of America; 1997. p. 31–66.
7. Ober J. Revolution matters: democracy as demotic action (a response to Kurt A. Raaflaub). In: Morris I, Raaflaub K, editors. *Democracy 2500? Questions and challenges*. Dubuque: Archaeological Institute of America; 1997. p. 67–85.
8. Raaflaub K. The thetes and democracy (a response to Josiah Ober). In: Morris I, Raaflaub K, editors. *Democracy 2500? Questions and challenges*. Dubuque: Archaeological Institute of America; 1997. p. 87–103.
9. Rhodes PJ. Review article – how to study Athenian democracy. *Polis*. 1998;15:75–80.
10. Ober J. «I besieged that man»: democracy's revolutionary start. In: Raaflaub K, Ober J, Wallace RW. *Origins of democracy in Ancient Greece*. Berkeley: University of California Press; 2007. p. 83–104.
11. Pritchard DM. The symbiosis between democracy and war: the case of ancient Athens. In: Pritchard DM, editor. *War, democracy and culture in classical Athens*. Cambridge: Cambridge University Press; 2010. p. 1–62.
12. Rosivach VJ. Why seize the Acropolis? *Historia*. 2008;57(2):125–133. DOI: 10.2307/25598425.
13. Karpyuk S. Crowd in archaic and classical Greece. *Hyperboreus*. 2000;6(1):79–102.
14. Karpyuk SG. *Obshchestvo, politika i ideologiya klassicheskikh Afin* [Society, politics and ideology of classical Athens]. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; 2003. 310 p. Russian.
15. Gushchin VR. *Afina na puti k demokratii: VIII–V veka do n. e.* [Athens on the way to democracy, 8th–5th centuries BC]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2021. 456 p. Russian.
16. Surikov IE. *Politicheskie deyateli Drevnei Gretsii. Tom 1, Epokha formirovaniya i rastsveda polisa* [Political leaders of Ancient Greece. Volume 1, Epoch of formation and the heyday of polis]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2022. 653 p. Russian.
17. Cadoux JT. The Athenian archons from Kreon to Hypsichides. *Journal of Hellenic studies*. 1948;68:70–123. DOI: 10.2307/626301.
18. Camp JM. *The archaeology of Athens*. New Haven: Yale University Press; 2001. 340 p.
19. Lang M. Kylonian conspiracy. *Classical Philology*. 1967;62:243–249.
20. Snodgrass A. *Archaic Greece. The age of experiment*. Berkeley: University of California Press; 1981. 236 p.

Получена 07.05.2024 / исправлена 15.07.2024 / принята 08.08.2024.
Received 07.05.2024 / revised 15.07.2024 / accepted 08.08.2024.

МУРГАБСКОЕ ГОСУДАРЕВО ИМЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПРОЦЕССА КОЛОНИЗАЦИИ В КОНЦЕ 1880-х гг.

Д. В. ВАСИЛЬЕВ¹⁾

¹⁾Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, 129226, г. Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается организационный период в истории Мургабского государственного имения, основанного в Закаспийской области Российской империи в 1887 г. Отмечается, что до сих пор недостаточно исследованы подлинные цели создания имения и правила его функционирования. Мургабское государственное имение стало одним из крупнейших социально-экономических проектов империи. Его деятельность основывалась исключительно на капиталистических подходах к ведению хозяйства, предполагающих использование новейших достижений агротехники и развитие перерабатывающей промышленности. Впервые привлекаемые источники позволяют пролить свет на принципы, которые должны были лечь в основу функционирования образцового агрокомплекса. Выявляются направления и цели развития Мургабского государственного имения. Делается вывод о том, что с самого начала своего существования имение представляло собой уникальный не только экономический, но и социально-политический феномен.

Ключевые слова: Мургабское государственное имение; Закаспийская область; туркмены; Центральная Азия; Российская империя; ирригация; колонизация; историческая демография.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00915, реализуемого в Российской академии предпринимательства (<https://rscf.ru/project/24-28-00915/>).

МУРГАБСКИ ГОСУДАРАЎ МАЁНТАК: АСАБЛІВАСЦІ ЭКАНАМІЧНАГА РАЗВІЦЦЯ І ПРАЦЭСУ КАЛАНІЗАЦЫІ Ў КАНЦЫ 1880-х гг.

Д. В. ВАСІЛЬЕЎ^{1*}

^{1*}Маскоўскі гарадскі педагагічны ўніверсітэт,
2-і Сельскагаспадарчы праезд, 4, 129226, г. Масква, Расія

Анацыя. Разглядаецца арганізацыйны перыяд у гісторыі Мургабскага гасударава маёнтка, заснаванага ў Закаспійскай вобласці Расійскай імперыі ў 1887 г. Адзначаецца, што сёння застаюцца недастаткова даследаванымі сапраўдныя мэты стварэння маёнтка і правілы яго функцыянавання. Мургабскі гасудараў маёнтка стаў адным з найбуйнейшых сацыяльна-эканамічных праектаў імперыі. Яго дзейнасць засноўвалася выключна на капіталістычных падыходах да вядзення гаспадаркі, якія прадугледжвалі выкарыстанне навіейшых дасягненняў агратэхнікі і развіццё перапрацоўчай прамысловасці. Крыніцы, якія выкарыстоўваюцца ўпершыню, дазваляюць праліць святло на прыцыпы, якія павінны былі легчы ў аснову функцыянавання ўзорнага агракомплексу. Выяўлены напрамкі і мэты раз-

Образец цитирования:

Васильев ДВ. Мургабское государственное имение: особенности экономического развития и процесса колонизации в конце 1880-х гг. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024;4:78–88.
EDN: JRCERT

For citation:

Vasilyev DV. Murghab Sovereign's Estate: features of economic development and the process of colonisation in the late 1880s. Journal of the Belarusian State University. History. 2024;4:78–88. Russian.
EDN: JRCERT

Автор:

Дмитрий Валентинович Васильев – доктор исторических наук, доцент; профессор департамента истории Института гуманитарных наук.

Author:

Dmitry V. Vasilyev, doctor of science (history), docent; professor at the department of history of the Institute of Humanities.
dvvasiliev@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

віцця Мургабскага гасударава маёнтка. Робіцца выснова аб тым, што з самага пачатку свайго існавання маёнтак уяўляў сабой унікальны не толькі эканамічны, але і сацыяльна-палітычны феномен.

Ключавыя словы: Мургабскі гасудараў маёнтак; Закаспійская вобласць; туркмены; Цэнтральная Азія; Расійская імперыя; ірыгацыя; каланізацыя; гістарычная дэмаграфія.

Падзяка. Даследаванне выканана за кошт гранта Расійскага навуковага фонду № 24-28-00915, які рэалізуецца ў Расійскай акадэміі прадпрыемальніцтва (<https://rscf.ru/project/24-28-00915/>).

MURGHAB SOVEREIGN'S ESTATE: FEATURES OF ECONOMIC DEVELOPMENT AND THE PROCESS OF COLONISATION IN THE LATE 1880s

D. V. VASILYEV^a

^a*Moscow City University, 4 Vtoroj Selskohoziaystvenny proezd, Moscow 129226, Russia*

Abstract. The article considers the organisational period in the history of the Murghab Sovereign's Estate, founded in the Transcaspian Region of the Russian Empire in 1887. It is noted that the true goals of the creation of the estate and the rules of its functioning have not yet been sufficiently investigated. The Murghab Sovereign's Estate became one of the largest socio-economic projects of the empire. Its activities were based solely on capitalist approaches to farming, involving the use of the latest achievements of agricultural technology and the development of the processing industry. For the first time, the sources involved allow to shed light on the principles that should have formed the basis for the functioning of a model agricultural complex. The directions and goals of the development of the Murghab Sovereign's Estate are revealed. It is concluded that from the very beginning of its existence, the estate represented a unique not only economic, but also socio-political phenomenon.

Keywords: Murghab Sovereign's Estate; Transcaspian Region; Turkmen; Central Asia; Russian Empire; irrigation; colonisation; historical demography.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00915, implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship (<https://rscf.ru/project/24-28-00915/>).

Введение

Мургабское государево имение относится к малоизученным феноменам в истории Российской империи. Многие знают о хлопковых плантациях и водах имения благодаря фотографиям известного ученого С. М. Прокудина-Горского.

Среди трудов, в которых проводится подробный анализ функционирования имения, следует отметить работу М. Н. Тихомирова [1]. Она написана несколько схематично, что обусловлено военно-историческим контекстом повествования. Н. Н. Канода рассмотрела особенности социально-экономической жизни Мургабского государева имения, используя материалы Центрального государственного архива Туркменистана [2]. Оценить роль и значение дан-

ного феномена в истории российского присутствия в Центральной Азии можно лишь на основе сопоставления исходных посылов создания имения с результатами его деятельности. В связи с этим вполне актуальным представляется изучение целей и задач, стоящих перед имением в момент его учреждения.

Источниками данного исследования являются документы, отложившиеся в архиве Департамента уделов Министерства императорского двора и уделов (далее – Департамент уделов), в частности материалы работы комиссии, назначенной для изучения вопроса колонизации долины р. Мургаб, и соответствующие распоряжения высших органов власти.

Методология исследования

В ходе подготовки статьи были использованы формально-юридический и системный методы, а также метод синхронного анализа. Формально-юридический метод позволил провести анализ документов, фиксировавших правовой статус Мургабского государева имения и регламентировавших различные аспекты его деятельности. Системный метод дал

возможность исследовать специфику функционирования имения. С помощью синхронного анализа события рассматриваемого периода были изучены во взаимосвязи.

Методологической основой статьи является концепция новой истории империи, которая исследует историю элит, механизмы управления окраинами

и отношения между центром и провинцией. Кроме того, в фокусе внимания указанной концепции находятся имперские мифы, идеи и институты, а также динамика имперского сознания [3–7]. В данном контексте особое значение приобретает анализ характера и форм участия различных народов в создании и укреплении российской государственности [8].

Известный российский ученый А. И. Миллер предлагает применять ситуационный подход в исследовании истории империи: «В этом случае в центре внимания оказывается определенная структура этнокультурных, этноконфессиональных, межнациональных отношений или же различные аспекты, например, экономического, административного воз-

действия. Задача в том, чтобы выявить участвовавших в этом взаимодействии акторов и понять логику их поведения, то есть реконструировать ситуацию взаимодействия в возможной полноте» [9, с. 28].

Указанная концепция ставит в центр изучения истории России ее имперское измерение. Имперский дискурс, преодолевая взгляд на историю как на динамическое развитие государства, предстает в качестве результата и процесса взаимодействия имперских властей и региональных социальных сообществ [10, с. 27].

Создание Мургабского государева имения стало итогом взаимодействия столичных и региональных властей, коренных жителей края, а также местных предпринимателей.

Основная часть

Мургабское государево имение было основано в 1887 г. на юго-востоке Закаспийской области. Оно должно было обеспечить орошение стратегически важного для Российской империи участка, возле которого смыкались государственные границы России, Персии и Афганистана и откуда открывался наиболее удобный путь на г. Герат. Владение долиной р. Мургаб давало возможность вести активный диалог с политическим соперником России, Британской империей, державшей под контролем Афганистан. Закрепить Мургабский оазис за собой российское правительство намеревалось путем безусловного привлечения на свою сторону местных жителей.

К моменту присоединения данной части туркменских земель к России территория Мургабского оазиса (за пределами г. Мерва) была слабозаселенной. Указанное обстоятельство и обусловило желание чиновников восстановить древнюю оросительную систему и вернуть в оазис жизнь путем развития сельскохозяйственного производства. Данные цели были задекларированы в императорском указе от 6 августа 1887 г. «Об обращении в состав государевых имений части земель, вновь присоединенных в Средней Азии»¹. Орошению подлежали не занятые местными жителями земли. При этом коренное население не должно было испытывать нехватку воды.

Министерство императорского двора и уделов беспокоило вопросы о том, кого пригласить на новые земли, каким образом закрепить здесь поселенцев и как организовать их взаимодействие с администрацией имения. В феврале 1889 г. Департамент уделов приступил к разработке планов по колонизации Мургабского государева имения. В связи с этим в Закаспийскую область была направлена группа специалистов во главе с помощником управляющего

департаментом действительным статским советником Н. А. Вагановым.

Представители Департамента уделов ознакомились с состоянием гидротехнических работ в имении. В результате прибывшие чиновники, а также управляющий имением подполковник Н. А. Лутцау и руководитель работ по возобновлению функционирования Султанбентской плотины инженер И. И. Поклевский-Козелл пришли к выводу о том, что немедленная колонизация имения является преждевременной: «Начинать заселение имения будет возможно не ранее как через год и сперва лишь на сравнительно небольшом пространстве... проектировать ныне же полный план колонизации тоже нельзя при неизвестности того, каким количеством воды имение будет вправе располагать»².

Было принято решение ограничиться сбором информации, имевшей принципиальное значение для реализации проекта, а именно сведений о народностях, которые могли бы поселиться в имении, и о земледельческих культурах, которые можно было бы возделывать в данной местности. Для реализации этих задач планировался объезд областей Туркестанского края и бухарских владений, по результатам которого следовало разработать положения по заселению и обустройству Мургабского государева имения.

В ходе объезда чиновники осмотрели земли сарыков и часть орошенных земель мервских туркмен на левом берегу р. Мургаб, а также земли последних на правом берегу реки. Кроме того, специалисты ознакомились с работой некоторых местных гидросооружений. Было опрошено коренное население. Анализ собранных сведений привел к неутешительному выводу: «Как земледелие, так и орошение находятся у сарыков и у мервцев (особенно у последних)

¹Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье : в 33 т. СПб. : Гос. тип., 1889. Т. 7. С. 390.

²Рос. гос. ист. арх. (РГИА). Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 15. (Тексты документов и материалов приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.)

на весьма низкой степени. Те и другие ведут вполне переложное хозяйство; поля обрабатываются плохо, а вода тратится без толку, так что встречается много участков вполне заболоченных; ценных культур (хлопка, шелководства, плодоводства) никаких нет, и в настоящее время хлопок возделывается в пределах Мервского оазиса только на русских плантациях... устроенных на арендуемых у туркмен землях»³.

Во время объезда имения выяснилось, что левобережные сарыки засеяли часть земель, отошедших к имению. Разбирательство показало, что они пользовались этими землями до объявления о создании хозяйства. Изгнание сарыков с данной территории шло вразрез с указом от 6 августа 1887 г., и чиновники приняли решение не лишать местное население основного источника благосостояния.

В течение трех недель группа специалистов во главе с Н. А. Вагановым посетила Самаркандскую, Сырдарьинскую и Ферганскую области. В силу определенных причин осмотреть бухарские владения не удалось. В г. Самарканде было исследовано орошение из р. Зеравшан. В г. Ташкенте чиновники осмотрели опытную станцию хлопководства и шелководства. Также были собраны сведения о состоянии хлопководства в Сырдарьинской области. Выяснилось, что возделыванием американского хлопка в области на собственных и арендованных землях занималось значительное число русских из числа служащих. Факт популярности хлопка с учетом наличия благоприятных условий для его возделывания в Закаспийской области вселил в чиновников уверенность в том, что из долины р. Сырдарьи «будут впоследствии являться и в государево имение арендаторы из русских же для культуры хлопка»⁴. В г. Ташкенте были осмотрены хлопкоочистительный завод купца С. И. Лахтина и большая (160 дес.) хлопковая плантация торгового дома Корзинкиных, являвшегося крупнейшим скупщиком американского хлопка в регионе. Также чиновники посетили русское поселение Сретенское. Визит в этот поселок, жители которого занимались выращиванием различных культур, в том числе американского хлопка, показал, что при переселении русских в имение следует действовать весьма осторожно.

В ходе посещения Ферганской области выяснилось, что основными производителями хлопка в этой местности были не русские, а коренное население. Во всех крупных городах области функционировали хлопкоочистительные заводы. Местные производители хлопка демонстрировали объемы, способные конкурировать с показателями иностранных поставщиков. Несмотря на то что по результа-

там 1888 г. объем собранного хлопка должен был составить до 1 млн пудов, Н. А. Ваганов с коллегами обратил внимание на то, что производители не перерабатывают семена хлопчатника на масло. Такая переработка могла обеспечить им еще большую прибыль: «...положение хлопководства в Фергане дает полное основание предполагать, что и в Мургабском имении, где условия для выращивания хлопка... еще благоприятнее... хлопководство должно сильно развиться, особенно если имение, заведя джины⁵, прессы для выжимки масла и приспособления для прессования волокна в тюки, даст поселенцам возможность сбывать их продукты в обработанном уже виде»⁶.

Таким образом, в этот период были заложены главные принципы ведения хозяйства в имении. Они предполагали выращивание и первичную переработку хлопчатника (включая производство масла из семян) и создание опытной хлопковой плантации, которая должна была обеспечивать поселенцев качественным семенным материалом.

Важно отметить, что все обследованные чиновниками сельскохозяйственные и промышленные производства принадлежали разным владельцам. Н. А. Ваганов и его коллеги не уделили данному обстоятельству должного внимания. Возможно, именно поэтому между управляющим имения и начальником заводов в последующем возникли разногласия.

Исследование кустарного шелководства показало, что «этот промысел, несомненно, должен развиваться и на Мургабе, особенно если завести в государевом имении небольшую станцию для получения здоровой грены и машины для размотки коконов и предоставить поселенцам пользоваться этими машинами»⁷.

Выращивание в имении риса, который требовал большого количества воды и к тому же мог стать причиной лихорадки, чиновники посчитали преждевременным. Приоритетными направлениями были названы плодоводство (выращивание груш, яблонь, персиков, абрикосов, инжира) и виноградарство. При этом специалисты отметили, что развитие железнодорожной сети будет способствовать сбыту сухофруктов по всей России. Наиболее прибыльным способом переработки винограда Н. А. Ваганов называл виноделие. Чиновник подчеркнул, что в целях экономии наладить изготовление вина целесообразно в рамках собственного удельного производства. Примечательно, что напротив изложения этой мысли на полях рапорта Н. А. Ваганова по результатам поездки начальник Департамента уделов поставил жирный знак вопроса. Отметим, что данный сегмент мургабской экономики так и не получил развития.

³РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 16 об.

⁴Там же. Л. 18.

⁵Имеются в виду хлопкоочистительные машины.

⁶РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 19.

⁷Там же. Л. 19 об.

По итогам своей командировки Н. А. Ваганов сделал следующий вывод: «Оседлые жители из большинства посещенных местностей были бы весьма желательными поселенцами для государева имения... ввиду густоты населения, которое не уклоняется ни от какого труда, коль скоро труд дает хороший барыш, весьма вероятно, такие поселенцы и найдутся, если условия пользования землей в государевом имении будут необременительны и, главное, понятны мусульманскому населению, которое во всем обиходе своем держится традиционных воззрений, вытекающих преимущественно из Корана и разных его толкований, и весьма трудно отступает от этих воззрений»⁸. В приведенной цитате отражен еще один принцип функционирования имения, а именно учет региональными властями мусульманского фактора.

Во главе с Н. А. Вагановым была создана специальная комиссия. В ее состав вошли И. И. Поклевский-Козелл, Н. А. Лутцау, а также прибывшие вместе с Н. А. Вагановым из Петербурга лица. Члены комиссии разработали основные положения по устройству и колонизации Мургабского государева имения.

Ключевым направлением деятельности имения являлось орошение, следовательно, данному вопросу комиссия уделила особое внимание. На первоначальном этапе было решено создать систему орошения на правом берегу р. Мургаб, который отошел имению. Все орошенные земли предлагалось разделить на четыре категории: 1) «земли, которые останутся в непосредственном распоряжении и пользовании удельного ведомства»; 2) «земли, которые имеют быть отданы в постоянное пользование мусульманским поселенцам»; 3) «земли, которые будут отдаваемы в постоянное пользование русским поселенцам»; 4) «земли, оставляемые как запас для пользования ими в качестве удельных оброчных статей»⁹, т. е. отдаваемые на откуп или в аренду.

План развития системы орошения в Мургабском оазисе был постепенным, что обуславливало и поэтапность колонизации региона. Комиссии не удалось выяснить объем фактического водопользования туркмен. Это необходимо было сделать для того, чтобы не нарушить главное требование императорского указа от 6 августа 1887 г., а именно не стеснять коренное население в водопользовании (сохранить за ним традиционно потреблявшийся объем воды). Основываясь на практике водопользования в Туркестанском крае, комиссия не смогла установить единую норму воды, необходимую для орошения 1 дес.

земли. В каждом районе генерал-губернаторства был свой объем фактического потребления воды, хотя практически везде была установлена норма, равная 0,5 л. Специалисты во главе с Н. А. Вагановым предположили, что «в Мервском оазисе вследствие сильных жаров и сухости воздуха для орошения, весьма вероятно, потребуется на десятину значительно более 0,5 литра воды»¹⁰. В данном вопросе между чиновниками не было согласия, поэтому даже получение сведений о водосбросе после возведения плотины ничем не помогло в определении размера будущих сельскохозяйственных площадей и количества требуемых поселенцев.

Исходя из указанных обстоятельств, «комиссия и пришла к заключению, что орошение в пределах государева имения надлежит устраивать постепенно – участками, по мере выяснения данных, которые дадут возможность точно определить полный размер его»¹¹. Крупные участки (очереди) полагалось классифицировать по указанным четырем категориям. Выделение данных категорий свидетельствует о том, что руководство Департамента уделов первоначально не планировало развивать на территории имения арендные отношения, отмечая тенденцию к минимальному влиянию капиталистических принципов на развитие экономики в регионе. Примечательно, что на полях текста с основными положениями по устройству и колонизации Мургабского государева имения некто из высокопоставленных чиновников (скорее всего, управляющий Департаментом уделов) оставил пометку «Nota bene», что можно расценить как согласие с предложением комиссии.

В соответствии с императорским указом и распоряжениями удельного ведомства специальная комиссия во главе с Н. А. Вагановым предложила все орошенные земли имения разделить на земли для пользования переселенцами и земли для удельного ведомства «в целях извлечения... дохода теми способами, какие будут признаны наиболее удобными»¹².

Кроме того, чиновники сочли желательным привлечь в имение как можно больше русских. Но, понимая, что новоселы способны так или иначе дискредитировать русский нациеобразующий народ, власти пришли к заключению, что «формировать русское население на землях государева имения надлежит крайне осторожно, и принимать преимущественно лиц, уже ранее живших в крае и несколько привычных и к его климату, и способу обработки земли»¹³. Русские могли прибыть как из Закаспийской области, так и из Туркестанского края или Закавказья.

⁸РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 20 об.

⁹Там же. Л. 67.

¹⁰Там же. Л. 76 об.

¹¹Там же. Л. 76.

¹²Там же. Л. 84.

¹³Там же. Л. 85–85 об.

Предложение комиссии селить на территории Мургабского государева имения лишь семейных людей являлось обоснованным. В семье было несколько рабочих рук, способных возделывать участок. Одинокие же переселенцы могли растратить пособия, а затем исчезнуть, сдать свой участок в аренду, уйти в работники, заняться мелкой торговлей и т. д.

Таким образом, основную массу поселенцев могли составить благонадежные оседлые мусульмане, обладающие высокой земледельческой культурой. Опыт поездки по Туркестанскому краю убедил членов комиссии предоставлять поселенцам не более 4 дес. земли: хозяйства такого размера демонстрировали наибольшую эффективность. Мусульманам участки следовало выделять на прозрачных условиях, исключая варианты долгосрочной аренды (непонятной для мусульман) и годичной аренды (неудобной для управления имением). Выбор был сделан в пользу бессрочного потомственного пользования на условиях постоянной обработки земли и внесения установленной платы. Распространение данных условий на русских поселенцев (вместо более привычной для них аренды) обосновывалось тем, что нельзя было ставить местных мусульман в привилегированное положение. Комиссия во главе с Н. А. Вагановым поддержала все формы оказания помощи поселенцам (кроме денежной), но на возмездных условиях с обязательным возвратом.

На собственных землях удельного ведомства предлагалось создать лесопосадки, виноградники, питомник и специальные участки для выращивания деревьев (они были необходимы для укрепления берегов каналов, сдерживания песков и засадки земель, непригодных для культивирования, а также для выращивания фруктовых саженцев), поля для хлебных и фуражных посевов, хлопковую плантацию, жилые и хозяйственные постройки и здания для промышленных предприятий. Следует отметить, что идея заведения на этих землях собственного большого хозяйства не встретила поддержки в г. Петербурге в силу того, что представляла «дело по существу коммерческое, которое потребует значительных затрат, содержания большого персонала, всегда с известным риском, почему может и не дать предполагаемых от него выгод, а главное, будет крайне обременительно для управления имением»¹⁴.

Единственной сельскохозяйственной отраслью, которую комиссия во главе с Н. А. Вагановым настоятельно рекомендовала оставить в имении исключительно в ведении удельного ведомства, было виноделие. Данное предложение не встретило возражений в столице. Плодовые деревья планирова-

лось выращивать в целях распространения хороших сортов, а также для продажи саженцев. Те же цели были поставлены и в отношении выращивания хлопчатника: «Хлопок на плантации будет разводиться только в размерах, необходимых для снабжения поселенцев доброкачественными семенами лучших сортов хлопка»¹⁵. Данное рассуждение вызвало у руководителей уделов сомнение, что было выражено вопросительным знаком на полях текста с основными положениями по устройству и колонизации Мургабского государева имения.

Участки, которые предполагалось отдать мусульманским поселенцам, переходили им «в бессрочное потомственное пользование из платежа за такое пользование ежегодно хераджа»¹⁶ или подати в размере известной части урожая, взимаемой натурой»¹⁷. Размер хераджа являлся одинаковым для всех поселенцев и составлял от 1/8 до 1/10 части урожая. Размер участка не мог превышать 4 дес. земли. Иными словами, сельское хозяйство в имении должно было стать массовым среди мусульман и экономически привлекательным для коренных жителей региона. В случае отказа поселенца от возделывания земли или при невозможности уплаты хераджа участок можно было изъять и сдать другому лицу. Новые принципы землепользования оставались привычными для коренных жителей по форме, но по своей сути становились уже капиталистическими. Взимание же хераджа натурой следует рассматривать скорее в контексте стабильного обеспечения потенциальных хлопкоочистительных заводов, чем в контексте попытки сдержать распространение буржуазных принципов. Замена натуре денежным взносом допускалась лишь в исключительных случаях и только с утверждения Департамента уделов¹⁸.

Из русских землепользователей в имение полагалось приглашать только семейных людей, допуская при этом подворное, а не общинное владение участками. Условия владения участком для русских были те же, что и для мусульман. Таким образом, с одной стороны, формально соблюдался принцип социальной справедливости, а с другой стороны, на российское (православное) население распространялись нормы мусульманского имущественного права, что шло вразрез не только с идеологическими установками, но и с административными практиками того времени.

Было предложено сдавать участки площадью не более 50 дес. земли на срок не более 36 лет. Арендаторами одного участка могли стать как проживающие в имении поселенцы, так и сторонние лица. Соответствующие правила предлагалось разработать

¹⁴РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 95 об.

¹⁵Там же. Л. 67 об.

¹⁶Херадж – поземельный налог с посевных площадей у мусульман.

¹⁷РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 68.

¹⁸Там же. Л. 68 об.

управлению имением. Объясняя такой подход к сдаче участков в аренду, комиссия отметила: «Можно надеяться, что если сроки аренды будут продолжительными, то на этих участках разовьется постепенно фермерское хозяйство и что они, в большей по крайней мере части, будут в руках русских. <...> Подобные арендаторы были бы во всех отношениях желательны: они внесут и укрепят русский элемент в Мервском оазисе и при этом, как люди более развитые, сумеют, конечно, правильно поставить свои хозяйства. Поэтому и предполагается сдавать подобные участки на срок до 36 лет, а размер участков установить в пределах до 50 десятин, так как на подобном куске орошенной земли в большинстве местностей Средней Азии можно завести хозяйство, над которым стоит потрудиться. В течение 36-летнего арендного срока прилежный и разумный хозяин, имея 50 или даже менее десятин поливной земли в своем распоряжении, может не только прожить с известным довольством, но и составит себе порядочное состояние»¹⁹.

Одного из высокопоставленных чиновников, который ознакомился с планом развития имения, удивило предложение предоставлять оброчные статьи именно в аренду и именно в размере до 50 дес. земли. Определить, что смутило начальство Н. А. Ваганова, сложно, но можно сделать следующее предположение: руководство Департамента уделов готово было рассматривать сдачу в аренду более крупных участков, что позволило бы не только упростить процесс администрирования, но и привлечь дополнительные инвестиции в гидрологическое развитие имения. Как свидетельствует объяснительная записка к основным положениям по устройству и колонизации Мургабского государева имения²⁰, столичный начальник вычеркнул рассуждения комиссии о том, что более крупные арендные участки привлекут в край либо крупные фирмы, либо спекулянтов (это противоречило императорскому указу от 6 августа 1887 г.).

Специальная комиссия во главе с Н. А. Вагановым посчитала возможным предоставить управляющему имением право в особых случаях сдавать лицам русского происхождения относительно крупные участки (до 50 дес.) в бессрочное пользование на условиях, установленных для владельцев мелких участков (мусульман и русских). Данное предложение вызвало у начальства множество вопросов²¹.

Представители Департамента уделов обратили особое внимание на развитие ирригационной сети в имении. Они посчитали целесообразным внести следующее предложение: «Управление имением должно устроить главные, распределительные и ороситель-

ные каналы; устройство же поливной сети на участках, сданных в пользование, производится самими поселенцами и арендаторами на их средства, но по указаниям и под надзором Управления имением»²². Водворение поселенцев в имении было предложено осуществлять постепенно, синхронизировав его с процессом орошения земель. Комиссия предложила «мусульманскому населению, как более знакомому с практикой орошения, земельные участки... отводить в более отдаленных от магистрали местах, русскому же населению – в местах более близких к магистрали»²³.

В имение планировалось приглашать мусульман из Ферганской и Самаркандской областей, Хивинского ханства и Бухарского эмирата, дунган и таранчей из Семиреченской области [11], а также выходцев из китайского города Кашгара. Следовательно, переселение на правый берег реки (на земли имения) сарыков, которые проживали на левом берегу р. Мургаб в Иолотанском оазисе и «земледельческая культура у которых стоит на весьма низкой степени», было признано нежелательным²⁴. Привлекая русских переселенцев, следовало отдавать предпочтение людям, имевшим представление об особенностях местного земледелия.

Важно отметить следующий момент. На левом берегу р. Мургаб, который частично входил в состав имения, земледелием занимались сарыки, используя воду, отведенную от плотины Казыклыбент, расположенной выше Султанбентской плотины. Рассуждая о том, с какой точки следует начать возведение ирригационных сооружений, управляющий имением первоначально предлагал строить каналы от Султанбентской плотины вниз и по правой, и по левой стороне р. Мургаб. Он считал возможным переселить сарыков на земли на правом берегу реки, которые предполагалось оросить в первую очередь, а прежние их земли включить в состав имения.

Данное предложение оказалось неприемлемым по нескольким причинам. У сарыков, как и у прочих туркменских племен, «...земледельческая культура стоит на весьма низкой степени. Они ведут переложное хозяйство, засевая каждый год новые земли, и лишь на четвертый год переходят на старые места; особого старания в уходе за участками не знают, так как владение у них общинное с ежегодными переделами. Между тем во всех сопредельных с Мервом областях – в Бухаре, во всех областях Туркестанского края и даже у мусульман Семиреченской области – живет население, у которого земледельческая культура стоит весьма высоко. Там знают и удобрение, и хороший уход за землей; там каждый участок

¹⁹РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 99–100.

²⁰Там же. Л. 72–111.

²¹Там же. Л. 68 об.

²²Там же. Л. 68 об. – 69.

²³Там же. Л. 69 об.

²⁴Там же. Л. 70.

остаётся всегда в тех же руках и никаких переделов земли не бывает, а потому владелец имеет полный расчет постепенно удобрять и улучшать свою землю; во многих местностях ведется вполне интенсивное хозяйство, при котором весь участок постоянно находится под посевами»²⁵.

Исходя из содержания приведенной цитаты, можно сделать вывод: «Очевидно, что подобных поселенцев, привыкших хорошо хозяйничать и довольствоваться небольшими участками, гораздо желательнее и выгоднее привлечь в имение, чем сарыков, у которых 2/3 земли будет всегда пустовать, а оставшая треть переделаться и плохо обрабатываться»²⁶. Чиновники отметили, что, если земля будет простаивать, сарыки не смогут вносить арендную плату наравне с другими земледельцами и имение будет терпеть убыток. По мнению комиссии во главе с Н. А. Вагановым, сарыки рано или поздно примут прогрессивную систему севооборота, но «такое улучшение культуры должно идти естественным путем; принимать же на себя перевоспитание целого племени едва ли входит в задачи удельного ведомства при устройстве государева имения»²⁷. Судя по пометкам на полях текста с основными положениями по устройству и колонизации Мургабского государева имения, руководство Департамента уделов было согласно с мнением членов комиссии о нежелательности привлечения в имение сарыков.

Еще одну проблему представлял правовой аспект регулирования земельной собственности сарыков. Принадлежавший им участок, который был расположен на левом берегу р. Мургаб, находился в собственности правителя государства, что отвечало мусульманскому праву и не противоречило законодательству Закаспийской области. Передача участка имению влекла ряд межведомственных трудностей. Кроме того, на тот момент поземельные отношения в области еще не были полностью урегулированы. В связи с этим комиссия согласилась с проектом орошения первого участка площадью около 20 000 дес.²⁸ на правом берегу р. Мургаб с перспективой развития ирригационной системы.

В целях обеспечения безопасности функционирования ирригационной системы в состав имения следовало включить оба берега р. Мургаб (в том числе выше Султанбентской плотины). От песков границы имения должны были защитить специальные лесопосадки.

Рассмотренная нами часть положений по устройству и колонизации Мургабского государева имения по определенным причинам была отвергнута сто-

личным начальством. Не исключено, что предложенные идеи были признаны преждевременными. Но скорее всего, от них отказались из-за того, что изменилась стратегия ведения хозяйства. Новый подход предполагал отказ от владений и крупной аренды и переход к мелкой аренде.

В качестве рекомендаций было решено оставить в силе предложения комиссии во главе с Н. А. Вагановым, представленные в завершающей части документа. Так, руководство Департамента уделов согласилось с идеей направить управляющего имением подполковника Н. А. Лутцау в еще не обследованные Семиреченскую область и Хивинское ханство для сбора сведений о потенциальных переселенцах, а также о местных традициях орошения. Также Н. А. Лутцау следовало поручить распространение в туркестанских областях и соседних мусульманских странах информации об условиях переселения в имение. При этом для детального ознакомления с условиями желающие должны были направлять в имение своих представителей²⁹. Кроме того, Н. А. Лутцау должен был представить в Департамент уделов предложения о льготах и пособиях для переселенцев. Столичное начальство возложило на него и задачу по созданию торговых и питейных заведений в имении³⁰.

Руководство уделами, видимо не желая связывать себя дополнительными обязательствами, отклонило предложение комиссии во главе с Н. А. Вагановым о покупке в имение за его счет джинов, прессов для обработки хлопка и выжимки масла из хлопковых семян, а также машин для размотки шелковых коконов с целью развития хлопководства и шелководства, а также для оказания помощи в сбыте произведенной продукции³¹.

Основные положения по устройству и колонизации Мургабского государева имения, а также внесенные в текст пометки свидетельствуют о том, что к концу 1889 г. руководство Министерства императорского двора и уделов не смогло определиться не только с конкретными мерами по заселению имения, но и с ключевыми принципами развития его экономики. При этом было очевидно, что ведение хозяйства в имении следует ориентировать на капиталистические принципы экономики, а местное производство должны обеспечить русские и коренное население.

Люди, стоявшие у истоков создания имения, были уверены в особом предназначении этого проекта: «Предстоящее устройство государева имения есть первая большая попытка доказать, что и русские умеют вызывать к жизни местности дотоле мертвые

²⁵РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 80–80 об.

²⁶Там же. Л. 79 об. – 80.

²⁷Там же. Л. 81 об.

²⁸Там же. Л. 83.

²⁹Там же. Л. 70–70 об.

³⁰Там же. Л. 71.

³¹Там же. Л. 70 об.

и создавать в них население – и удачное исполнение предпринятого дела будет иметь громадное, можно сказать, государственное значение. Устроив орошение на Мургабе и заселив орошенные земли, удельное ведомство не только создаст новый, надо надеяться, в значительной степени русский центр в наших среднеазиатских владениях и тем еще более поднимет обаяние русского имени в Среднеазиатском крае»³². Неудачные оросительные проекты на Кавказе и в Туркестанском крае поставили под вопрос возможности русских в создании эффективных ирригационных систем. С учетом этого обстоятельства мургабский проект приобретал особое значение.

При реализации задумки о создании имения следовало проявлять осторожность, действовать последовательно и не ставить недостижимые цели. Тем более недопустимо было стремиться к выполнению проектов по возрождению всего Мервского оазиса. Можно предположить, что такая идея муссировалась в правительственных кругах. Официальных подтверждений этому найти не удалось, но мероприятия военного ведомства по исследованию оросительных возможностей долины р. Мургаб вскоре после ее присоединения к России косвенно свидетельствуют о вероятном существовании проектов по возрождению всего Мервского оазиса. Члены комиссии во главе с Н. А. Вагановым не отвергали эту идею и предлагали вернуться к ней, «когда опыт эксплуатации орошенных земель и большее знакомство с рекой Мургабом» обогатят их новыми знаниями³³.

Материалы комиссии легли в основу доклада, подготовленного Министерством императорского двора и уделов в феврале 1890 г., согласно которому первоначально следовало подвергнуть орошению 20 000 дес. земли на правом берегу р. Мургаб, в непосредственной близости к строившейся Султанбентской плотине³⁴.

В названном документе было изложено и другое мнение комиссии во главе с Н. А. Вагановым. Так, предлагалось отказаться от рискованного устройства в имении крупных плантаций и ограничиться следующими мерами: расширением уже существующего питомника фруктовых и лесозащитных деревьев с 40 до 65 дес.; созданием полей для возделывания растений на корм принадлежащему имению скоту, а также плантации для выращивания семян американского хлопчатника; приобретением приспособления для размолота хлеба, очистки и прессования хлопка, обработки хлопкового семени на масло; выращиванием винограда для виноделия³⁵.

Столичное начальство поддержало предложения комиссии и в части регулярного землепользования. На рассмотрение императора была вынесена идея об отведении основной части орошенных земель под заселение (некоторую часть предполагалось оставить для аренды). На арендных землях следовало организовать средние по площади и по размеру оборотного капитала хозяйства, доступные «для людей энергических, знающих край, но не обладающих богатыми средствами», которые могли бы найтись среди бывших местных военных и гражданских чиновников. Как и предлагал Н. А. Ваганов, размер участков не должен был превышать 50 дес., а срок аренды – 36 лет³⁶.

Признавая, что русское население, несмотря на желание властей, составит лишь незначительную часть поселенцев в имении, министр согласился с тем, что местных текинцев и сарыков с их низким уровнем земледельческой культуры следует исключить из списка претендентов на переселение в имение, отдав предпочтение сартам и таджикам из Ферганской и Самаркандской областей, Хивинского ханства и Бухарского эмирата, дунганам и таранчам из Семиреченской области и выходцам из китайского города Кашгара. Основную массу поселенцев должны были составить мусульмане. В связи с этим правила землепользования, согласно предложению комиссии во главе с Н. А. Вагановым, надлежало разработать с учетом мусульманской традиции, несмотря на то что взимание платы за землю натурой было неудобным для российской администрации. Перевод платежей с натуры в денежную форму предлагалось оставить на будущее³⁷.

Министерство императорского двора и уделов поддержало мнение комиссии о постепенном проведении колонизации имения вслед за расширением поливных площадей, а также идею поручить переселенцам сооружение поливных канав от магистрального и распределительных каналов. Управление имением, вводя в эксплуатацию новый участок, должно было представлять в министерство соответствующий проект с указанием земли, которая отходила непосредственно имению, переселенцам и арендаторам. Так, «для облегчения труда русского населения в устройстве поливной сети» места для русских колонистов и арендаторов (видимо, существовала уверенность, что среди них будут в основном русские) было решено выделить ближе к магистральным каналам³⁸. Доклад завершался предложениями по регулированию и сдерживанию переселенческого

³²РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 108 об. – 109.

³³Там же. Л. 111.

³⁴Там же. Л. 134.

³⁵Там же. Л. 134–134 об.

³⁶Там же. Л. 135.

³⁷Там же. Л. 135 об. – 136.

³⁸Там же. Л. 136 об.

процесса, который, по мнению удельных чиновников, мог приобрести массовый характер.

Император Александр III 2 марта 1890 г. утвердил указанный доклад Министерства императорского двора и уделов. Таким образом, предложения

действительного статского советника Н. А. Ваганова обрели законную силу. Через неделю утвержденные Александром III положения были доведены до сведения управляющего Мургабским государевым имением³⁹.

Заключение

Обстоятельства разработки основных положений по учреждению и развитию Мургабского государева имения, в частности мер по заселению территории оазиса и ее орошению, демонстрируют полное взаимопонимание между представителями всех уровней Министерства императорского двора и уделов в этих вопросах на первоначальном этапе.

Ведение хозяйства в имении основывалось на следующих принципах:

- постепенном развитии оросительной системы и поэтапной колонизации имения;
- отсутствии собственного крупного хозяйства с допущением учреждения хозяйственных заведений лишь для обеспечения прямых нужд имения;

• создании промышленных предприятий для удовлетворения потребностей поселенцев и арендаторов в первичной переработке урожая;

• учреждении винодельного производства;

• привлечении переселенцев из соседних областей Туркестанского края, Семиреченской области, Бухары, Хивы и Кавказа среди хозяйственных производителей;

• сдаче части земель в аренду;

• соответствии механизма взимания платы за пользование землей представлениям мусульман.

Со временем в имении был расширен промышленный кластер, созданы социально-бытовые условия для служащих и рабочих, но названные принципы ведения хозяйства были сохранены.

Библиографические ссылки

1. Тихомиров МН. *Присоединение Мерва к России*. Москва: Издательство восточной литературы; 1960. 239 с.
2. Канода НН. *Аграрная политика царизма в Туркменистане*. Ашхабад: Ылым; 1991. 224 с.
3. Савельев ПИ, редактор. *Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века)*. Москва: Первый печатный двор; 1997. 237 с.
4. Гаспаров Б, редактор. *Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов*. Москва: Обьединенное гуманитарное издательство; 1997. 414 с.
5. Brower DR, Lazzerini EJ, editors. *Russia's orient: imperial borderlands and peoples, 1700–1917*. Bloomington: Indiana University Press; 1997. 339 p.
6. Burbank J, Ransel D, editors. *Imperial Russia: new histories for the empire*. Bloomington: Indiana University Press; 1998. 359 p.
7. Абашин СН, Арапов ДЮ, Бекмаханова НЕ, редакторы. *Центральная Азия в составе Российской империи*. Москва: Новое литературное обозрение; 2008. 451 с.
8. Каппелер А. *Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад*. Червоная С, переводчик. Москва: Прогресс-традиция; 1997. 342 с.
9. Миллер АИ. *Империя Романовых и национализм*. Москва: Новое литературное обозрение; 2006. 240 с.
10. Васильев ДВ. *Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2020. 608 с.
11. Васильев ДВ, Асанова СА. Приют для страждущих: миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2023;1:34–46. DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46.

References

1. Tikhomirov MN. *Prisoedinenie Merva k Rossii* [Annexation of Merv to Russia]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury; 1960. 239 p. Russian.
2. Kanoda NN. *Agrarnaya politika tsarizma v Turkmenistane* [Agrarian policy of tsarism in Turkmenistan]. Ashgabad: Ylym; 1991. 224 p. Russian.
3. Savel'ev PI, editor. *Imperskii stroi Rossii v regional'nom izmerenii (XIX – nachalo XX veka)* [The imperial system of Russia in the regional dimension (19th – early 20th centuries)]. Moscow: Pervyi pechatnyi dvor; 1997. 237 p. Russian.
4. Gasparov B, editor. *Kazan', Moskva, Peterburg: Rossiiskaya imperiya vzglyadom iz raznykh uglov* [Kazan, Moscow, Petersburg: the Russian Empire as seen from different corners]. Moscow: Ob'edinennoe humanitarnoe izdatel'stvo; 1997. 414 p. Russian.
5. Brower DR, Lazzerini EJ, editors. *Russia's orient: imperial borderlands and peoples, 1700–1917*. Bloomington: Indiana University Press; 1997. 339 p.

³⁹РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 139–143 об.

6. Burbank J, Ransel D, editors. *Imperial Russia: new histories for the empire*. Bloomington: Indiana University Press; 1998. 359 p.
7. Abashin SN, Arapov DY, Bekmakhanova NE, editors. *Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii* [Central Asia within the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2008. 451 p. Russian.
8. Kappeler A. *Rossiia – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad* [Russia as a multinational empire. Rise. History. Collapse]. Chervonaya S, translator. Moscow: Progress-traditsiya; 1997. 342 p. Russian.
9. Miller AI. *Imperiya Romanovyh i nacionalizm* [The Romanov empire and nationalism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2006. 240 p. Russian.
10. Vasil'ev DV. *Rozhdenie imperii. Yugo-vostok Rossii: XVIII – pervaya polovina XIX v.* [Birth of the Empire. South-East Russia: 18th – first half of the 19th century]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin; 2020. 608 p. Russian.
11. Vasil'ev DV, Asanova SA. [Shelter for the afflicted: migration from Xinjiang to Russia in the 1860–1880s]. *RUDN Journal of Russian History*. 2023;1:34–46. Russian. DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46.

Получена 25.05.2024 / принята 04.10.2024.
Received 25.05.2024 / accepted 04.10.2024.

ЭТНОЛОГИЯ

ЭТНАЛОГІЯ

ETHNOLOGY

УДК 39(=161):930(437=25)«18»

ПРОТОЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКУЮ ТЕМАТИКУ В ПРАЖСКОМ ЖУРНАЛЕ «ОСТ УНД ВЕСТ»

П. ЛОЗОВЮК¹⁾

¹⁾Западно-Чешский университет, ул. Университетская, 2732/8, 30100, г. Пльзень, Чехия

Аннотация. Анализируется деятельность основанного в 1837 г. пражского журнала «Ост унд вест», в частности публикация протоэтнографических текстов на восточнославянскую тематику. Отмечается, что издание стремилось выступить посредником в культурном обмене между Восточной и Западной Европой. В журнале печатались произведения популярных чешских и чешско-немецких авторов, а также переводы трудов известных публицистов из Восточной и Западной Европы. Исследуется творчество двух авторов издания, И. Г. Коля и Л. Александера, которые по уровню осведомленности о восточнославянской культуре и стилистического мастерства превосходили своих коллег. Кратко повествуется об информированности немецкоязычной среды о жизни славянского мира в первой половине XIX в., а также об отличительной попытке журнала «Ост унд вест» способствовать славяно-немецкому сближению.

Ключевые слова: журнал «Ост унд вест»; И. Г. Коль; Л. Александер; протоэтнографические тексты; славяно-немецкие отношения.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках научного проекта SGS-2023-021 Западно-Чешского университета.

Образец цитирования:

Лозовиук П. Протоэтнографические публикации на восточнославянскую тематику в пражском журнале «Ост унд вест». Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024;4:89–98.
EDN: LBSEKQ

For citation:

Lozoviuk P. Proto-ethnographic publications on the East Slavic theme in the Prague journal «Ost und West». Journal of the Belarusian State University. History. 2024;4:89–98. Russian.
EDN: LBSEKQ

Автор:

Петр Лозовиук – доктор философских наук, доцент; доцент кафедры антропологии философского факультета.

Author:

Petr Lozoviuk, doctor of science (philosophy), docent; associate professor at the department of anthropology, faculty of arts.
lozoviuk@ff.zcu.cz

ПРОТАЭТНАГРАФІЧНЫЯ ПУБЛІКАЦЫІ НА ЎСХОДНЕСЛАВЯНСКУЮ ТЭМАТЫКУ Ў ПРАЖСКИМ ЧАСОПІСЕ «ОСТ УНД ВЕСТ»

П. ЛАЗАВЮК^{1*}

^{1*} Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, вул. Універсітэцкая, 2732/8, 30100, г. Пльзень, Чэхія

Анотацыя. Аналізуецца дзейнасць заснаванага ў 1837 г. пражскага часопіса «Ост унд вест», у прыватнасці публікацыя протаэтнаграфічных тэкстаў на ўсходнеславянскую тэматыку. Адзначаецца, што выданне імкнулася выступіць пасрэднікам у культурным абмене паміж Усходняй і Заходняй Еўропай. У часопісе друкаваліся творы папулярных чэшскіх і чэшска-нямецкіх аўтараў, а таксама пераклады прац вядомых публіцыстаў з Усходняй і Заходняй Еўропы. Даследуецца творчасць двух аўтараў выдання, Ё. Г. Коля і Л. Аляксандэра, якія па ўзроўні дасведчанасці аб усходнеславянскай культуры і стылістычнага майстэрства пераўзыходзілі сваіх калег. Кратка распавядаецца пра інфармаванасць нямецкамоўнага асяроддзя пра жыццё славянскага свету ў першай палове XIX ст., а таксама пра адметную спробу часопіса «Ост унд вест» спрыяць славяна-нямецкаму збліжэнню.

Ключавыя словы: часопіс «Ост унд вест»; Ё. Г. Коля; Л. Аляксандэр; протаэтнаграфічныя тэксты; славяна-нямецкія адносіны.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках навуковага праекта SGS-2023-021 Заходне-Чэшскага ўніверсітэта.

PROTO-ETHNOGRAPHIC PUBLICATIONS ON THE EAST SLAVIC THEME IN THE PRAGUE JOURNAL «OST UND WEST»

P. LOZOVIUK^a

^aUniversity of West Bohemia, 2732/8 Univerzitní Street, Pilsen 30100, Czechia

Abstract. The article analyses the activities of the Prague magazine «Ost und West», founded in 1837, in particular the publication of proto-ethnographic texts on East Slavic subjects. It is noted that the publication sought to mediate cultural exchange between Eastern and Western Europe. The magazine published works by popular Czech and Czech-German authors, as well as translations of the works of famous publicists from Eastern and Western Europe. The work of two authors of the publication, J. G. Kohl and L. Alexander, who surpassed their colleagues in terms of awareness of East Slavic culture and stylistic skill, is studied. At the same time, it briefly tells about the awareness of the German-speaking environment about the life of the Slavic world in the first half of the 19th century, as well as about the attempt of the «Ost und West» magazine to promote Slavic-German rapprochement.

Keywords: journal «Ost und West»; J. G. Kohl; L. Alexander; proto-ethnographic texts; Slavic-German relations.

Acknowledgements. The article was prepared as part of a scientific project SGS-2023-021 of the University of West Bohemia.

Введение

В чешской интеллектуальной среде конец первой трети XIX в. ознаменовался ощутимыми достижениями в рамках процесса, который впоследствии стал известен как чешское национальное возрождение. Этот процесс охватил многие стороны общественной жизни Чехии, в том числе нашел отражение в публикации научных исследований на чешском языке. В 1821 г. начал выходить первый чешский научный журнал «Шаг»¹ («Krok»). В 1827 г. по инициативе историка Ф. Палацкого было организовано издание еще одного чешского научного сборника. Он выходил

под названием «Журнал общества патриотического музея в Чехии» («Časopis společnosti vlastenského museum w Čechách»). В эти годы Ф. Палацкий занимался сбором архивных данных по всей Европе. Впоследствии они были представлены в труде, посвященном истории Чехии (опубликован в 1836 г. на немецком языке). В 1831 г. было создано национальное культурно-просветительское общество «Матица чешская», которое финансировало издание чешской литературы, в том числе научных трудов. В конце 1833 г. Й. Юнгман завершил многолетнюю

¹Здесь и далее перевод наш. – П. Л.

работу по составлению чешско-немецкого словаря², который наряду с трудом Й. Добровского «Подробная учебная программа по чешскому языку» [1] сыграл большую роль в установлении норм современного чешского языка. Примерно в то же время Я. Коллар опубликовал поэтический эпос «Дочь Славы»³. Кроме того, он является автором нескольких идеологических трактатов, в которых развивается идея о славянской взаимности. Весной 1833 г., закончив свою работу в сербском Нови-Саде, в Прагу приезжает П. Й. Шафарик и полностью посвящает себя созданию современной славистики и, следовательно, славянской этнографии.

В период национального возрождения Чехии появилась идея о создании чешского культурного моста, который должен наладить диалог между славянским востоком и германским западом в рамках европейского континента. Данная идея послужила стимулом для основания в 1837 г. журнала «Ост унд вест» («Ost und West»). Издание несколько не соответствовало тенденциям своего времени, поскольку было призвано служить своеобразным посредником в культурном обмене между Восточной и Западной Европой, между славянским и германским миром. Понятно, что журнал должен был акцентировать внимание прежде всего на событиях в чешской среде и инфор-

мировать немецкоязычную аудиторию о чешских изданиях культурного и научного характера. Большое внимание издание уделяло описанию событий в культурной, прежде всего в литературной, жизни других славянских стран. В журнале на немецком языке печатались произведения популярных чешских и чешско-немецких авторов, а также переводы трудов известных публицистов из Восточной и Западной Европы. Информация об издании подробно представлена в монографии А. Хофмана [2].

В настоящей статье предпринимается попытка взглянуть на деятельность журнала «Ост унд вест» с точки зрения публикации протоэтнографических текстов. Исследуется творчество двух авторов издания, И. Г. Коля и Л. Александера, которые по уровню осведомленности о восточнославянской культуре и стилистического мастерства превосходили своих коллег. При этом кратко повествуется об информированности немецкоязычной среды о жизни славянского мира в первой половине XIX в., а также об отличительной попытке издания «Ост унд вест» способствовать славяно-немецкому сближению. Методологическую основу настоящей работы составляет экскерпция исследовательской литературы, прежде всего контент-анализ и этнографическая интерпретация текстов в изучаемой области.

Интерес немецкоязычных ученых к восточнославянским культурным реалиям в первой половине XIX в.

В Центральной Европе интерес к славянским, особенно к русским, реалиям появился еще в период раннего Просвещения. В этом контексте необходимо упомянуть выдающегося ученого рубежа XVII–XVIII вв. Г. В. Лейбница. Он внес весомый вклад в развитие современной историографии, географии и философии и стоял у истоков историко-сравнительного языкознания, которое во многом поспособствовало зарождению этнологии и этнографии как специальных научных дисциплин. С точки зрения Г. В. Лейбница, сравнительное языкознание выступает основным средством исследования происхождения отдельных народов и отношений между ними. Так, по его мнению, не обычаи и нравы, а исключительно языки являются надежным критерием классификации народов. Свое видение языкознания Г. В. Лейбниц изложил в ряде трактатов. Данные трактаты были приложены к его письмам, адресованным многим ученым, а также русскому царю Петру I. Российского государя, который задумывался о научном исследовании своей империи, Г. В. Лейбниц побудил к идее составления лингвистического образа русского населения. Примерно в 1710 г. по инициативе Г. В. Лейбница были разработаны планы первых научных экспедиций по Российской импе-

рии [3, р. 47–58], выполнение которых поручили немецкоязычным ученым. Чтобы систематизировать эту работу, в 1724 г. была создана Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге.

После учреждения данной академии российско-немецкие отношения стали более плодотворными, сотрудничество варьировалось от участия немецких ученых в экспедициях по Сибири до изучения русского языка и культуры в немецких университетах. Во второй половине XVIII в. представители русской науки поддерживали тесные связи с сотрудниками университетов немецких городов Галле и Лейпцига. Восточнославянские реалии очень интересовали ученых Гёттингенского университета, где работал А. Л. Шлёцер, который в то время был, вероятно, самым авторитетным западным экспертом в области славянской истории. В 1761–1767 гг. он проживал в Санкт-Петербурге и активно занимался научной деятельностью. Первоначально А. Л. Шлёцер проводил этнографо-лингвистические исследования⁴, а затем стал специалистом по истории древней России.

В конце XVIII – начале XIX в. вся славистика ориентировалась на работы А. Л. Шлёцера, в которых была представлена первая научно обоснованная система исследования славянских народов, их истории,

²Словарь в пяти томах был опубликован обществом «Матица чешская» в 1835–1839 гг.

³Первое издание работы датируется 1824 г. Второе издание эпоса вышло в 1832 г. в значительно расширенном виде.

⁴Особенности развития этнографии в эпоху Просвещения описаны в монографии Х. Ф. Вермюлена [3].

языка и культуры⁵ [4, S. 73]. На базе критического изучения источников он составил научный трактат «Общая история севера» («Allgemeine Nordische Geschichte»), посвященный истории славян. В данной работе славянские народы впервые были классифицированы по языковому критерию. Пробудившийся интерес немецкоязычного научного сообщества к неизведанной восточнославянской культуре выразился в основании в 1739 г. журнала «Гёттингенский научный вестник» («Göttinger Gelehrten Anzeigen»)⁶, который регулярно сообщал о новых произведениях славянской, особенно русской, научной литературы [2, S. 182].

Немецкоязычным периодическим изданием, которое освещало специфику русской культуры, был также журнал «Вклад в познание России и ее истории» («Beiträge zur Kenntniß Rußlands und seiner Geschichte»), издававшийся с 1816 г. И. Ф. Г. фон Эверсом. Повышенный интерес к историографическим, географическим и этнографическим исследованиям

Российской империи возник на рубеже 1830–40-х гг. Журнал «Архив научных знаний о России» («Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland»), который с 1841 г.⁷ издавался в Берлине физиком и геологом Г. А. Эрманом, систематизировал научно-популярные тексты, касающиеся России, и таким образом способствовал их популяризации в немецкоязычной среде. Значительная часть опубликованных в журнале материалов была переведена с русского языка. Свои статьи в редакцию журнала присылали и те немецкоязычные авторы, которые в то время поддерживали тесные контакты с российским научным сообществом. На страницах издания нередко встречались этнографические отчеты о Российской империи, например о представителях этносов и конфессий, проживавших в государстве. Аналогичные протоэтнографические статьи о культуре и истории народов, населяющих Российскую империю, можно найти на страницах журнала «Ост унд вест».

Журнал «Ост унд вест» в контексте своего времени

Пражский журнал «Ост унд вест», публикующий с подзаголовком «Письма для искусства, литературы и общественной жизни», выходил с середины 1837 по 1848 г.⁸ Он декларировал намерение выступить посредником в культурном обмене между Восточной и Западной Европой. Такая позиция сотрудников издания была обусловлена двумя факторами. Во-первых, в то время в Центральной Европе возросла популярность так называемых культурных журналов. Журнал «Ост унд вест» удовлетворял потребности увеличивающегося городского населения в сведениях развлекательного и образовательного характера. В первые десятилетия XIX в. подобные периодические издания являлись в немецкоязычных странах «двигателем модернизации через развлечение» [5, S. 38]. Кроме того, в 1830-х гг. наблюдались парадигмальные изменения в издательской деятельности: новостная периодика постепенно вытеснялась журналами, содержащими всевозможные мнения и интерпретации событий. Появилась тенденция к публикации большого количества комментариев и репортажей, посвященных национальным проблемам [6, S. 65].

Во-вторых, основатель и издатель журнала «Ост унд вест» Р. Глазер стремился уделять равное внимание славянам и немцам в масштабе как Богемии, так и всей Европы. По этой причине среди авторов издания было много сторонников налаживания славяно-немецкого

сотрудничества, причем как со стороны чехов, так и со стороны немцев. Среди чешских авторов журнала можно упомянуть, например, К. Сабину, Я. Э. Пуркине, Й. К. Тыла, П. Й. Шафарика, В. Б. Небеского, Я. Э. Воцеля. Среди немецких авторов необходимо назвать, помимо Р. Глазера и его жены Ю. Глазер, К. Э. Эберта, У. Хорн, Л. А. Франкла, И. Л. Вайзеля, З. Каппера, К. Херлошзона. Многие иностранные авторы из немецкоязычных и славянских стран, в том числе из Российской империи, также регулярно присылали в редакцию свои репортажи и обзорные статьи.

Основатель журнала являлся сторонником идеологии богемизма⁹. По словам Р. Глазера, издание «Ост унд вест» должно было внести вклад в развитие мировой литературы. В одном из своих текстов Р. Глазер задавал риторический вопрос: «Какая страна может быть более подходящей для этой цели, чем Богемия с ее наполовину славянским, наполовину немецким населением, страна, образующая границу между европейским Востоком и Западом, страна, где живет большое количество литераторов, знакомых с разными славянскими диалектами?» (цит. по [7]).

Таким образом, издание выполняло роль посредника «между славянским востоком и германским западом» [8, s. 204]. Работники издания стремились дать свою интерпретацию славянским культурным тенденциям, освещая литературу, искусство и быт славянских народов, а также представляя переводы

⁵Важную роль в развитии славистики и славянской протоэтнографии сыграл также труд К. Г. фон Антона «Первые строки в попытке рассказать о происхождении, обычаях, традициях старых славян и т. д.» («Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche etc.») (1783).

⁶Первоначально журнал назывался «Гёттингенские научные газеты» («Göttingische Zeitungen von Gelehrten Sachen»). Свое нынешнее название он носит с 1802 г.

⁷Журнал издавался в 1841–1867 гг. Всего вышло 25 томов.

⁸Первый выпуск журнала был опубликован 1 июля 1837 г., а последний выпуск – 10 июня 1848 г. Всего вышло 12 томов.

⁹Ведущим представителем концепции богемизма был философ и теолог Б. Больцано. Согласно данному учению Чехию населяет один народ, состоящий из двух «племен» (чехов и немцев) и говорящий на двух языках (чешском и немецком).

текстов славянской литературы, которая в то время процветала, но была недостаточно хорошо известна западным народам¹⁰. Идеологическое намерение сотрудников журнала состояло в том, чтобы сблизить чешское и чешско-немецкое общество в рамках территориального (а не этнонационального) патриотизма.

Основой журналистской практики издания «Ост унд вест» выступала заявленная им роль посредника между славянской и немецкой средой, в частности стремление стать интерпретатором и толкователем славянских культурных начинаний. На страницах журнала встречались и тексты, которые можно на-

звать этнографическими очерками или путевыми зарисовками. Большинство из них были представлены в специальном разделе «Очерки стран и народов». Среди опубликованных в издании материалов можно найти ряд оригинальных и заимствованных протоэтнографических текстов, содержащих подробные сведения как о европейских, так и о восточнославянских, особенно русских, реалиях. Таким образом, журнал «Ост унд вест» представлял собой ценный источник информации, позволяющей дать протоэтнографическую характеристику славянскому населению того времени.

Протоэтнографические публикации И. Г. Коля и Л. Александра

Помимо классических путевых заметок, где «путешественник лично и максимально достоверно описывает свое путешествие, успешность или безуспешность выполнения своей задачи, а также множество событий, ситуаций и порядков, которые он наблюдает вокруг себя» [9, S. 38], в журнале «Ост унд вест» публиковались исследования и другого формата. Это были работы, которые по структуре, функциям, авторскому замыслу и тематической направленности можно отнести к протоэтнографическим текстам. Авторы таких материалов стремились не только описать увиденное, но и передать читателям информацию этнографического характера, дополнив ее пояснительными комментариями, имеющими форму разноречивых интерпретаций.

По словам А. Хофмана, наибольший интерес среди подобных текстов вызывают очерки немецкого путешественника И. Г. Коля (рис. 1) [2, S. 224]. Оригинальные и увлекательные записки публициста о путешествиях сделали его одним из самых успешных и популярных немецкоязычных авторов XIX в. [10, S. 8]. О востребованности таланта И. Г. Коля свидетельствует уже то, что значительную часть своей жизни он зарабатывал именно литературным трудом. Постоянную оплачиваемую работу И. Г. Коль получил только в 1863 г. в библиотеке родного Бремена [10, S. 9]. Его многочисленные книги содержат ценные сведения о быте, нравах, достижениях материальной и духовной культуры населения Российской империи, многих европейских государств, а также США и Канады. В поздний период творчества И. Г. Коль предпринял попытку подготовить несколько обобщающих трудов, которые можно назвать предвосхищающими работами в области европейской сравнительной этнологии.

В начале 1840-х гг. в журнале «Ост унд вест» были опубликованы два текста И. Г. Коля. Один из них напечатан в том же году, что и трехтомная работа автора о путешествии по югу России [11]. Текст данной статьи [12] с несколько сатирическим названием «Немецкие удары в России, или Образцовые коло-

нии для цивилизации славян» был опубликован без редакционных изменений. Можно только догадываться, дал ли автор согласие на размещение своего текста в издании. Материал представляет собой сокращенный пересказ главы указанного трехтомника, в которой И. Г. Коль приводит этнографическое описание немецких колоний, расположенных на территории современной Одесской области Украины. В своей работе он сравнивал немецкую и русскую повседневную культуру. И. Г. Коль считал, что немцы обладают несколько более высокой культурой, чем русские. При этом в его глазах данный факт не обязательно был положительным моментом, поскольку немцы, по мнению автора, являются более последовательными, чем русские, даже в обмане [12, S. 154]. Как отмечал И. Г. Коль, у русских характер гораздо более мирный, чем у русских немцев.

Рис. 1. И. Г. Коль (1808–1878).

Источник: <https://archive.org/details/deutschegeograp09bremgoog/page/n115/mode/2up>

Fig. 1. J. G. Kohl (1808–1878).

Source: <https://archive.org/details/deutschegeograp09bremgoog/page/n115/mode/2up>

¹⁰ Тематический охват журнала был очень широким: на его страницах освещалась жизнь других европейских народов, а также народов, проживавших в Российской империи.

В качестве примера автор статьи упоминает жестокое наказание детей, которое он не раз наблюдал в немецких колониях.

По мнению А. Хофмана, второй текст И. Г. Коля, опубликованный в издании «Ост унд вест», был подготовлен именно для пражского журнала. Он отметил, что данный материал больше нигде не был напечатан [2, S. 225]. Однако этот тезис не соответствует действительности. Год спустя И. Г. Коль использовал текст как заключительную главу второго тома своей монографии «Путешествия по России и Польше» [13, S. 339–399]. Материал представляет собой обширное описание размышлений публициста о социально-культурной идентичности восточных славян того времени¹¹. Под заголовком «Великорусы и малорусы» автор, возможно, одним из первых среди западноевропейцев попытался описать различия между великорусами и малорусами, которых, с одной стороны, он считал членами единой общерусской нации (вместе с белорусами и «красными русскими»), а с другой – совершенно разными в плане культуры, характера, менталитета и языка этническими группами (рис. 2).

Главной особенностью всей русской нации И. Г. Коль называет «мощную ассимиляционную силу», благодаря которой были ассимилированы представители многих нерусских национальностей империи. Публицист отмечал: «Способный и талантливый народ овладел искусством переделывать и изменять чуждые формы» [14, S. 73]. Отношения между великорусами и малорусами, по его мнению, лучше всего отражают положение «нижних немцев» по отношению к «верхним немцам», причем «в этой параллели мы должны были бы отождествить малорусов с “нижними немцами”, а великорусов – с “южными немцами”» [14, S. 73]. «Малорусское племя» И. Г. Коль называет более древним, а его язык – более оригинальным, хотя и менее славянским, чем великорусский¹². В статье он описывает особенности коллективного характера и нравов обоих «племен» с точки зрения многих факторов. И. Г. Коль видит различия в физическом строении людей, их моральном облике, наклонностях, языке, поэзии, музыке, образе жизни, обычаях и традициях.

В своей «этнографической параллели» И. Г. Коль полемизирует с носителями стереотипных взглядов на душевный склад русских, формируя при этом собственные стереотипы. Все славяне, прежде всего русские, «...несмотря на их часто меланхолические и плаксивые песни, отличаются большой жизнерадостностью и бодростью, отсутствием тревоги о будущем, с которым тесно связано столь же большое равнодушие ко всему, что может наступить, и непревзойденной ленью в добывании запасов. Обе группы, великорусы и малорусы, любят радоваться, петь и веселиться, не любят много работать и никогда не напрягаются в работе; они переносят и удачу, и не-

счастье в той же степени, что солнце и молнию Бога; они являются пассивными в отношении возможности улучшения своего положения и не стремятся к стимулированию новых и реформирующих идей» [15, S. 81].

По сравнению с «превосходным» великорусом «малорус, считающий “москаля” своим завоевателем и полководцем... обычно выглядит независимым, немым и даже меланхолическим» [15, S. 81]. Для И. Г. Коля великорус – это сангвиник, по отношению к которому малорус находится в подчиненном положении. Великорус безмятежно и радостно смотрит в будущее, малорус же к нему в высшей степени равнодушен. Именно поэтому великорус, по мнению публициста, более филантропический, благожелательный, вежливый и услужливый, чем малорус, который отличается упрямостью и замкнутостью. Истоки этих коллективно разделяемых отличий он видит в неравных отношениях между крепостным русским и его помещиком. В интерпретации И. Г. Коля малорусы всегда были свободным народом, поэтому их отношения с помещиком характеризовались недоверием. Недостаток привязанности компенсировался избытком унижения. У великорусов, напротив, отношения между крепостным и помещиком были патриархальными, следовательно, случаи унижения происходили гораздо реже. И. Г. Коль также отмечает поразительные контрасты во многих аспектах повседневной культуры, стиле одежды, традиционной кухне и питании, танцах, музыке, фольклоре великорусов и малорусов, указывает на другие этнографические разнообразия. При этом публицист говорит о разной степени их честности, остроумия, просвещенности, суеверности, храбрости и чистоплотности¹³.

Склонность И. Г. Коля к схематичному восприятию коллективных характеристик сравниваемых этнических групп демонстрирует следующая цитата: «Дружелюбный, сангвинический темперамент великорусского человека соответствует тому, что он вежлив, услужлив, учтив и не упрям. Великорус любит давать объяснения, принимает инструкции и следует совету. Малорус, напротив, более сдержан, недружелюбен, груб прежде всего потому, что из-за своей лени не любит принимать доводы и так же неохотно вступает в споры. Он очень упрям и своенравен. Ни в одной славянской стране я не помню такого количества отрывистых и недружелюбных ответов на мои многочисленные “почему”, как в Малороссии. “Почему ты хочешь именно так?” – “Просто так”. – “Почему ты это делаешь?” – “Я хочу”. – “Почему они сделали это так?” – “Так треба”. Эти “так” и “я хочу” часто были единственными результатами моих длительных исследований, и подобные ответы как нельзя лучше отражают национальный характер малорусов» [15, S. 82].

¹¹ Материал был опубликован поэтапно в № 15, 17–19, 21, 22, 24–26 и 29 журнала за 1840 г.

¹² И. Г. Коль имел в виду якобы большое количество иностранных слов в малорусских диалектах.

¹³ По мнению публициста, русские в этом отношении превосходят даже англичан и голландцев.

была обеспечена проживанием в данной местности представителей разных этносов. Публицист отмечал, что «город построен... в новейшем стиле», здесь «встречается немало красивых и больших домов», при этом на вид местных многочисленных улиц и площадей наложил свой отпечаток именно «разнообразный образ жизни» одесситов, а также их «разнообразные средства существования» [16, S. 224]. В Одессе любой человек, «...привыкший к однообразию северных городов, в которых обыкновенно господствует один язык и один стиль одежды, будет удивлен разнообразием лиц и одежд, которые он здесь увидит, и языков, которые он здесь услышит. <...> В этом городе смешиваются народы, происходит обмен языком и обычаями» [16, S. 224]. Данное наблюдение Л. Александер проиллюстрировал несколькими примерами. Один из них представлен в разделе, посвященном малорусским перевозчикам, так называемым чумакам, которые, используя воловьих или конные повозки, доставляли зерно из Центральной Украины в Крым и Подолье, а отсюда везли на продажу соль, рыбу и сушеные фрукты.

Л. Александер настолько заинтересовался деятельностью чумаков, что решил более подробно познакомить читателей журнала с ее особенностями: «Поскольку главные реки юга России, Днепр и Буг, не допускают свободного плавания из-за опасных ка таракт и скалистых берегов, зерно, предназначенное для Одессы, перевозится из Волыни и Подолья не на лодках, а на воловьих волокушах. Крестьяне, называемые чумаками (вероятно, татарское слово), пересекают плодородную степь с севера на юг во всех направлениях со своими небольшими повозками,

обычно запряженными волами и нагруженными зерном... Путешествие проходит на удивление медленно, ведь за день они редко преодолевают более трех миль. Одежда чумаков состоит из пары гамашей из оленьей кожи или холста, пристегивающихся к телу ремнем, и рубашки угольно-черного цвета, пропитанной смолой, чтобы защитить владельца от паразитов и инфекционных заболеваний. Чумаки обычно ходят без головного убора и носят обувь, которая держится на ногах с помощью ремешков из древесной коры наподобие сандалий. Пища перевозчиков состоит из хлеба, лука, горохового или картофельного супа и самогона. Иногда в их трапезе присутствует небольшое количество мяса, и всегда они приступают к трапезе с аппетитом и в хорошем настроении. Чумаки почти нигде не останавливаются, отдыхают под открытым небом, обычно возле трактиров, и пускают свой скот пастись в травянистые степи. Земля – их очаг и лагерь. Разложив на земле большую охапку соломы, они собираются вокруг весело пылающего костра, ставят свои котелки и начинают оживленную беседу, пока бутылка самогона циркулирует среди них как чудодейственное средство, продлевающее жизнь и избавляющее от печали. Один из чумаков начинает петь, а остальные поддерживают песню и образуют хор. В основном меланхоличные песни часто странно контрастируют с весельем на лицах поющих, пока пение не заглушается шипением кипящего супа. Каким бы непривлекательным ни был внешний вид чумаков, в Одессе им всегда рады как вестникам урожайного года и благословения небес» [20, S. 234–235].

Заключение

В журнале «Ост унд вест» публиковались протоэтнографические тексты двух типов. Так, в издании печатались переводы славянских фольклорных текстов, принадлежащие известным публицистам из Восточной и Западной Европы. Кроме того, заметное место на страницах журнала занимали протоэтнографические произведения популярных чешских и чешско-немецких авторов, призванные продемонстрировать особенности повседневной культуры славянских народов немецкоязычному читателю. Среди них выделялись материалы, посвященные России¹⁵. Протоэтнографические тексты, повествующие о восточнославянских реалиях, присылали и некоторые немецкие авторы. Оригинальные описания этнографической специфики и зарисовки из жизни русских деревень и городов были представлены такими сотрудниками редакции, как В. фон Вальдбрюль, Ф. Ульм и М. Гейне. Можно согласиться с мнением А. Хофмана о том, что журнал «Ост унд вест» «интересовался русской культурой с любовью и сочувствием, и этот интерес был чрезвычайно плодотворным,

учитывая ограничения пространства, времени и цензуры» [2, S. 230]. Популярность русской тематики соответствовала тому интересу, который Россия вызывала в то время во всей Европе. В чешской среде при этом зарождалась панславистская идеология. Она, как ожидалось, должна была функционально оправдать усилия чехов в вопросе этнической эмансипации.

Издательская стратегия журнала основывалась на убеждении, что во избежание путаницы и эксцентричных толкований информация о славянском мире должна быть представлена в определенном контексте. А. Хофман утверждал, что сотрудники журнала смогли «углубить более раннюю гердеровскую и гриммовскую традиции изучения... духа славянских народов посредством ясной этнографической интерпретации и анализа славянской народной поэзии» [2, S. 46]. Основатель журнала Р. Глазер сплотил вокруг себя сторонников укрепления славяно-немецкого взаимопонимания. Многие из них даже после прекращения издания журнала продолжили культурную работу в этом направлении. Неоспоримой заслугой

¹⁵ Не всегда речь шла о славянах. Внимание уделялось также калмыкам, армянам, черкесам и некоторым другим народам, проживавшим на территории Российской империи.

сотрудников журнала, по словам А. Хофмана, является то, что они внесли весомый вклад «в открытие „таинственного Востока“ для немецкоязычного читателя» [2, S. 231]. Так, благодаря изданию «Ост унд вест» в немецкой среде распространялась информация не только о западных славянах, но и о восточных и южных славянах.

Деятельность И. Г. Коля повлияла на развитие многих научных дисциплин, особенно географии, этнологии, социологии и других гуманитарных наук. Работы публициста о народах трех континентов, написанные в поздний период творчества, вдохновили многих исследователей. Одну из монографий И. Г. Коля посвятил проблемам чешских земель¹⁶. Вслед за ним и другие немецкоязычные ученые пожелаали отразить в своих протоэтнографических текстах реалии чешской среды XIX в. Речь идет о первом томе большого этнографического путевого очерка из серии книг «Сто дней путешествия по австрийским землям», который автор посвятил А. фон Гумбольдту и опубликовал в 1842 г. под названием «Путешествие в Богемию» [21]. В этой работе И. Г. Коля проявил себя как проникательный наблюдатель, с пристрастием исследующий культуру жителей Праги, культурные различия и сходства между чешским и немецким населением, чешское национальное движение, жизнь пражских евреев и языковую ситуацию в Праге.

В монографии «Народы Европы» [22] И. Г. Коля предвосхищает появление европейской сравнительной этнологии. Несмотря на то что она содержит компиляционный обзор жизни разных европейских народов¹⁷, важность этого исследования заключается в том, что автор предпринимает попытку провести сравнительный анализ культурных особенностей представителей отдельных наций.

Жизненный и творческий путь второго протоэтнографа, Л. Александера, неизвестен нам. Имеются сведения только о том, что публицист высылал свои материалы в журнал «Ост унд вест» из Варшавы, откуда, по его словам, он отправлялся в экспедиции по Российской империи [18, S. 219].

Несмотря на то что редактор и сотрудники журнала «Ост унд вест» на протяжении всего времени его существования прилагали значительные усилия для продвижения идеи межнационального диалога, который они рассматривали как необходимое средство прогресса человечества, журнал не смог пережить революцию 1848–1849 гг. Такой итог был обусловлен несколькими причинами. Издание пользовалось большей популярностью среди немцев за границей, чем среди чешских немцев, на чешскую славянскую среду оно также не произвело сильного впечатления, как и не привлекло других славян за пределами чешских земель. В частной переписке Р. Глазер не раз отмечал, что журналу не уделяют должного

внимания на родине, поэтому издание непрерывно испытывает нехватку средств [23, s. 3]. Он с горечью признавал: «...немцы не хотят ничего славянского (я имею в виду теперь немцев в славянских странах, ведь иностранцы любят славянские новости), а славяне не купят ни одного немецкого журнала» (цит. по [8, s. 209]). По мнению одного из современных исследователей, причина того, что издание «Ост унд вест» не было так почитаемо на родине, как можно было бы ожидать, «...кроется исключительно в его отчаянной и совершенно бесплодной попытке посредничества... Р. Глазер в своем журнале служит немцам так же мало, как и чехам» [8, s. 209].

Проблема с привлечением подписчиков, которые позволили бы газете выжить в трудные времена, во многом была обусловлена изменением социального климата в Центральной Европе. Во второй половине 1830-х – первой половине 1840-х гг. культурные устремления этнически эмансипированной чешской интеллигенции постепенно принимали форму политических требований. События 1848 г. стали кульминацией данного процесса. Революционные потрясения этого периода, сопровождавшиеся неудержимым ростом национализма в Чехии, оказались не по силам журналу «Ост унд вест» как либеральному периодическому изданию, программно отстаивавшему идею о плодотворном многонациональном диалоге. Последний номер журнала был опубликован 10 июня 1848 г.

Среди зарубежных читателей журнал имел большую популярность. Для многих издание стало важнейшим источником информации о культурных событиях в Восточной Европе, поэтому неудивительно, что вопреки недолговечности своего существования оно оставило значительный след в европейской публицистике. Идея создания журнала просветительского характера, отражающего особенности жизни за рубежом, привела к учреждению нескольких подобных изданий в Европе. В 1838 г. в итальянском городе Триесте начал выходить журнал «Адриа» («Adria»), целью которого было установление посредничества между итальянским и немецким обществами. В следующем году французское издание «Панорама Германии» («Panorama del'Allemagne») взяло на себя роль транслятора достижений немецкой культуры. В 1841 г. было основано либеральное периодическое издание «Пограничные посланники» («Grenzboten»), популяризовавшее идею о немецко-фламандской дружбе [2, S. 59].

Таким образом, сторонники установления позитивных славяно-немецких отношений находили вдохновение в публикациях журнала «Ост унд вест» даже в XX в., несмотря на все невзгоды, которым подвергались в этот период культурная дружба и политическое сотрудничество между славянами и немцами.

¹⁶Чешской культурой интересовался, например, немецкий этнолог Р. Андре.

¹⁷Для контекстуального подхода И. Г. Коля характерно то, что он уделял внимание и таким народам, как арабы, татары и берберы.

Библиографические ссылки / References

1. Dobrowsky J. *Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache, zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche, zur vollkommenern Kenntniss für Böhmen*. Prag: Johann Herrl; 1809. 399 S.
2. Hofman A. *Die Prager Zeitschrift «Ost und West»: ein Beitrag zur Geschichte der deutsch-slawischen Verständigung im Vormärz*. Berlin: Akademie-Verlag; 1957. 357 S.
3. Vermeulen Han F. *Before boas: the genesis of ethnography and ethnology in the German enlightenment*. Lincoln: University of Nebraska Press; 2015. 718 p.
4. Zeil W. *Slawistik in Deutschland. Forschungen und Informationen über die Sprachen, Literaturen und Volkskulturen slawischer Völker bis 1945*. Köln: Böhlau; 1994. 606 S.
5. Ananieva A, Haaser R. Elegante Unterhaltung die Leipziger Zeitung für die elegante Welt und ihre deutschsprachigen Nachfolger in Prag und Ofen-Pest. Im: Mellmann K, Reiling J, Herausgeber. *Literarische Öffentlichkeit im mittleren 19 Jahrhundert. Vergessene Konstellationen literarischer Kommunikation zwischen 1840 und 1885*. Berlin: De Gruyter; 2016. S. 35–60.
6. Höhne S. Nationale Antagonismen in Böhmen. Überlegungen zum Programm von Ost und West. *Brücken Germanistisches Jahrbuch Tschechien – Slowakei, Neue Folge*. 2001–2002;1–2:62–85.
7. Jiroudková M. Časopis Ost und West Jana Rudolfa Glasera jako výraz snahy o porozumění mezi oběma národnostmi v Čechách. *Klub přátel starého Smíchova* [Internet]. 2009 [citováno 18 dubna 2020]. Dostupné v: <http://www.starysmichov.cz/view.php?cisloclanku=2009010008>.
8. Vondra J. Pražský německý časopis Ost und West. *Svět literatury*. 2006;34:201–216.
9. Harbsmeier M. *Wilde Völkerkunde: Andere Welten in deutschen Reiseberichten der Frühen Neuzeit*. Frankfurt am Main: Campus; 1994. 330 S.
10. Elsmann T. *Johann Georg Kohl: ein Leben zwischen der Alten und der Neuen Welt*. Bremen: Carl Schünemann Verlag; 2010. 389 S.
11. Kohl JG. *Reisen in Südrussland. Erster Theil. Neurußland – Odessa – Ausflüge in die Steppen. Nebst einer Karte der Anlage des Pontus*. Dresden: Arnoldische Buchhandlung; 1847. 300 S.
12. Kohl JG. Deutsche Hiebe in Rußland oder Musterkolonien zur Civilisirung der Slawen. *Ost und West*. 1841;38:154–155.
13. Kohl JG. *Reisen im Inneren von Rußland und Polen. Theil 2, Die Ukraine. Kleinrußland. Nebst einem Titelkupfer, einem Plane der Wintermesse in Charkow und einer Karte von Kleinrußland*. Dresden: Arnold; 1841. 399 S.
14. Kohl JG. Großrussen und Kleinrussen. Eine ethnographische Parallele. *Ost und West*. 1840;17:73–74.
15. Kohl JG. Großrussen und Kleinrussen. Eine ethnographische Parallele. *Ost und West*. 1840;18:81–82.
16. Alexander L. Skizzen aus Südrussland. *Ost und West*. 1841;55:223–224.
17. Lozoviuk P, Prigarin A, Knyazeva E, Demin O, Petrova E. *Etnologiya Odessy v istoricheskoi i sovremennoi perspektivakh* [Ethnology of Odessa in historical and modern perspectives]. Odessa: Irbis; 2017. 387 p. Russian.
18. Alexander L. Skizzen aus Südrussland. *Ost und West*. 1841;54:219–220.
19. Alexander L. Skizzen aus Südrussland. *Ost und West*. 1841;59:239.
20. Alexander L. Skizzen aus Südrussland. *Ost und West*. 1841;58:234–235.
21. Kohl JG. *Hundert Tage auf Reisen in den österreichischen Staaten. Theil 1, Reise in Böhmen*. Dresden: Arnoldische Buchhandlung; 1842. 349 S.
22. Kohl JG. *Die Völker Europa's. Cultur- und Charakterskizzen der europäischen Völker. Mit Vignetten und Farbendrucktafeln, nach Aquarellen von A. Kretschmer*. Hamburg: Vereinsbuchhandlung; 1868. 406 S.
23. Krátká P. *Glaser Rudolf (1796) 1809–1868. Inventář*. Praha: Archiv hlavního města Prahy; 2012. 24 s.

Получена 22.05.2024 / исправлена 22.06.2024 / принята 26.06.2024.
Received 22.05.2024 / revised 22.06.2024 / accepted 26.06.2024.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
-------------------	---

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

Историческому факультету БГУ – 90 лет

<i>Кохановский А. Г.</i> Научно-инновационный потенциал исторического факультета Белорусского государственного университета: традиции и современность	7
<i>Яновский О. А.</i> Российская история в Белорусском государственном университете: трансформация институциональности, практик преподавания и исследований (1921–2024)	14

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

<i>Лавринович Д. С.</i> Деятельность депутатов Гродненской губернии в Первой Государственной думе Российской империи	24
<i>Лисовская Т. В.</i> Работа с детьми и молодежью в белорусских позднепротестантских общинах (1917–1991)	35
<i>Бушув А. С.</i> Уроженцы БССР в составе потерь Красной армии при освобождении северо-восточных районов Польши в 1944–1945 гг.	47

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Лукашевич А. М.</i> Мобилизационные планы Отдельного корпуса пограничной стражи Российской империи и их реализация в начале Первой мировой войны (1904–1914)	57
<i>Карпюк С. Г.</i> Осада афинского Акрополя в 508–507 гг. до нашей эры	72
<i>Васильев Д. В.</i> Мургабское государево имение: особенности экономического развития и процесса колонизации в конце 1880-х гг.	78

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Лозовиук П.</i> Протоэтнографические публикации на восточнославянскую тематику в пражском журнале «Ост унд вест»	89
---	----

ЗМЕСТ

Ад рэдакцыі.....	5
------------------	---

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

Гістарычнаму факультэту БДУ – 90 гадоў

<i>Каханоўскі А. Г.</i> Навукова-інавацыйны патэнцыял гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: традыцыі і сучаснасць	7
<i>Яноўскі А. А.</i> Расійская гісторыя ў Беларускім дзяржаўным універсітэце: трансфармацыя інстытуцыянальнасці, практык выкладання і даследаванняў (1921–2024).....	14

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Лаўрыновіч Д. С.</i> Дзейнасць дэпутатаў Гродзенскай губерні ў Першай Дзяржаўнай думе Расійскай імперыі	24
<i>Лісоўская Т. В.</i> Праца з дзецьмі і моладдзю ў беларускіх познепратэстанцкіх абшчынах (1917–1991)...	35
<i>Бушуеў А. С.</i> Ураджэнцы БССР у складзе страт Чырвонай арміі пры вызваленні паўночна-ўсходніх раёнаў Польшчы ў 1944–1945 гг.	47

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Лукашэвіч А. М.</i> Мабілізацыйныя планы Асобнага корпуса пагранічнай варты Расійскай імперыі і іх рэалізацыя ў пачатку Першай сусветнай вайны (1904–1914)	57
<i>Карпюк С. Г.</i> Асада афінскага Акропаля ў 508–507 гг. да нашай эры	72
<i>Васільеў Д. В.</i> Мургабскі гасудараў маёнтак: асаблівасці эканамічнага развіцця і працэсу каланізацыі ў канцы 1880-х гг.	78

ЭТНАЛОГІЯ

<i>Лазавюк П.</i> Протаэтнаграфічныя публікацыі на ўсходнеславянскую тэматыку ў пражскім часопісе «Ост унд вест»	89
--	----

CONTENTS

Editorial.....	5
SPECIAL TOPIC SECTION	
The faculty of history of BSU is 90 years old	
<i>Kakhanouski A. G.</i> Scientific and innovative potential of the faculty of history of the Belarusian State University: traditions and modernity	7
<i>Yanouski A. A.</i> Russian history in the Belarusian State University: transformation of institutionality, teaching practices and research (1921–2024).....	14
BELARUSIAN HISTORY	
<i>Lavrionovich D. S.</i> Activities of deputies from Grodno Province in the First State Duma of the Russian Empire	24
<i>Lisouskaya T. V.</i> Work with children and youth in Belarusian late protestant communities (1917–1991) ...	35
<i>Bushuev A. S.</i> Natives of the BSSR in the losses of the Red Army during the liberation of north-eastern regions of Poland in 1944–1945	47
WORLD HISTORY	
<i>Lukashevich A. M.</i> Mobilisation plans of a Separate Border Guard Corps of the Russian Empire and their implementation at the beginning of the World War I (1904–1914)	57
<i>Karpyuk S. G.</i> Siege of the Acropolis of Athens in 508–507 BC	72
<i>Vasilyev D. V.</i> Murghab Sovereign’s Estate: features of economic development and the process of colonisation in the late 1880s.....	78
ETHNOLOGY	
<i>Lozoviuk P.</i> Proto-ethnographic publications on the East Slavic theme in the Prague journal «Ost und West»	89

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.
Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 4. 2024**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 4. 2024**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *Е. В. Жерносек, А. С. Люкевич*
Технические редакторы *М. М. Баулина, В. В. Пишкова,*
М. А. Панкратова
Корректоры *Л. А. Меркуль, С. Р. Пинчук, П. А. Нгомека*

Подписано в печать 31.10.2024.
Тираж 45 экз. Заказ 1052.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2024

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 4. 2024**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors *E. V. Zhernosek, A. S. Lyukevich*
Technical editors *M. M. Baulina, V. V. Pishkova,*
M. A. Pankratova
Proofreaders *L. A. Merkul', S. R. Pinchuk, P. A. Ngomeka*

Signed print 31.10.2024.
Edition 45 copies. Order number 1052.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2024